

ДИАНА ГЭБЛДОН

Эхо прошлого

Книга 2
На краю пропасти

История, ставшая
культовым сериалом «Чужестранка»

Чужестранка

Диана Гэблдон

**Эхо прошлого. Книга
2. На краю пропасти**

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Гэблдон Д.

Эхо прошлого. Книга 2. На краю пропасти / Д. Гэблдон —
«Эксмо», 2009 — (Чужестранка)

ISBN 978-5-04-098647-7

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Ради такой любви стоит жить и рисковать жизнью. XX век. Брианна и Роджер Маккензи вместе со своими детьми, Джемом и Амандой, живут обычной жизнью в поместье Лаллиброх. Они изучают историю любви Джейми и Клэр по старинным письмам и документам, пытаются отыскать ключи к разгадке запутанной судьбы своей семьи. Но и здесь, в двадцатом столетии, им предстоит столкнуться со старым врагом из прошлого. XVIII век. Восстание за независимость Америки заставляет Клэр и Джейми покинуть дом и отправиться в Шотландию. Но обстоятельства вновь разделяют супругов, а воссоединение оказывается не таким простым, как представлялось.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-098647-7

© Гэблдон Д., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Часть четвертая. Связи	6
Глава 32. Шквал подозрений	6
Глава 33. Интрига усложняется	10
Глава 34. ...ибо Ты поддержал меня[4]	14
Глава 35. Тикондерога	24
Глава 36. Великое Мрачное болото	29
Глава 37. Чистилище	35
Глава 38. Простые речи	50
Глава 39. Вопрос совести	55
Глава 40. Благословление Брайд и святого Михаила	62
Глава 41. Укрытие от бури	68
Часть пятая. На краю пропасти	75
Глава 42. Перекресток	75
Глава 43. Обратный отсчет	79
Глава 44. Друзья	82
Глава 45. Три стрелы	87
Глава 46. Леи	90
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Диана Гэблдон
Эхо прошлого. Книга 2. На краю пропасти

© Метлицкая И., Парахневич Е., Сафронова А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть четвертая. Связи

Глава 32. Шквал подозрений

*Лорд Джон Грей – Артуру Норрингтону
4 февраля 1777 года
(шифр № 158)*

«Мой дорогой Норрингтон!

После нашего разговора я сделал несколько открытий, которыми считаю нужным поделиться.

В конце года я посетил Францию и навестил барона Амандина. Точнее, я гостил у него несколько дней и имел возможность неоднократно с ним беседовать. Есть веские причины полагать, что Бошан имеет прямое отношение к делу, которое мы с тобой обсуждали, и связан с также замешанным во всем Бомарше.

Я просил аудиенции у Бомарше, но мне отказали. Поскольку раньше он меня принимал, видимо, я разворошил это осиное гнездо. Будет полезно установить наблюдение за ними. Также обрати внимание на переписку компании «Родриго Горталез и Ко» с французами (обязательно поговори с тем, кто у вас заведует испанской корреспонденцией). Я не обнаружил ничего подозрительного и ничего важного, вроде имен директоров компании; именно это и внушает мне подозрения.

Был бы рад узнать, что тебе известно о данном деле.

*С наилучшими пожеланиями,
лорд Джон Грей.*

Постскриптум: Не мог бы ты написать мне, кто сейчас возглавляет американский почтовый отдел?»

*** * ***

*Лорд Джон Грей – Гарольду, герцогу Пардлоу
4 февраля 1777 года
(семейный шифр)*

«Хэл, я видел Амандина. Уэйнрайт и в самом деле живет в поместье «Три стрелы» и имеет нездоровые отношения с бароном. Я познакомился с сестрой барона, женой Уэйнрайта. Она определенно знает об отношениях брата и мужа, но хранит молчание. Кроме этого, она, похоже, не знает ничего. Более глупой женщины я еще не встречал. Открыто демонстрирует похоть и отвратительно играет в карты. Впрочем, как и сам барон, чье поведение убедило меня, что ему кое-что известно о политических махинациях Уэйнрайта – когда я завел об этом разговор, он принялся юлить, а в искусстве недомолвок он не силен. Хотя в целом неглуп. Впрочем, он все

равно рассказал бы Уэйнрайту о моем визите. Я посоветовал Норрингтону обращать внимание на любые связанные с ними события.

Однако даже зная способности Уэйнрайта и его связи (точнее, недостаточное количество оных), я все же не вполне выяснил степень его вовлеченности в дело. Хорошо еще, если французское правительство и в самом деле задумало то, о чем он мне рассказал, и послало человека вроде Уэйнрайта поговорить с человеком вроде меня, сочтя это достаточно *sub rosa*¹. Разумеется, подобное предложение выгодно тем, что его будет легко отклонить. И все же кое-что меня во всем этом настораживает.

Вскоре я навещу тебя; к тому времени хотелось бы узнать что-нибудь определенное о капитане Эзикиеле Ричардсоне, а также о капитане Дэннисе Рэндолле-Айзексе.

Твой самый преданный брат,
Джон.

Постскриптум: Надеюсь, ты идешь на поправку».

* * *

Гарольд, герцог Пардлоу – лорду Джону Грею
6 марта 1777 года, Бат
(семейный шифр)

«Я еще не умер. А жаль, ибо Бат омерзителен. Меня каждый день заворачивают в ткань, словно посылку, и окунают в бурлящую воду с запахом тухлых яиц. Затем разворачивают и заставляют принимать ту же воду внутрь. Минни говорит, что, если я не буду этого делать, она подаст в Палату лордов прошение о разводе по причине моей неспособности исполнять супружеский долг. Вряд ли она так сделает, и все же...

Дэннис Рэндолл-Айзекс – сын англичанки Мэри Хокинс и офицера британской армии, некоего Джонатана Уолвертона Рэндолла, капитана драгун, погибшего в битве при Каллодене. Мать Дэнниса вышла замуж за Роберта Айзекса, еврейского торговца из Бристоля. Он владеет половиной складов во французском Бресте. Дэннис один из твоих чертовых политиков, имеет связи с Жерменом, но деталей мне выяснить не удалось, не раскрыв при этом твою заинтересованность. Из проклятого Бата ничего не узнаешь.

О Ричардсоне известно мало, пришлось написать кое-кому в Америку. Да, я крайне осмотрителен, как ты уже заметил.

Здесь Джон Бергойн, лечится. Бурно радуется тому, что Жермен одобрил его план нападения из Канады. Я поговорил с ним об Уильяме – он неплохо знает французский и немецкий, а у Бергойна будут выходцы из Брансуика. Попроси Уилли вести себя осмотрительно, Бергойн уже вообразил себя главнокомандующим армией в Америке – полагаю, Гая Карлетона и Дика Хау это немало удивит.

«Три стрелы». Любопытно, кто же третья?»

¹ Тайным, конфиденциальным (лат.).

* * *

26 марта 1777 года

Лондон, мужской клуб «Общество ценителей английского бифштекса»

– Третья? – удивленно повторил Грей, уставившись на только что вскрытое письмо.

– Что за третья? – Гарри Квори отдал мокрый плащ слуге, тяжело опустился в кресло рядом с Греем и с облегченным вздохом протянул руки к огню. – Бог мой, я весь закоченел! И ты по такой погоде поедешь в Саутгемптон? – Он махнул бледной от холода ручищей в сторону окна, за которым царил мрачная картина: дождь со снегом, из-за сильного ветра идущий чуть ли не параллельно земле.

– Не сегодня. А завтра, быть может, распогодится.

Гарри скептически посмотрел в окно.

– Наверяд ли. Официант!

Бодли уже семенил к ним с тяжелым подносом, полным еды. Здесь были кексы с тмином, бисквиты, клубничный джем, мармелад, корзинка с завернутыми в салфетки булочками с маслом, лепешки, топленые сливки, фисташковое печенье, бутерброды с сардинами, тушеные с беконом и луком бобы, тарелка с ломтиками ветчины и корнишонами, бутылка бренди с двумя бокалами и – несколько запоздалый – чайник с чаем и двумя фарфоровыми чашечками на блюдцах.

– Вижу, вы меня ждали! – радостно воскликнул Гарри.

Грей улыбнулся. Когда Гарри Квори не был в походе или в деловой поездке, он каждую среду в четыре тридцать вечера приходил в клуб.

– Учитывая болезнь Хэла, я подумал, что помощь вам не помешает.

Гарри был одним из двух командиров полка – в отличие от Хэла, имеющего собственный полк. Не все полковники активно участвовали в операциях своего полка, но Хэл к ним не относился.

– Симулянт несчастный. Как он? – спросил Гарри, беря бутылку с бренди.

– Как всегда, судя по его письмам. – Грей передал Гарри вскрытое письмо.

Гарри читал – и ухмылялся все шире.

– Минни держит его в ежовых рукавицах. – Он отложил письмо, поднял бокал и кивнул. – Кто такой этот Ричардсон и почему ты им интересуешься?

– Капитан Эзикиел Ричардсон. Улан, которого приписали к разведчикам.

– Разведчик, значит. Один из Черного кабинета? – Гарри поморщился. Неясно, была ли тому причиной личность капитана Ричардсона или тертый хрен, поданный как приправа к сардинам.

– Я не очень хорошо его знаю. – Грей внезапно ощутил тот же острый укол глубокого беспокойства, что и неделю назад после квебекского письма Уильяма. – Нас познакомил сэр Джордж – он дружил с его отцом, – но тогда мы недолго общались. О нем мало говорят, нужно отдать ему должное, и говорят лишь хорошее...

– Наверное, это единственное, что хотелось бы слышать о человеке подобного рода деятельности. Ухх!.. – Гарри шумно втянул воздух широко открытым ртом, пару раз кашлянул, его глаза увлажнились, и он одобрительно тряхнул головой. – Свежий хрен, – просипел он и зачерпнул еще. – Исключительно... ух... свежий.

– Действительно. В общем, в следующий раз мы встретились в Северной Каролине и пообщались чуть дольше: ему нужно было мое разрешение, чтобы поговорить с Уильямом насчет разведки.

Бутерброд с сардинами замер на полпути ко рту Квори.

– Только не говори, что ты позволил ему втянуть Уилли в самую гущу событий.

– Разумеется, нет, у меня другое было на уме, – уязвленно произнес Грей. – Я полагал, что это предложение пойдет на пользу Уилли: во-первых, он уедет из Северной Каролины, а во-вторых, войдет в штаб Хау.

Квори кивнул, тщательно пережевал еду и проглотил ее.

– Понятно. А теперь тебя гложут сомнения.

– Именно. Тем более что с Ричардсоном мало кто близко знаком. Все, кто мне его рекомендовал, похоже, сделали это только потому, что им его тоже рекомендовали. За исключением сэра Джорджа Стэнли, который сейчас в Испании вместе с моей матерью, и старого Найджела Брюса, который так несвоевременно помер.

– Ты поступил необдуманно.

– Да. Я полагал, что смогу больше разузнать о нем, но мне не хватило времени. Мы с Дотти отплываем завтра, если погода позволит, – глянув за окно, сказал он.

– А, так вот зачем ты меня сюда пригласил, – ничуть не сердясь, заметил Гарри. – Что мне делать, если я что-то узнаю: сообщить Хэлу или написать тебе?

– Сообщить Хэлу, – вздохнул Грей. – Бог его знает, как работает почта в Америке, пусть даже Конгресс и находится в Филадельфии. Если нужно будет быстро решить какой-то вопрос, Хэл здесь справится лучше, чем я там.

Квори кивнул и наполнил стакан Грея.

– Ты не ешь, – заметил он.

– Я сегодня пообедал позже обычного.

Гораздо позже. На самом деле он сегодня вовсе не обедал. Грей взял булочку и рассеянно намазал ее джемом.

– А этот Дэннис, как там, бишь, его фамилия? О нем я тоже должен буду навести справки? – стукнув по письму вилок, спросил Квори.

– Да. Хотя, возможно, мне будет проще узнать о нем в Америке. По крайней мере, в последний раз его видели именно там. – Грей откусил от булочки, отметив, что она в меру хрустящая, как и положено идеальной булочке, и ощутил пробуждающийся аппетит. Он хотел было рассказать Гарри о том еврее, имеющем склады в Бресте, однако передумал. Вопрос связей с Францией был исключительно деликатного свойства, а Гарри отличался тщательным подходом к делу, но не осторожностью.

– Понятно. – Гарри взял бисквитное пирожное, положил на него два миндальных печенья и ложку топленых сливок и затолкал все это в рот.

И почему он не толстеет? Должно быть, из-за активных «упражнений» в борделях, которые посещает, невзирая на возраст. Сколько же Гарри лет? Чуть больше, чем Грею, чуть меньше, чем Хэлу. Прежде Грей никогда не задумывался об этом, как и о возрасте Хэла. Оба они казались ему бессмертными, он не представлял себе будущего без них. Но Гарри уже практически облысел – Грей отметил это, когда тот по привычке снял парик, чтобы почесать голову, а потом криво надел его, – а суставы его пальцев распухли, хотя чашку он держал по-прежнему изящно.

Грей неожиданно остро ощутил свой возраст – в негибкости пальцев, в приступе резкой боли в колене. А более всего – в том, что может не успеть защитить Уильяма, когда будет нужен ему.

– Что-то не так? – Гарри поднял бровь, увидев выражение лица друга.

Грей улыбнулся, покачал головой и снова взялся за стакан с бренди.

– *Timor mortis conturbat me*², – сказал он.

– Вот оно что! Что ж, выпьем, – задумчиво сказал Квори и поднял свой стакан.

² Страх смерти тревожит меня (лат.).

Глава 33. Интрига усложняется

28 февраля 1777 года от Рождества Христова, Лондон.

Генерал-майор Джон Бергойн – сэру Джорджу Жермену.

«... я не считаю, что какая-либо морская военная операция может оказаться столь же значимой для победы над врагом или столь же эффективной для окончания войны, как вторжение из Канады через Тикондерогу».

4 апреля 1777 года, английский корабль «Тартар»

Грей сказал Дотти, что «Тартар» – фрегат небольшой: всего двадцать восемь пушек, и потому ей не стоит брать с собой много вещей. Однако он удивился, увидев, что весь ее багаж состоит из одного кофра, двух саквояжей и сумочки с вышиванием.

– Неужели ты не взяла ни одного расшитого цветами манто? Уильям тебя не узнает, – поддразнил он Дотти.

– Чушь, – ответила девушка с доходчивой лаконичностью, присущей ее отцу.

Однако она почти не улыбалась и была очень бледна. Грей надеялся, что это не признак морской болезни. Он крепко взял ее за руку и держал до тех пор, пока серебристая полоска английского берега не растаяла на горизонте.

Хэл, похоже, ослаб сильнее, чем уверял, раз дал себя обмануть и позволил дочери плыть в Америку. Пусть и под защитой Грея, но по смехотворной причине – ухаживать за раненым братом. Минни, конечно, тоже беспокоится о сыне, однако от Хэла не отойдет ни на шаг. И все же она тоже не возразила против этой авантюры...

– Твоя мать знает? – поинтересовался он.

В ответ Дотти удивленно взглянула на него сквозь брошенные ветром в лицо волосы.

– О чем? Помогите мне! – Девушка схватилась за светлую паутину волос, трепетавших вокруг ее головы, словно языки пламени.

Грей обеими руками прижал волосы Дотти к голове, перехватил у шеи, умело заплел в косу, к восторгу проходившего мимо моряка, и перетянул бархатной лентой, которая раньше была вплетена в ее прическу.

– Об ужасном предприятии, в которое ты ввязалась, – пояснил он ей в затылок, завязав ленту.

Дотти обернулась и открыто взглянула на него.

– Если ты предпочитаешь описывать спасение Генри как «ужасное предприятие», то я с тобой полностью согласна. Но мама пойдет на все, чтобы вернуть его. Как и ты, полагаю, – иначе бы тебя здесь не было. – Изящно развернувшись на каблуках, девушка направилась к своей компаньонке, а Грей безмолвно смотрел ей вслед.

Вместе с одним из первых весенних кораблей прибыло письмо от Генри. Слава богу, он был жив, хотя и серьезно ранен выстрелом в живот, к тому же из-за суровой зимы он заболел. И все же он выжил и вместе с некоторыми другими английскими узниками попал в Филадельфию. Письмо написал один из его друзей-офицеров, тоже узник, однако Генри смог внизу накорябать несколько приветственных слов семье и подписаться, – при воспоминании об этих неразборчивых каракулях у Грея щемило сердце.

Обнадеживало, что Генри был именно в Филадельфии. Во Франции Грей познакомился с богатым филадельфийцем и проникся к нему симпатией – вроде бы взаимной. И теперь на ней можно было сыграть. Он невольно усмехнулся, вспомнив подробности знакомства с американским джентльменом.

В Париже Грей не задержался, лишь расспросил о Персивале Бошане, которого там не оказалось. «Уехал зимовать в свой загородный особняк», – так ему сказали. В фамильное име-

ние Бошана под названием «Три стрелы», находящееся недалеко от Компьена. Грей приобрел отороченную мехом шапку и непромокаемые сапоги, закутался в самый теплый из своих плащей, нанял лошадь и мрачно отправился в путь, отдавшись на волю завывающего ветра.

Встретили его, окоченевшего от холода и заляпанного грязью, с подозрением, однако благодаря экипировке и титулу все-таки впустили в поместье и проводили в со вкусом обставленную гостиную с камином дожидаться барона.

Он уже составил представление о бароне Амандине со слов Перси, хотя Перси, скорее всего, лгал. Конечно, строить догадки до знакомства – занятие совершенно бесполезное. Однако и не размышлять – превыше человеческих сил.

Что до мыслей – он не думал о Перси последние восемнадцать или девятнадцать лет. Но когда размышления о Перси стали не только личным, но и профессиональным делом, Грей удивился и вместе с тем расстроился от того, сколько всего он помнил о нем. Он знал его вкусы и на этом основании составил представление о бароне Амандине.

И ошибся. Барон оказался немолодым, пожалуй, даже несколькими годами старше Грея, приземистым и довольно полным, с открытым располагающим лицом. Он был одет элегантно, без показной помпезности, и приветствовал Грея весьма учтиво. Но когда он взял Грея за руку, того словно электрическим разрядом прошило. Барон держался пристойно, не позволял себе ничего лишнего, однако смотрел на Грея с жадным интересом, и, невзирая на непривлекательную внешность барона, тело Грея ответило на призывный взгляд.

Ну разумеется, Перси рассказывал о нем Амандину.

Удивившись и насторожившись, Грей коротко изложил заранее придуманную причину визита. Ему ответили, что месье Бошан, увы, сейчас в Эльзасе, охотится на волков вместе с месье Бомарше – что подтверждало одно из предположений Грея. Но, быть может, его светлость воспользуется гостеприимством «Трех стрел» хотя бы на эту ночь?

Грей многословно поблагодарил барона и переоделся, сняв верхнюю одежду и сменив сапоги на вычурные домашние туфли Дотти. Увидев их, барон удивленно заморгал; впрочем, туфли пришлось кстати, когда барон повел Грея по длинному коридору, увешанному портретами.

– В библиотеке нас ждут закуски и напитки, – сказал Амандин. – Вы, разумеется, замерзли и устали, но, если не возражаете, позвольте мне *en route*³ представить вам еще одного моего гостя. Мы пригласим его присоединиться к нам.

Грей пробормотал что-то одобрительное и отвлекся на легкое давление руки Амандина, которая лежала на его спине чуть ниже, чем принято. Они подошли к двери в конце коридора.

– Он американец. – Голос у барона был необычный: мягкий, теплый и бархатистый, словно очень сладкий чай «улун». – И ежедневно проводит здесь некоторое время. – Барон открыл дверь и жестом предложил Грею войти. – Говорит, это укрепляет его здоровье.

Во время его речи Грей из вежливости смотрел на барона, затем повернулся к американскому гостю. Доктор Франклин – так представил его барон – сидел в раскладном кресле, залитый солнечным светом. Абсолютно голый.

Они разговорились, причем все присутствующие выказывали полнейшую невозмутимость. Как выяснилось, доктор каждый день принимает воздушные ванны, чтобы кожа дышала наравне с легкими, очищаясь от грязи, – ведь защита организма слабеет, если кожа задыхается под загрязненной одеждой.

Грей ощущал на себе задумчиво-насмешливый взгляд Амандина и остро чувствовал свою загрязненную одежду, под которой, несомненно, задыхалась его кожа. Как странно: этот чужак посвящен в его самую сокровенную тайну и, в сущности, является частью нее – если

³ По пути (*фр.*).

только Перси лгал не во всем, что вряд ли. Головокружительно опасно, словно смотришь вниз с крутого обрыва. И чертовски волнующе... а вот это уже тревожно.

Американец начал рассказывать о необычной геологической формации, замеченной им по пути из Парижа сюда, и поинтересовался, видел ли ее Грей. Он был уже стар, хотя выглядел неплохо, не считая нескольких лиловых пятен на ногах, и отнюдь не наводил на фривольные мысли, однако плоть Грея напряглась – из-за неприкрыто оценивающего взгляда Амандина. Вспомнилось, как он спросил у Перси, когда тот признался, что спит и с женой, и с деверем-бароном: «Одновременно?» Интересно, сестра барона сопровождает мужа или тоже сейчас в особняке? Чуть ли не впервые Грей серьезно задумался – не извращенец ли он сам?

– Не хотите присоединиться к доктору в его целебном упражнении, милорд?

Грей тут же отвел взгляд от Франклина и посмотрел на барона. Тот уже снимал камзол. Но прежде, чем Грей придумал ответ, Франклин поднялся, сказал, что на сегодня он достаточно укрепил здоровье, с насмешливым интересом посмотрел на Грея и добавил:

– Впрочем, мой уход, разумеется, не должен помешать вам, месье.

Барон тут же надел камзол, с безукоризненной вежливостью сообщил, что присоединится к ним в библиотеке за аперитивом, и вышел.

Грей помог Франклину одеться. Страдающий плечевым артритом американец медленно просунул руки в рукава шелкового халата, а Грей наблюдал, как его белые, слегка отвисшие, но все еще крепкие и гладкие ягодицы скрываются под тканью.

– Благодарю вас, милорд. Полагаю, вы раньше не встречались с Амандином?

– Нет. Я несколько лет назад познакомился с его деверем, месье Бошаном. В Англии, – зачем-то уточнил Грей.

При слове «Бошан» в глазах Франклина что-то промелькнуло, и Грей спросил:

– Вы с ним знакомы?

– Слышал фамилию, – бесстрастно ответил Франклин. – Значит, Бошан англичанин?

При фразе «слышал фамилию» в уме Грея пронеслась масса ошеломительных предположений, но после их не менее стремительного анализа Грей тоном, дающим понять, что это всего лишь констатация факта, сказал просто:

– Да.

В последующие дни Грей с Франклином имели несколько занимательных бесед, в которых имя «Перси Бошан» привлекало внимание своим отсутствием. Узнав, что Грей весной едет в Колонии, Франклин перед отъездом в Париж вручил ему несколько рекомендательных писем к своим друзьям. Грей, проникшийся к этому пожилому джентльмену симпатией, остался в твердом убеждении, что доктор Франклин точно знает, кем был и кем является Перси Бошан.

– Прошу прощения, сэр, – извинился матрос «Тартара», локтем отодвинув Грея в сторону.

Грей ошеломленно заморгал. Пока он предавался воспоминаниям, его руки ооченели, а щеки онемели от холода. Моряки привычно работали на ледяном ветру, а Грей спустился в каюту, стыдясь, что ему приятно было вспомнить свой визит в «Три стрелы».

* * *

3 мая 1777 года, Нью-Йорк

«Дорогой отец!

Я только что получил твое письмо о кузене Генри и очень надеюсь, что ты сможешь выяснить, где его держат, и поспособствовать его освобождению. Если я что-нибудь узнаю о нем, то обязательно напишу. Есть

ли у тебя в Колониях доверенные люди, которым я могу передавать письма для тебя? Если нет, то я буду отправлять их мистеру Сандерсу в Филадельфии, а их копии – судье О'Кифу в Ричмонде.

Прости, что я так долго не писал. Увы, причиной тому не всегда была моя занятость, порой – апатия и нежелание что-либо делать. Зима в Квебеке скучна, невзирая даже на то, что однажды на охоте я подстрелил жуткое создание, известное как «росомаха». В конце марта я получил письмо от адъютанта генерала Хау, в котором сообщалось, что некоторые из людей сэра Гая вернулись в крепость, и последовал за ними в Нью-Йорк.

Я не получал писем от капитана Рэндолла-Айзекса и не слышал о нем с самого возвращения. Боюсь, беднягу поглотила вьюга. Если ты знаешь кого-нибудь из подчиненных капитана, то, быть может, напишешь им о моих надеждах на то, что он жив? Я написал бы сам, но понятия не имею, где их искать и как выразить свои чувства в случае, если они ничего не знают о его судьбе или, что хуже, знают.

Мне в поездке повезло больше, чем тебе, – когда мы плыли вниз по реке, то потеряли всего лишь несколько судов: на волоке недалеко от Тикондероги нас обстрелял отряд американских лучников из форта. Никого не ранило, но некоторые каноэ были повреждены, и, к сожалению, это стало заметно, лишь когда их спустили на воду – две лодки мгновенно затонули. А на земле мы страдали из-за раскисших от грязи дорог и полчищ хищных насекомых.

Со времени моего возвращения мы не сделали почти ничего полезного, зато строили много планов. Изнывая от безделья на мероприятиях, – ты назвал бы их «приемами», хотя девушки в Нью-Йорке совершенно не умеют танцевать, – я вызывался развозить депеши, что послужило мне отдушиной.

Вчера я получил приказ вернуться в Канаду и присоединиться к штабу генерала Бергойна. Правильно ли я понял, отец, что это дело рук твоего итальянского помощника? Если так, то спасибо.

Я снова встретил капитана Ричардсона – он приходил ко мне домой прошлой ночью. Мы не виделись почти год, так что я немало удивился. Он не интересовался нашей поездкой в Квебек – эта информация, к сожалению, уже не является тайной, а когда я спросил его насчет Рэндолла-Айзекса, он лишь покачал головой и сказал, что ничего не знает.

Он слышал о моем задании доставить особую депешу в Виргинию до поездки в Канаду и, хотя я не должен ни на что отвлекаться, попросил меня по пути туда оказать ему небольшую услугу. Я опасливо – сказывалось долгое проживание на холодном севере – поинтересовался у него, в чем состоит услуга. Он заверил меня, что это всего лишь доставка шифрованного послания группе джентльменов-лоялистов в Виргинии, на что, учитывая мое знакомство с местностью, у меня уйдет всего день-другой, не более.

Я согласился, в основном, чтобы посетить кое-какие места в Виргинии, которые вспоминаю с теплотой, а не желая обязывать Ричардсона. Я слегка опасаясь его.

Храни тебя Бог в твоём путешествии, отец, и, пожалуйста, передай моей драгоценной Дотти, что я ее люблю и стремлюсь к ней всем сердцем. И скажи ей, что в Канаде я подстрелил сорок два горноста, чтобы подарить ей плащ из их шкурок.

Любящий тебя негодяй Уильям».

Глава 34. ...ибо Ты поддержал меня⁴

6 октября 1980 года, Лаллиброх

Брианна договорилась с руководством гидроэлектростанции: теперь она могла инспектировать объекты и ремонтировать обслуживающие их механизмы всего три дня в неделю, а оставшиеся два дня – писать отчеты и заполнять документы дома. Она пыталась расшифровать записи Роба Кэмерона об энергоснабжении второй турбины на озере Эррочти, накаляканные восковым карандашом на обрывке пакетика из-под обеда, и вдруг из кабинета, находящегося в другом конце коридора, донесся шум.

Сперва она бездумно прислушивалась к тихому гудению, приняв его за жужжание мухи, бьющейся в стекло, но вскоре поняла, что муха не может петь псалом «Господь – пастырь мой»⁵ на мотив «Святого Колумбы».

Исполнявший песню голос был груб, словно наждак, и то повышался, то понижался, но все же выводил мелодию. Песню прервал внезапный приступ кашля. Невидимый певец тщательно прочистил горло и снова запел, но уже на мотив старого шотландского гимна «Кри-монд»:

*Господь – пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться.
Он покоит меня на злачных пажитях
И водит меня к водам тихим.*

«К водам тихим» было повторено несколько раз на разный мотив, а затем певец напористо продолжил:

*Подкрепляет душу мою;
Направляет меня на стези правды
Ради имени Своего.*

Брианна дрожала, по ее щекам текли слезы, а ко рту она прижала платок, чтобы певец не услышал ее всхлипываний.

– Спасибо, спасибо, – шептала она в платок.

Пение прекратилось, перейдя в гудение, низкое и довольное. Брианна взяла себя в руки и торопливо отерла слезы. Уже почти полдень, он может в любой момент заглянуть сюда и позвать ее на обед.

Роджер сильно сомневался, стоит ли работать помощником хормейстера, и изо всех сил старался, чтобы она этого не заметила. Она втайне разделяла его сомнения, пока он однажды не сказал ей, что детский хор передали ему полностью, и тогда все ее сомнения улетучились. Детей не сковывают условности, они способны беззастенчиво спросить о странностях, о которых промолчат взрослые, и безоговорочно принять их, когда привыкнут.

– Когда они спросили о твоём шраме? – поинтересовалась Брианна у улыбающегося Роджера после первого урока.

– Думаю, секунд через тридцать. – Он двумя пальцами легонько потер пересекающий горло шрам, но улыбаться не перестал. – «Скажите, пожалуйста, мистер Маккензи, что случилось с вашим горлом? Вас повесили?»

– И что ты им ответил?

⁴ Псалтирь, Псалом 29, строка 1.

⁵ Псалтирь, Псалом 22.

– Сказал – да, в Америке меня повесили, но я, слава богу, выжил. А у некоторых из них есть старшие братья и сестры, которые смотрели вестерн «Всадник с высоких равнин» и рассказали им об этом фильме, так что я сильно вырос в их глазах. Ребятки наверняка ждут, что раз уж они меня рассекретили, то на следующее занятие я принесу шестизарядный кольт.

Он прищурился точь-в-точь как Клинт Иствуд, и Брианна рассмеялась.

Засмеялась она и сейчас, вспомнив об этом разговоре, а тем временем Роджер заглянул в комнату и спросил:

– Знаешь, сколько существует положенных на музыку версий двадцать второго псалма?

– Двадцать две? – поднимаясь из-за стола, наугад сказала Брианна.

– В пресвитерианском сборнике церковных гимнов их всего шесть, – признался Роджер. – Но его метрика – английская я имею в виду – восходит к 1546 году. Один есть в «Псалтыре колонистов Массачусетского залива», еще один – в старом «Шотландском псалтыре», отдельные фрагменты встречаются то там то сям. Еврейский вариант я тоже слышал; вряд ли он уместен в приходе Святого Стефана. А католики его исполняют под музыку?

– Католики исполняют под музыку все, – сказала Брианна, принохиваясь к запаху еды с кухни. – Однако псалмы мы обычно поем по-особому. Я знаю четыре разных григорианских песнопения, – важно заявила она, – хотя их гораздо больше.

– Да? Спой!

Брианна лихорадочно принялась вспоминать слова двадцать второго псалма и облекла их в самое простое песнопение – в детстве она пела его часто и запомнила лучше прочих.

– Впечатляет, – признался Роджер, когда она умолкла. – Исполнишь вместе со мной? Хочу спеть его детям, пусть послушают. С григорианскими песнопениями они точно справятся.

Кухонная дверь распахнулась, и к ним выбежала Мэнди в обнимку с мистером Полли – набивной игрушкой, которая некогда была птицей неведомого вида, а теперь напоминала неопрятный всклокоченный мешок с крыльями.

– Суп, мама! Идем есть суп! – закричала Мэнди.

И они ели суп – «Куриную лапшу Кэмпбелла» из банки, заедая бутербродами с сыром и солеными огурцами. Энни Макдональд готовила посредственно, но съедобно – уже хорошо, особенно если вспомнить, что они ели, сидя у чахлого костерка на промокшей вершине горы, или как доставали из золы подгоревшие остатки пищи. Брианна с теплотой взглянула на газовую плиту марки «Ага», благодаря которой кухня была самым уютным местом в доме.

– Спой мне, папочка! – попросила Мэнди и растянула в улыбке губы с ободком горчицы. Между зубов у нее застрял сыр.

Роджер откашлялся, прочищая горло.

– Спеть? А что именно?

– «Тли сипых мысонка»!

– Хорошо. Только ты пой со мной, чтобы я не сбился. – Он улыбнулся дочери и принялся стучать по столу черенком ложки, отбивая ритм.

– Три слепых мышонка... – запел он и указал ложкой на Мэнди.

Та глубоко вздохнула и подхватила:

– Тли сипых мысонка!

Пела она громко, но с ритма не сбивалась. Удивленно подняв брови, Роджер посмотрел на Бри и продолжил песню. Так, чередуясь, они спели ее пять или шесть раз, пока Мэнди не надоело.

– Плостите, – сказала она, встав из-за стола. И ушла, покачиваясь, словно низко летящий шмель, по пути задев дверной косяк.

– Что ж, чувство ритма у нее определенно есть, – сказал Роджер и добавил, услышав громкий звук падения в коридоре: – В отличие от координации. Со временем станет ясно, есть

ли у нее музыкальный слух. У твоего отца отличное чувство ритма, а спеть одну и ту же ноту одинаково он не мог.

– Примерно то же ты делал в Фрэзер-Ридже, – вдруг сказала Брианна. – Пел строчку из псалма и просил людей повторить ее.

Вспомнив об этом, Роджер слегка изменился в лице. В то время он вновь обрел свое призвание, и эта определенность изменила его. Брианне он тогда казался очень счастливым, у нее сердце щемило от вида его горящих вдохновением глаз.

Роджер улыбнулся и салфеткой стер с ее щеки пятно горчицы.

– Это устаревший способ пения. Хотя кое-где на островах до сих пор так поют, строка за строкой, а может, и в удаленных уголках гэльтахта⁶ тоже. Американские пресвитериане так не поют.

– Неужели?

– «Правильно – петь, не дробя псалом на строки, – процитировал Роджер. – Практика чтения псалма строка за строкой зародилась во времена невежества, когда большая часть паствы не умела читать. Так или иначе, от этой традиции нужно избавляться, пусть она и удобна». Так написано в «Конституции американской пресвитерианской церкви».

«Значит, ты все-таки хотел принять духовный сан, пока мы были в Бостоне», – подумала Брианна.

– Времена невежества? Интересно, что сказал бы Хирам Кромби про наше время!

Роджер усмехнулся.

– Это по большей части правда. Многие в Ридже не умели читать. Но я не согласен с утверждением, что мы пели псалмы таким образом лишь из-за невежества или отсутствия книг. – Задумавшись, он лениво подцепил полоску лапши и принялся ее жевать. – Конечно, хоровое пение – это замечательно. Однако пение с повтором строки за строкой, как мне кажется, спланивает людей, они обращают больше внимания на то, что именно поют, на то, что именно происходит.

«Пожалуйста! – страстно взмолилась Брианна то ли Богу, то ли Пресвятой Деве, то ли ангелу-хранителю Роджера. – Помоги ему найти свой путь!»

– Я хотел тебя попросить... – с неожиданной робостью произнес он.

– О чем же?

– О Джемми. Не могла бы ты... разумеется, он по-прежнему будет посещать мессу вместе с тобой... не могла бы ты отпускать его и со мной? Если он сам, конечно, захочет, – поспешно добавил Роджер. – По-моему, ему понравится петь в хоре. А я... мне хотелось бы, чтобы он увидел – у меня тоже есть работа.

– Ему понравится, – заверила Брианна и мысленно обратилась к небесным силам: «Надо же, как быстро вы ответили!» – Ты пойдешь с нами на утреннюю мессу в собор Святой Марии? А после мы могли бы перейти через дорогу в церковь Святого Стефана и посмотреть, как вы с Джеммом поете.

– Конечно, пойду. – Роджер замер, не донеся бутерброд до рта, и улыбнулся ей. Глаза его были зелены, словно мох. – Так будет лучше, правда? – спросил он.

– Гораздо лучше.

⁶ Районы в Ирландии и Шотландии, где ирландский и шотландский (гэльский) языки сохраняются как языки повседневного общения значительной части жителей.

* * *

Чуть позже Роджер позвал ее в кабинет. На столе лежала карта Шотландии, рядом – раскрытая тетрадь, куда он записывал сведения для «Справочника путешествующих автостопом» – любил Дугласа Адамса.

– Прости, что отвлекаю тебя от дел. Но лучше сделать это до того, как Джем придет домой. Раз уж ты завтра возвращается в Эррочти... – Роджер указал кончиком карандаша на синее пятно с надписью «озеро Эррочти». – Ты могла бы, наверное, попробовать определить местоположение туннеля, если не знаешь точно, где он. Или знаешь?

Брианна сглотнула, ощущая, как подступают к горлу остатки бутерброда с сыром при воспоминании о темном туннеле, гроыхании маленького поезда, обо всем, что ей пришлось тогда пережить.

– Не знаю, но у меня есть кое-что получше. Подожди минутку. – Она сходила в свой кабинет и принесла папку с техническими характеристиками плотины Эррочти. – Вот схемы туннелей. Подробные планы у меня тоже есть, в офисе.

– Не надо, хватит и этих, – заверил ее Роджер, сосредоточенно изучая документы. – Еще мне нужна ориентация по сторонам света для туннеля, ведущего к дамбе... Кстати, ты по всей дамбе ходила?

– Нет. Я была только в восточной части обслуживаемого отсека. Хотя вряд ли... Я хочу сказать, смотри. – Брианна ткнула пальцем в чертеж. – Я столкнулась с этим примерно в середине туннеля, идущего практически параллельно дамбе. А если оно имеет какую-то протяженность... а ты ведь полагаешь, что имеет? – Брианна с любопытством посмотрела на Роджера.

Он пожал плечами.

– Нужно же с чего-то начинать. У инженеров, наверное, есть более подходящее слово, чем «догадка»?

– «Рабочая гипотеза», – сухо сказала Брианна. – В общем, если оно и правда имеет протяженность, а не располагается в виде случайных пятен, то я, скорее всего, почувствовала бы, будь оно там. Впрочем, я могу вернуться и проверить.

Сказано это было с такой неохотой, что Роджер успокаивающе погладил ее по спине.

– Не надо. Я сам туда пойду.

– Что?

– Я сам туда пойду, – тихо повторил он. – Посмотрим, получится ли у меня ощутить его.

– Нет! – вскинулась она. – Нельзя! Ты не пойдешь... я хочу сказать, вдруг что-нибудь случится? Нельзя так рисковать!

Роджер поглядел на нее задумчиво и кивнул.

– Ладно, допустим, риск есть. Небольшой. В юности я обошел все шотландское нагорье, и время от времени мне казалось, что сквозь меня что-то проходит. То же самое испытывали и живущие там люди. Необычное ощущение – один из признаков, так ведь?

– Да, – сказала она, с содроганием подумав о водяных лошадях, банши и Нукелави. – Но ты-то знаешь, что это за необычное ощущение! И прекрасно знаешь, что оно может убить тебя!

– Тебя же не убило. И в Окракоке оно нас не убило. – Голос Роджера звучал беспечно, хотя лицо при воспоминаниях о путешествии омрачилось. Тогда они были как никогда близки к смерти.

– Нет, – сказала Брианна тоном, подразумевавшим, что она будет стоять на своем до последнего.

Он это понял и негромко фыркнул.

– Хорошо, тогда я просто отмечу на карте... – Сравнив чертеж и карту, Роджер выбрал точку, которая находилась примерно посреди туннеля, и вопросительно поднял бровь. Брианна кивнула, и он карандашом нарисовал на этом месте звездочку.

На карте уже стояла большая, нарисованная черными чернилами звезда, обозначающая круг камней в Крейг-на-Дун, и маленькие, не столь четкие звездочки в местах остальных кругов. Однажды они посетят эти круги. Позже. Не сейчас.

– Ты была когда-нибудь на острове Льюис? – словно невзначай спросил Роджер.

– Нет, а что? – настороженно поинтересовалась она.

– На Внешних Гебридских островах тоже есть гэльтахты. На Льюисе и на Гаррисе поют построчно на гэльском. Не знаю, поют ли так на Уисте и Барра – там в основном живут католики, – но не исключено. Собираюсь съездить туда и посмотреть.

Брианна взглянула на карту. Остров Льюис у западного побережья Шотландии формой напоминал поджелудочную железу. Карта была большой, и на острове виднелась надпись мелкими буквами: «Камни Калланиш».

– Отлично. Я еду с тобой.

– У тебя же работа?

– Возьму отгул.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Затем, возвращаясь к прозе жизни, Брианна глянула на полку, где стояли часы.

– Пора готовить ужин, скоро придет Джем. Энни принесла лосося, которого выловил ее муж. Замариновать и запечь его или лучше приготовить на гриле?

Роджер покачал головой и, поднявшись, принялся сворачивать карту в рулон.

– Я ужинать не буду. Сегодня собрание ложи.

* * *

В большую масонскую ложу графства Инвернесс входило несколько малых лож. Две из них находились в Инвернесе. Роджер вступил в шестую, самую старую ложу, еще когда ему было чуть больше двадцати лет. Правда, он лет пятнадцать не посещал ее и теперь входил в здание с настороженностью.

Первым ему встретился Барни Гах. Когда пятилетний Роджер на поезде приехал в Инвернесс к двоюродному деду, дородный и улыбчивый мистер Гах работал начальником станции. С тех пор он изрядно усох, а его пожелтевшие от табака зубы сменились пожелтевшими от табака протезами. Однако он сразу узнал Роджера и, просияв, ухватил его за руку и потащил к компании таких же пожилых джентльменов, приветствовавших возвращение Роджера громкими возгласами.

Чуть позже они приступили к делам ложи и выполняли традиционные ритуалы Шотландского Устава.

Странно. Ничего не изменилось, будто во временную петлю попал. При мысли об этом Роджер чуть не рассмеялся вслух. Конечно, отличия были, но незначительные. Если закрыть глаза и представить, что пахнет не табаком, а дымом очага, то можно вообразить, будто находишься в хижине Кромби во Фрэзер-Ридже, где обычно собиралась тамошняя ложа.

Отзвучали негромкие вопросы и ответы, напряжение спало, внесли чай и кофе, и вечер стал светским.

Людей было много – больше, чем Роджер привык, – и он не сразу заметил директора школы, Лайонела Мензиса. Тот стоял в другом конце комнаты и, сосредоточенно хмурясь, слушал склонившегося к нему высокого парня в рубашке. Роджер колебался, не желая вмешиваться в их разговор, но парень вдруг обвел комнату взглядом, заметил Роджера и уставился на его горло.

На шрам глядели все – кто украдкой, кто открыто. Прятать его было глупо, и Роджер расстегнул верхние пуговицы надетой под пиджак рубашки. Однако незнакомец смотрел пристально, и это выглядело практически оскорбительно.

Мензис заметил, что его собеседник отвлекся – такое трудно не заметить, – и поклонился Роджеру.

– Мистер Маккензи.

– Роджер, – улыбнулся тот – в ложе обычно звали друг друга по именам, когда не требовалось формальное обращение «брат».

Мензис кивнул и посмотрел на стоящего рядом парня, вовлекая того в разговор.

– Знакомьтесь. Роб Кэмерон, мой кузен. Роджер Маккензи, отец одного из моих учеников.

– Я так и подумал, – сказал Кэмерон, радушно пожимая руку Роджера. – То есть я подумал, что вы, должно быть, новый хормейстер. Мой маленький племянник Бобби Харег поет в детском хоре, он рассказывал о вас за ужином на прошлой неделе.

– Роб Кэмерон... – повторил Роджер, сжимая его руку чуть сильнее, чем принято. – Вы ведь работаете на гидроэлектростанции?

– Да, а откуда...

– Вы наверняка знакомы с моей женой, Брианной Маккензи. – Роджер обнажил зубы в улыбке, которую можно было принять за искреннюю.

Кэмерон открыл рот, но не издал ни звука. Взяв себя в руки, он захлопнул рот и, кашлянув, произнес:

– Я... ох, да. Разумеется.

Пожимая руку Кэмерону, Роджер машинально оценил его силу и понял, что если им придется драться, то драка будет короткой. Похоже, Кэмерон это тоже понял.

– Она...

– Да, она мне рассказала.

– Послушайте, мы всего лишь немного пошутили. – Кэмерон глядел на него настороженно, видимо, опасаясь, что Роджер пригласит его выйти поговорить на улицу.

– Роб? – удивленно поднял брови Мензис. – Что...

– Что такое? Что я слышу? – воскликнул старый Барни, подходя к ним. – Никакой политики в ложе! Если вы хотите обсуждать с братом Роджером эту ШНП-чушь, то идите в паб! – Ухватив Кэмерона за локоть, Барни отвел его на другой конец комнаты к группе оживленно беседующих мужчин.

– ШНП-чушь? – удивленно подняв брови, спросил Роджер у Мензиса.

Улыбнувшись, тот повел плечом.

– Слышал, что сказал старый Барни? Никакой политики в ложе!

Одно из основных правил масонов запрещало обсуждать в ложе религию и политику – возможно, именно поэтому масонство до сих пор и существует. Шотландская национальная партия Роджера не интересовала, а вот Кэмерон...

– Не думал, что наш Роб политик, – произнес Роджер.

– Прими мои извинения, брат Роджер. – Мензис изобразил нечто похожее на раскаяние. – Я не собирался вмешиваться в твои семейные дела, но это я рассказал жене о Джеме и миз Гленденнинг, а женщины любят поболтать. Сестра моей жены живет рядом с Робом, от нее Роб и узнал обо всем. Он, наверное, заинтересовался гэльским? И его немножко занесло. Но я уверен, что он и не думал фамильярничать с твоей женой.

До Роджера дошло, что Мензис все не так понял про Роба Кэмерона и Брианну, однако решил не раскрывать истинное положение дел. Поболтать любили не только женщины. Сплетни в нагорье были одной из радостей жизни, а слух о том, как Роб и его приятели подшутили над Бри, может отразиться на ее работе.

– Так вот в чем дело! – воскликнул он, уводя разговор от Брианны. – Ну разумеется! Шотландская национальная партия хочет возродить гэльский, так? Кэмерон хоть знает его?

Мензис покачал головой.

– Его родители не хотели, чтобы дети говорили на гэском. Теперь он, конечно, намерен изучать... – Мензис вдруг умолк и, склонив голову набок, посмотрел на Роджера. – После нашего недавнего разговора у меня появилась идея.

– Какая?

– Может, ты время от времени будешь вести уроки? Только для класса Джема – или для всей школы, если тебе не трудно.

– Уроки? Гэльского, что ли?

– Да. Ну, базовые знания: пара слов по истории, немного песен. Роб упомянул, что ты – хормейстер в церкви Святого Стефана.

– Помощник хормейстера, – уточнил Роджер. – Не знаю, как насчет песен, а обучать гэльскому... Я подумаю.

* * *

Брианна ждала его в кабинете с очередным еще не вскрытым письмом от родителей. Рядом стоял ящик, в котором хранились все их письма.

– Сейчас прочтем или позже? – Брианна отложила письмо в сторону и, подойдя к Роджеру, поцеловала его. – Скучаю... Как прошла встреча?

– Странно. – О делах ложи, разумеется, говорить было нельзя, и он рассказал ей только о Мензисе и Кэмероне.

– Что такое ШНП? – нахмурившись, спросила Брианна.

– Шотландская национальная партия. – Роджер снял пальто и поежился. В кабинете было холодно. – Появилась в конце тридцатых годов, до последнего времени практически ничем себя не проявляла, однако к семьдесят четвертому году у нее в парламенте было уже одиннадцать представителей, что заслуживает уважения. Как можно понять из названия, их цель – независимость Шотландии.

– Заслуживает уважения... – с сомнением произнесла Брианна.

– Ну, по большей части. У них тоже хватает психов. Хотя я не считаю Роба Кэмерона психом. Он всего лишь засранец средней паршивости.

Брианна рассмеялась, и у Роджера потеплело на сердце. Теплее стало и телу, когда Брианна прижалась к нему и обняла за плечи.

– Точно, Роб такой, – согласилась она.

– Мензис сказал, что Роб интересуется гэльским языком. Если я буду преподавать в школе гэльский, надеюсь, он не заявится одним из первых.

– Что-что? Ты будешь преподавать гэльский?

– Поживем – увидим. – Думать о предложении Мензиса не хотелось – возможно, из-за его желания, чтобы Роджер пел на гэском. Прохрипеть пару нот, чтобы показать пример детям, – одно дело, а петь соло для группы людей, пусть даже школьников, – совсем другое. – Ладно, об этом потом, – сказал он и поцеловал Брианну. – Давай прочтем твое письмо.

* * *

«2 июня 1777 года, форт Тикондерога».

– Форт Тикондерога? Как их туда занесло? – удивленно воскликнула Брианна, чуть не вырвав письмо из рук Роджера.

– Если ты хоть на минуту успокоишься, то мы выясним.

Брианна молча обошла стол и, наклонившись, взволнованно взгляделась в лист. Ее подбородок уперся в плечо Роджеру, пряди волос мазнули по скуле.

– У них все хорошо. – Он обернулся и поцеловал ее в щеку. – Пишет твоя мама, а подобное пояснительное настроение находит на нее, только когда она счастлива.

– Ну... пожалуй, – пробормотала Бри и хмуро посмотрела на письмо. – Но форт Тикондерога?

«Дорогая Бри и все остальные!

Как ты уже поняла из заглавия, мы (пока еще) не в Шотландии. В путешествии возникли некоторые сложности. Сложность первая: королевский флот в лице капитана Стеббингса попробовал (безуспешно) завербовать твоего отца и кузена Йена. Сложность вторая: американский капер. Точнее, капитан корабля (одного из кораблей, но и этого более чем достаточно) Эйса Хикмен настаивает на получении каперского свидетельства для обозначения миссии своего судна. Миссия эта – банальное пиратство, но под прикрытием Континентального конгресса. Сложность третья: Ролло. Сложность четвертая: джентльмен, о котором я уже писала ранее. Я полагала, что его зовут Джон Смит, но выяснилось, что он дезертировал из Королевского флота и на самом деле его зовут Билл (также известный как «Иона», и мне начинает казаться, что это вполне оправданно⁷) Марсден.

Не хочу вдаваться в подробности этого кровавого фарса, скажу лишь, что Джейми, Йен, чертов пес и я живы и здоровы. Пока, по крайней мере. Надеюсь, мы выдержим все сорок два дня, через которые истечет срок краткосрочного контракта твоего отца с ополчением. (Не удивляйся, помимо прочего этим он спас Марсдена и обеспечил благополучие двух десятков моряков, ставших пиратами против собственной воли.) Как только все закончится, мы тут же постараемся уплыть отсюда на любом судне, направляющемся в Европу, – если только капитаном этого судна будет не Эйса Хикмен. Возможно, придется по суше добираться до Бостона, чтобы сесть на корабль там. (Любопытно посмотреть, как сейчас выглядит Бостон. Потому что на месте будущего фешенебельного района Бэк-Бэй еще плещется вода. По крайней мере, парк Коммон уже есть, разве что коров там будет пастишь побольше, чем мы привыкли видеть.)

Фортом командует генерал Энтони Уэйн. Мурашки по коже бегут, как вспомню, что вроде бы Роджер упоминал его, используя прозвище «Бешенный Энтони». Надеюсь, что прозвище относится к его поведению на поле боя, а не к стилю управления. Пока он кажется вполне разумным, пусть и встревоженным.

Причем для тревоги есть повод – британская армия вот-вот подойдет к форту, – так что с его стороны это, скорее, признак рассудительности. А пока главный инженер, Йедутен Болдуин (тебе он наверняка понравился бы, очень шустрый парень!), строит Великий мост, чтобы соединить форт и холм, который они называют «холмом Независимости». Твой отец командует рабочими, занятыми на стройке. Я сейчас сижу рядом с одним из укреплений форта, и отсюда мне видно твоего отца. Он заметен, потому что вдвое крупнее большинства рабочих и один из немногих носит рубашку. Здесь жарко

⁷ Имеется в виду библейский пророк Иона, который не захотел выполнять приказ Бога и бежал на корабле. В наказание за это корабль попал в бурю.

и душно, и потому многие работают голышом или в набедренной повязке. Зря они это делают – здесь полно москитов. Впрочем, моего мнения никто не спрашивал.

Не спрашивали моего мнения и по поводу гигиены в лазарете и тюрьме (мы привезли с собой нескольких пленников, включая вышеупомянутого капитана Стеббингса, которому уже давно полагалось умереть, а он почему-то не умер), но я его все равно высказала. И теперь я *persona non grata* для лейтенанта Стэктоу, который мнит себя хирургом, а на самом деле им не является. Мне не дают лечить его пациентов; большинство из них умрут в течение месяца. К счастью, никого не волнует, что я лечу женщин, детей и узников, которых в форте много, так что я занята полезным делом.

Я точно знаю, что Тикондерога не раз переходил из рук в руки, однако не представляю, в чьи руки он попадал и когда. Последнее меня интересует особенно сильно.

У генерала Уэйна почти нет войска. Джейми говорит, что в форте недостаточно людей – это заметно даже мне. Половина казарм пустует, хотя из Нью-Гемпшира и Коннектикута приходят ополченцы. Они служат два-три месяца, так же, как и мы, но некоторые не выдерживают и столько, и генерал Уэйн вслух жалуется, что того и гляди останется с – цитирую – «неграми, индейцами и женщинами». Я сказала ему, что могло быть и хуже.

Джейми говорит, что в форте не хватает половины пушек, – толстый продавец книг по имени Генри Фокс забрал их два года назад и, проявив настоящий подвиг по части упорства, увез в Бостон (Фокса самого везли в соседней повозке, потому что он весит более трехсот фунтов). В Бостоне пушки пригодились – помогли отогнать британцев.

Но больше всего меня беспокоит холм на той стороне реки. В 1775 году американцы отбили его у британцев и назвали «Неприступный» (помнишь Итана Аллена? «Сдайтесь во имя Великого Яхве и Континентального конгресса!» Говорят, бедняга Аллен сейчас в Англии, его обвиняют в предательстве – он переоценил свои силы, пытаясь взять Монреаль на тех же условиях). Подходящее имя для холма – если бы форт мог выделить людей и артиллерию, чтобы организовать пост на его вершине. Увы, их там нет, а Неприступный выше форта, и снаряды до него не долетают; надеюсь, это не станет причиной победы британской армии, если она когда-нибудь сюда дойдет.

О хорошем – сейчас уже почти лето. В воде резвится рыба, и если бы здесь рос хлопок, то он был бы мне по пояс. Часто идет дождь, и я никогда не видела столько растительности в одном месте (воздух перенасыщен кислородом, мне порой кажется, что я вот-вот упаду в обморок. Приходится заскакивать в казармы за живительной вонью грязного белья и ночных ваз (здесь их не без причины называют «громовыми кружками»). Твой кузен Йен раз в несколько дней выходит на поиски пищи, а Джейми и некоторые из мужчин присоединяются к рыбакам, так что питаемся мы хорошо.

Больше не буду дописывать, потому что не знаю, когда и где в следующий раз смогу отправить письмо одним или несколькими из вариантов доставки (мы копируем письма и отправляем разными путями, поскольку даже нормальная почта в наши дни не доходит до адресата). Если повезет,

оно доедет с нами до Эдинбурга. А пока мы крепко обнимаем и целуем вас. Джейми иногда снятся дети. Мне, к сожалению, нет. Мама».

Роджер какое-то время сидел молча, давая Бри возможность дочитать письмо. Хотя на самом деле она читала гораздо быстрее него и, наверное, прочла уже дважды. Вскоре она взволнованно вздохнула и выпрямилась. Он обнял ее за талию, и Бри накрыла его руку своей, рассеянно глядя на книжные полки.

– Новые книги? – указала она подбородком на правую полку.

– Да, выписал из Бостона, пришли дня два назад.

Новенькие корешки блестели. «Энциклопедия Американской революции» Марка М. Боутнера III. «Повесть солдата-революционера» Джозефа Плама Мартина.

– Хочешь узнать, что было дальше? – Роджер кивнул на открытый ящик на столе, в котором поверх книг лежала толстая пачка еще не прочитанных писем. Он до сих пор не решился признаться Бри, что просматривал книги. – То есть мы, конечно, знаем, что они благополучно отбыли из Тикондероги, писем-то много.

– Мы знаем, что отбыл по меньшей мере один из них, – ответила Бри, пристально глядя на письма. – Только... то есть я хочу сказать, что Йен тоже знает. Он мог...

Роджер убрал руку с талии жены и протянул к коробке. Не обращая внимания на вздох Бри, взял пачку писем и принялся их просматривать.

– Клэр, Клэр, Клэр, Джейми, Клэр, Джейми, Джейми, Клэр, Джейми... – Он умолк и, прищурившись, смотрел на письмо с незнакомым почерком. – Может, ты и права насчет Йена. Тебе знаком его почерк?

Брианна покачала головой.

– Ни разу не видела, чтобы он писал. Хотя, скорее всего, умеет, – поколебавшись, добавила она.

– Ну, тогда... – Роджер положил сложенный в несколько раз лист на рассыпанную по столу кучу писем и посмотрел сначала на полки с книгами, а потом на Бри. – Что будем читать?

Она задумалась, скользя взглядом от полок к деревянному ящику с письмами и обратно.

– Книги. – Решившись, она пошла к полкам. – В которой из них говорится о том, когда пал форт Тикондерога?

* * *

Георг III, король Великобритании – лорду Джорджу Жермену.

«...Бергойн может командовать переброской войск из Канады в Олбани...»

Из-за ожидаемых болезней, а также непредвиденных обстоятельств я считаю, что на озеро Шамплейн следует отправить не более семи тысяч единиц действующего состава войск, поскольку было бы в высшей степени неразумно рисковать всем войском в Канаде... Наймите индейцев».

Глава 35. Тикондерога

12 июня 1777 года, форт Тикондерога

Джейми спал голым на тюфяке в отведенной нам крошечной каморке. Она располагалась на чердаке одного из каменных зданий казарм, и к полудню в ней становилось жарко, как в аду. Впрочем, мы редко бывали здесь днем: Джейми в это время вместе с рабочими возводил мост через озеро, а я навещала больных в лазарете или у них на дому – где царил точно такая же жара. Зато благодаря нагревающимся за день каменным стенам прохладными вечерами нам было тепло в нашей комнате без камина и с маленьким окошком.

После заката от воды тянуло прохладой, и с десяти вечера до двух ночи в домах становилось уютней. Сейчас было около восьми вечера – еще светло снаружи, еще жарко внутри; капельки пота блестели на плечах Джейми, затемняя его виски до бронзового оттенка.

С одной стороны, хорошо, что наша комнатка была единственной на верхнем этаже здания, – это давало хоть какую-то возможность уединиться. А с другой стороны, к нашему возвышенному приюту вели сорок восемь каменных ступеней, по которым приходилось регулярно приносить воду и выносить помой. Я притащила бадью воды, и мне показалось, что оставшаяся половина, которая не пролилась на мое платье, весит по меньшей мере тонну. Поставленная на пол бадья брякнула, Джейми тут же проснулся и заморгал.

– Ох, прости, я не хотела тебя разбудить.

– Ничего, саксоночка. – Он широко зевнул, сел, потянулся и пригладил пальцами влажные кудри. – Ты ужинала?

– Да, поела с женщинами. А ты?

Обычно Джейми в конце дня ел вместе с рабочими, но иногда его приглашал на ужин генерал Сент-Клер или кто-нибудь из капитанов ополчения.

– Хм-м... – Он лег на тюфяк и принялся наблюдать, как я наливаю воду в жестяной таз и беру щелочной обмылок.

Я разделась до нижней рубашки и принялась тщательно мыться, хотя от едкого мыла чесалась даже моя огрубевшая кожа, а его запах вышибал слезу. Я ополоснула руки и выплеснула воду из окошка, предварительно крикнув «Поберегись!», и снова налила в таз чистой воды.

– Зачем ты это делаешь? – удивился Джейми.

– У малыша миссис Уэллман, похоже, свинка. Не хотелось бы никого заразить.

– Я думал, ею болеют только маленькие дети.

– Как правило, – подтвердила я, морщась от щиплющего кожу мыла. – Но если ею заразится взрослый – особенно мужчина, – то последствия будут гораздо серьезней. Болезнь влияет на тестикулы. Если ты не хочешь, чтобы твои яйца раздулись до размера дыни...

– Тебе точно хватит мыла, саксоночка? Я могу принести еще. – Джейми взял кусок льняной ткани, служивший нам полотенцем. – Вот, *a nighean*, давай я вытру тебе руки.

– Минуточку. – Я расшнуровала корсет, сняла рубашку, повесила ее на крючок у двери и надела домашнее платье. Затем поплескала оставшейся водой на руки и лицо и села на тюфяк рядом с Джейми, вскрикнув от боли в хрустнувших коленях.

– Боже мой, бедные ручки, – пробормотал Джейми, нежно касаясь их полотенцем. Он промокнул воду с моего лица. – И твой бедный носик тоже обгорел на солнце.

– Лучше покажи мне свои руки.

Кожа на них огрубела, они были сплошь покрыты порезами, мозолями и волдырями, однако Джейми небрежно отмахнулся от моей заботы и с протяжным стоном лег на тюфяк.

– До сих пор болят, саксоночка? – спросил он, заметив, как я потираю колени. Они так до конца и не восстановились после наших приключений на «Питте», а постоянные подъемы и спуски по лестнице лишь усугубляли болезнь.

– Старость – не радость, – я попробовала свести все к шутке. Я осторожно согнула правую руку, и локоть отозвался болью. – Что-то сгибается уже не так хорошо, а что-то болит. Иногда мне кажется, что я вот-вот развалюсь на части.

Закрыв один глаз, Джейми посмотрел на меня.

– Я чувствую себя так с тех пор, как мне исполнилось двадцать. Ничего, со временем привыкаешь. – Он потянулся – в спине что-то приглушенно хрустнуло – и подал мне руку. – Иди ко мне, *a nighean*. Когда ты меня любишь, ничего не болит.

Он оказался прав.

* * *

Проснувшись я спустя два часа, чтобы проверить кое-кого из пациентов, нуждавшихся в присмотре. Среди них был и капитан Стеббингс, который, к моему удивлению, упорно отказывался как умирать, так и лечиться у кого-либо, кроме меня. Лейтенанту Стэктоу и другим докторам это не нравилось, но, поскольку требование капитана Стеббингса подкреплялось пугающим присутствием Гвинейского Дика с заостренными зубами, татуировками и всем прочим, я по-прежнему оставалась его личным доктором.

У капитана поднялась температура, дышал он с присвистом, но все же спал. При звуке моих шагов Гвинейский Дик поднялся с тюфяка, словно ожившее воплощение ночного кошмара.

– Он ел что-нибудь? – тихо спросила я, осторожно трогая запястье Стеббингса. Некогда полный, капитан сильно исхудал.

– Съел чуть суп, мэм, – прошептал африканец и указал рукой на стоявшую на полу чашку, прикрытую от тараканов платком. – Как вы сказали. Я дать еще, когда он проснется пописать.

– Хорошо. – Пульс у Стеббингса был лишь слегка чаще нормального; я наклонилась к мужчине и принялась – гангреной не пахло. Я извлекла пулю из его груди еще два дня назад, из раны слабо сочился гной, но я полагала, что она очистится сама, без моего вмешательства. Должна очиститься, я все равно ничего не могу сделать.

В казарменном лазарете было практически темно, слабый свет исходил лишь от светильника у входа и от костров во дворе. Цвет кожи Стеббингса я не видела, однако проблеск белого, когда он приподнял веки, заметила. Увидев меня, он что-то буркнул и закрыл глаза.

– Хорошо, – повторила я и оставила его на попечение Дика.

Гвинейскому Дику предлагали вступить в Континентальную армию, но он отказался, предпочтя остаться военнопленным наряду с капитаном Стеббингсом, раненым Ормистоном и некоторыми другими моряками с «Питта».

– Я англичанин, свободный человек, – просто сказал он. – Может, немного пленник, но свободный. Моряк, но свободный человек. Американец может быть не свободным.

Может.

После лазарета я зашла к Уэллманам, проверила больного свинкой ребенка. Хотя малыш чувствовал себя не очень хорошо, его жизни ничто не угрожало. Потом я медленно пошла по освещенному луной двору, наслаждаясь ночной прохладой. Повинуясь внезапному побуждению, я влезла на люнет⁸, который смотрел на узкий конец озера Шамплейн и холм Непрístupный.

⁸ Люнет – открытое с тыла полевое укрепление, состоящее из боковых валов и рва впереди.

Оба стражника, охранявшие люнет, спали; от них разило выпивкой. Обычное дело – боевой дух в форте невысок, а спиртное доступно.

Я стояла у стены, положив руку на одну из пушек; ее металл еще хранил накопленное за день тепло. Удастся ли нам убраться отсюда раньше, чем станет слишком жарко от пальбы? Еще тридцать два дня – и ищи ветра в поле. Форт и без угрозы со стороны англичан разлагался и гнил, словно мусор в выгребной яме. Оставалось лишь надеяться, что Джейми, Йен и я выберемся отсюда, не заболев чем-нибудь серьезным и без оскорблений со стороны какого-нибудь пьяного идиота.

Заслышав тихие шаги сзади, я обернулась. За спиной у меня стоял Йен, свет костров озарял его высокую худощавую фигуру.

– Можно поговорить с тобой, тетушка?

– Конечно, – ответила я, удивленная столь официальным обращением.

– Кузина Брианна не удержалась бы и высказала все, что об этом думает, – сказал Йен, кивнув на наполовину построенный мост. – А дядя Джейми уже высказал.

– Я знаю.

Джейми последние две недели пытался убедить нового коменданта форта Артура Сент-Клера, командиров ополчения, инженеров – всех, кто его слушал, и многих, кто не хотел слушать, – в бесполезности моста. Все, кроме командования, понимали, что глупо тратить силы людей и материалы на строительство моста, который с легкостью может уничтожить артиллерию с вершины Неприступного.

Я вздохнула. Не в первый раз я наблюдала недалёковидность военных и, боюсь, не в последний.

– А кроме этого о чем еще ты хотел поговорить со мной, Йен?

Он глубоко вздохнул и повернулся лицом к блестящему под луной озеру.

– Помнишь гуронов, которые были в форте недели две назад?

Две недели назад отряд гуронов пришел в форт, и Йен весь вечер провел с ними: курил, слушал рассказы. Некоторые истории были об английском генерале Бергойне, чьим гостеприимством гуроны воспользовались до прихода сюда. Они сказали, что Бергойн, не жалея ни времени, ни денег, активно вербовал ирокезов из Лиги⁹. Более того, называл индейцев своим секретным оружием. Мол, он натравит их на американцев.

Насколько я могла судить, Бергойн был настроен излишне оптимистично. И все же я предпочитала не думать о том, что может произойти, если он все-таки убедит индейцев сражаться на своей стороне.

Йен, погрузившись в раздумья, глядел на Неприступный.

– Даже если и так, почему ты говоришь об этом мне? – поинтересовалась я. – Лучше бы ты рассказал Джейми и Сент-Клеру.

– Я рассказал.

Над водой разнесся крик гагары, удивительно громкий и зловещий, – словно призрак пел йодлем.

– Правда? Тогда о чем ты хотел поговорить со мной? – слегка нетерпеливо спросила я.

– О детях, – выпрямившись и повернувшись ко мне, резко сказал он.

– Что?

После приезда гуронов Йен сделался тих и угрюм, и я предположила, что так на него повлиял разговор с индейцами. Но что такого они могли рассказать ему о детях?

– О том, как их делают, – решительно сказал Йен, отведя, однако, глаза в сторону. Будь здесь светлее, я наверняка увидела бы, как он покраснел от смущения.

⁹ Лига – союз шести племен ирокезов. Распался во время Американской революции, в начале 1780-х годов.

– Прости, я отказываюсь верить, что ты не знаешь, от чего появляются дети, – немного помолчав, сказала я. – Так что же ты на самом деле хочешь узнать?

Йен вздохнул, но наконец-то посмотрел на меня и выпалил:

– О том, почему я не могу сделать ребенка.

Я в замешательстве провела костяшками пальцев по губам. Бри мне говорила, что Эмили, жена Йена из племени могавков, родила мертвую девочку и по меньшей мере дважды не доносила ребенка до срока. Именно потому он и ушел из Снейктауна, где жили могавки, и вернулся к нам.

– Почему ты думаешь, что причина в тебе? – не церемонясь, спросила я. – Большинство мужчин в мертворожденном ребенке и выкидыше винят женщину. Как и большинство женщин, если уж на то пошло.

Я винула и себя, и Джейми.

Он нетерпеливо фыркнул.

– У могавков по-другому. Они говорят, когда мужчина ложится с женщиной, его дух борется с ее духом, и если он побеждает, то зарождается ребенок.

– Хм. Ну, не возьмусь утверждать, что они не правы. С мужчиной или с женщиной просто обязательно что-то происходит – или с ними обоими.

– Да. – Йен нервно сглотнул, прежде чем продолжить. – Среди гуронов была каньенкех-ака, женщина из Снейктауна. Она узнала меня и сказала, что Эмили родила ребенка. Живого ребенка.

Рассказывая об этом, он переминался с ноги на ногу и похрустывал пальцами, а потом замер. Лунный свет падал на его лицо, затемняя глазные впадины.

– Я думал, тетушка, – тихо произнес Йен. – Очень долго думал. О ней, об Эмили. О Йексе – моей маленькой дочери. – Он умолк, напряженно уперев кулаки в бедра, но собрался с духом и продолжил уже спокойней: – А совсем недавно мне вот что пришло на ум. Если... то есть когда, – поправился он, бросив взгляд через плечо, словно опасался увидеть там недовольного Джейми, – мы вернемся в Шотландию, я не знаю, как там все сложится. Но вдруг я... вдруг я снова женюсь – там или здесь...

Неожиданно Йен пристально посмотрел на меня. Печаль делала его старше. У меня сердце защемило при виде неуверенности и надежды на его юном лице.

– Вряд ли я возьму себе жену, если буду знать, что не в силах дать ей живых детей.

Он снова сглотнул и опустил взгляд.

– Тетя, ты не могла бы... посмотреть мои детородные органы? Вдруг с ними что-нибудь не так? – Его рука легла на набедренную повязку.

– Это подождет, Йен, – поспешно сказала я. – Давай я сначала узнаю историю твоей болезни, а там видно будет, нуждаешься ли ты в обследовании.

– Почему? – удивился он. – Дядя Джейми рассказал мне о сперме. Я подумал, что моя сперма может оказаться не совсем такой, как следует.

– В любом случае мне понадобится микроскоп. Но если сперма неправильная, то обычно зачатия не происходит вообще. Насколько я поняла, у тебя иная проблема. Скажи... – спрашивать не хотелось, однако выхода не было. – Ты видел свою дочь?

Йен покачал головой.

– Не совсем. То есть я видел сверток из кроличьих шкур, в которые ее завернули. Потом ее положили высоко в развилку ветвей на кедре. Я иногда ходил туда ночами, просто чтобы... Я хотел достать сверток, развернуть его и увидеть ее лицо. Но Эмили это не понравилось бы...

– Вот черт... Йен, прости, твоя жена или кто-нибудь из женщин говорили, что ребенок выглядел не как все дети? Были у нее... какие-нибудь уродства?

Он уставился на меня, широко распахнув глаза, и какое-то время лишь беззвучно шевелил губами.

– Нет, – сказал он наконец, и в его голосе было поровну боли и облегчения. – Нет. Я спрашивал. Эмили не хотела говорить о ней, об Исабель, – так я хотел назвать ее, но я спрашивал до тех пор, пока Эмили не рассказала, как выглядел ребенок. Она была прекрасна, – прошептал Йен, глядя на мерцающее отражение фонарей в воде. – Прекрасна.

Фейт тоже была такой. Прекрасной.

Я положила руку на его твердое жилистое плечо.

– Это хорошо, – тихо сказала я. – Очень хорошо. Теперь расскажи все, что вспомнишь о беременности Эмили. У нее текла кровь после того, как выяснилось, что она беременна?

Я задавала ему вопросы, заставляя вновь переживать надежды и страхи, опустошенность после каждой потери, вспоминать, что он видел и что знал о семье Эмили: были ли у них в роду мертворожденные младенцы и выкидыши...

Луна прошла над нами и склонилась к закату. Наконец я потянулась.

– Я не совсем уверена... Полагаю, что проблема в резусе.

При последних словах прислонившийся к большой пушке Йен поднял голову.

– В чем?

Бессмысленно было объяснять ему про группы крови, антигены и антитела, и, на мой взгляд, это не так уж сильно отличалось от объяснений могоавков.

– Если у женщины кровь резус-отрицательная, а у ее мужа – резус-положительная, то у ребенка кровь будет резус-положительная, потому что она доминирующая... не важно, что это означает. В общем, ребенок будет с положительным резус-фактором, как его отец. Иногда при этом первая беременность протекает без осложнений – которые обязательно возникнут при последующих беременностях, – а иногда нет. Тело матери понемногу производит вещество, которое убивает ребенка. Но если у резус-отрицательной женщины такой же муж, то их потомство тоже будет резус-отрицательным и не погибнет по причине резус-конфликта. Ты сказал, что Эмили родила живого ребенка; возможно, у ее нового мужа тоже отрицательный резус. – Я ничего не знала о том, преобладает ли резус-отрицательный тип крови у коренных американцев, однако теория вполне подходила к трудному случаю Йена. – И если так, то с другой женщиной у тебя подобной сложности не возникнет – большинство европейцев резус-положительные.

Он смотрел на меня подозрительно долго.

– Назови это судьбой, – мягко сказала я, – или неудачей. Но ты не виноват. И она не виновата.

Я не виновата. И Джейми не виноват.

Йен медленно кивнул и, качнувшись вперед, на миг коснулся лбом моего плеча.

– Спасибо, тетушка, – прошептал он и поцеловал меня в щеку.

А на следующий день он исчез.

Глава 36. Великое Мрачное болото

21 июня 1777 года

Дорога приятно удивила Уильяма. Целых несколько миль он посуху ехал по Великому Мрачному болоту там, где в прошлый раз пришлось переплывать верхом на лошади, опасаясь черепах и ядовитых змей. Коню это, похоже, тоже нравилось: он бодро скакал, обгоняя рой крошечных желтых слепней. Иногда насекомые подлетали совсем близко, позволяя рассмотреть их глаза, переливающиеся всеми цветами радуги.

– Наслаждайся, пока можешь, – посоветовал Уильям коню и погладил его гриву. – Скоро будет полно грязи.

Правду сказать, дорога оказалась довольно топкой, молодняк амбровых деревьев и сосен рос только на обочине. Зато на ней не было трясин или бочагов, предательски таящихся у деревьев.

Уильям поднялся в стременах и посмотрел вдаль. Интересно, далеко еще до города? Дизмэл располагался на берегу озера Драммонд, посреди Великого Мрачного болота. Уильям никогда еще не забирался так далеко.

Пусть дорога не доходит до озера, но хоть какая-то тропа должна быть? Как-то же обитатели Дизмэла выбирают из города?

– Вашингтон, Картрайт, Харрингтон, Карвер, – пробормотал он себе под нос имена лялистов из Дизмэла, которые назвал капитан Ричардсон.

Уильям заучил имена наизусть, а листок бумаги, на котором они были написаны, сжег дотла. И повторял имена с самого утра, боясь забыть.

Время шло к вечеру, легкая утренняя дымка сгустилась в низкие облака цвета мокрой шерсти. Помимо густого болотного зловония, которое источали трясина и гниющие растения, Уильям чувствовал и собственный запах, солоноватый и терпкий. Руки и лицо он мыл при каждом удобном случае, но вот одежду не менял и не стирал уже две недели, и грубая замшевая рубаха и домотканые полотняные штаны начали натирать кожу.

Впрочем, дело могло быть не только в высохшем поте и грязи. Под штанами по ноге что-то ползло, и он яростно почесался. Должно быть, подцепил вошь в последней таверне.

Вошь – если это была вошь – благоразумно не подавала признаков жизни, и зуд стих. Уильям облегченно вздохнул и ощутил, что болотные запахи сгустились – в преддверии дождя деревья стали пахнуть сильнее. Звуки словно вязли в воздухе. Птицы умолкли; казалось, что он и его конь в одиночку бредут по миру, окутанному ватой. Впрочем, Уильям ничего не имел против одиночества. Он рос один, без братьев и сестер, к тому же в одиночестве хорошо думается.

– Вашингтон, Картрайт, Харрингтон, Карвер, – тихо и монотонно повторил он. Но помимо имен в нынешней поездке ему больше не о чем было думать, и поток мыслей вернулся в прежнее русло.

Уильям неосознанно коснулся кармана пальто, в котором лежала маленькая книга. В поездке ему пришлось выбирать между Новым Заветом – подарком бабушки – и драгоценной копией «Списка ковент-гарденских леди» Харриса. Несложный выбор.

Когда Уильяму было шестнадцать лет, отец поймал его с другом за чтением пресловутого списка Харриса – путеводителя по миру удовольствий, который они взяли у приятеля отца того самого друга. Лорд Джон поднял бровь и медленно пролистал список, то и дело замирая и поднимая вторую бровь. Затем он закрыл книгу, глубоко вздохнул и выдал короткую лекцию о необходимости уважать женский пол, а потом попросил мальчиков сходить за шляпами.

В скромном и элегантном доме в конце Бриджес-стрит они пили чай с великолепно одетой шотландской леди, миссис Макнаб, которая состояла в дружеских отношениях с лордом Джоном. В завершение чаепития миссис Макнаб позвонила в бронзовый колокольчик и...

Уильям заерзал в седле и вздохнул. Ее звали Маржери. Он пришел в неистовый восторг и потом написал ей пылкий панегирик. А через неделю, подсчитав свои доходы, вернулся в этот дом с твердым намерением просить руки. Миссис Макнаб благожелательно приветствовала юношу, с сочувственным вниманием выслушала его сбивчивые признания и сказала, что Маржери, разумеется, будет польщена подобным отношением, но сейчас она, увы, занята. Зато хорошенькая малышка Пегги, приехавшая из Девоншира, свободна и с радостью пообщается с ним, пока он ждет Маржери...

От ошеломительного открытия, что Маржери сейчас с кем-то еще делает то же самое, что делала с ним, Уильям сел и с открытым ртом уставился на миссис Макнаб. В себя он пришел, когда появилась Пегги, улыбочивая блондинка со свежим личиком и выдающимися...

– Ай! – Уильям хлопнул ладонью по шее, куда его укусил слепень, и выругался.

Конь замедлил шаг, а когда Уильям обратил на это внимание, то снова выругался, уже громче. Дорога пропала.

– Черт побери! – Голос звучал тихо, приглушенный окружающими деревьями. Вокруг вились мухи; одна укусила коня, который фыркнул и яростно затряс головой. – Давай, вперед! Мы же не могли отъехать далеко? Мы найдем дорогу.

Уильям заставил коня развернуться и направил его по большому полукругу, надеясь срезать путь. Влажная земля бугрилась островками спутанной длинной травы, но была не болотистой. Ноги коня вязли в раскисшем дерне, оставляя глубокие впадины, ошметки грязи и травы взлетали вверх и липли к бабкам коня и сапогам Уильяма. Тем временем светло-серая завеса облаков сменилась тяжелыми рокочущими тучами. Прозвучал слабый раскат грома, и Уильям снова выругался.

Негромко прозвенели часы; как ни странно, этот звук успокоил. Уильям натянул поводья, не желая уронить часы в грязь, и вынул их из кармашка. Три пополудни.

– Неплохо, – приободрившись, сказал он коню. – Еще долго будет светло.

Пустые слова, учитывая погоду. С тем же успехом сейчас могло быть три часа ночи.

Уильям задумчиво посмотрел на небо. Никаких сомнений: скоро будет дождь. Что ж, не в первый раз им придется мокнуть. Вздохнув, он спешился и развернул парусиновый спальный мешок, часть армейской экипировки. Взобравшись в седло, накиннул мешок на плечи, распустил завязки шляпы, поглубже натянул ее на голову и возобновил поиски дороги.

Первые капли дождя забарабанили по листьям, и в воздухе повис густой травянисто-земляной и какой-то плодородный запах. Болото словно раскинулось перед небом в ленивой истоме, источая запахи, как дорогая шлюха – аромат парфюма. Уильям потянулся к сумке, чтобы записать это поэтичное сравнение на полях книги, однако, тряхнув головой, обозвал себе идиотом.

– Черт! – Заставив коня пройти через кустарник – он надеялся, что тот растет вдоль дороги, – Уильям въехал в густые заросли колочего можжевельника, от которого пахло ароматным голландским джином. Развернуться не получалось, и Уильям коленями сдвинул бока коня, заставляя его податься назад. С тревогой он заметил, что отпечатки конских копыт медленно заполняются водой. Не из-за дождя – сырой была сама земля. Очень сырой.

Конь споткнулся, его задние ноги подкосились, он вскинул голову и удивленно заржал. Застигнутый врасплох, Уильям упал, разбрызгивая вокруг грязь. И тут же поднялся, в ужасе от мысли, что его может затянуть в невидимую глазу трясины. Однажды он видел скелет оленя, провалившегося в болото, – над поверхностью торчал лишь рогатый череп.

Уильям торопливо прохлюпал к травянистому островку и угнездился на нем, как жаба. Сердце рвалось из груди. Что с конем – попал в трясины, его уже засосало?

Конь лежал на боку, бился в грязи и испуганно ржал.

– О боже. – Уильям схватился за длинный пук травы, осторожно встал. Болото? Или всего лишь раскисшая земля?

Стиснув зубы, он вытянул одну ногу и осторожно поставил ее на колышущуюся почву. Нога пошла вниз... Он поспешно вытащил ее, плеснув грязью и водой. Еще одна попытка... есть! Под грязью обнаружилось дно. Так, теперь вторую ногу... Вскоре удалось встать, раскинув руки, словно аист крылья.

Слава богу, не трясина!

Разбрызгивая грязь, Уильям пошел к коню, по пути подняв спальный мешок. Накинул его на голову коню, закрыв животному глаза. Так поступают, если скотина боится выходить из горящего сарая, – этому его научил отец, когда от удара молнии загорелся сарай на плантации «Гора Джосайи». Как ни странно, помогло – конь мотал головой, но бить ногами перестал. Бормоча что-то успокаивающее, Уильям взнуздal его. Конь фыркнул, обдав хозяина брызгами, однако, похоже, утихомирился. Вскинул голову – грязная вода потекла по его шее на грудь – и, сделав усилие, рывком поднялся.

Уильям радостно взялся за поводья.

– Правильно, давай выбираться отсюда, – почти беззвучно сказал он.

Не обращая на него внимания, конь внезапно повернул голову в другую сторону.

– Что...

Конь раздул ноздри, громко всхрапнул и прынул в сторону, вырвав поводья из рук Уильяма и снова уронив его в грязь.

– Ах ты, скотина! Какого черта...

Уильям резко замолчал, скорчившись в грязи, – в двух шагах от него пронеслось что-то длинное и невероятно быстрое. И большое. Через мгновение существо исчезло, молча преследуя спотыкающегося коня, чье испуганное ржание затихало вдалеке под хруст веток и звяканье сбруи.

Уильям нервно сглотнул. Говорят, они охотятся вместе, парами, – пумы.

Шею сзади кольнуло, и он как можно осторожнее повернул голову, боясь лишний раз шевельнуться и привлечь внимание того, кто мог таиться в тени эвкалиптов и кустарников. Но вокруг было тихо, лишь барабанили по земле капли дождя.

С другой стороны поляны взлетела белая цапля; у Уильяма чуть сердце от страха не остановилось. Он замер, затаив дыхание и прислушиваясь. Ничего не происходило; вздохнув, он встал. Сочащиеся водой полы пальто прилипли к бедрам. Ноги облепила грязь вперемешку с мелкой травой, вода накрыла носы сапог. Уильям не тонул, однако двинуться с места не мог. Пришлось вставать в грязь ногами в одних лишь носках, выдергивать сапоги и нести их в руках.

Дойдя до благословенного гнилого бревна, Уильям сел, вытряхнул воду из сапог и обулся, мрачно размышляя о происходящем.

Он потерялся в болоте, поглотившем невесть сколько людей, как индейцев, так и белых. Без коня, еды, огня и укрытия – нельзя же назвать укрытием хлипкий армейский мешок из парусины с отверстием, через которое его нужно набивать сухой травой. В карманах хранились складной нож, свинцовый карандаш, промокший бутерброд с сыром, грязный платок, несколько монет, часы и книга – тоже, скорее всего, промокшая. Впрочем, вскоре выяснилось, что часы остановились, а книга пропала. Уильям громко выругался.

Полегчало, и он выругался еще раз. Дождь лил как из ведра, хотя Уильяму было уже все равно. Кажется, даже вошь, обитавшая в его штанах, обнаружила, что ее угодня затопило, и ушла искать дом посуше.

Бормоча проклятия, он обмотал голову парусиновым мешком и, почесываясь, похромал в направлении, в котором ускакал его конь.

* * *

Коня он не нашел. Либо того задрала пума, либо бедняга так и бродил где-то по болоту. Уильям обнаружил лишь выпавший из седельной сумки маленький вощенный сверток с табаком и сковороду. И то и другое сейчас ему было ни к чему, но и расставаться с вещами из цивилизованного мира не хотелось.

Промокший до нитки Уильям свернулся среди корней эвкалипта и, дрожа под тонкой парусиной, наблюдал за молниями в ночном небе. Бело-голубые вспышки слепили даже сквозь закрытые веки, раскаты грома вспарывали воздух, словно ножи. После каждого разряда молнии в воздухе повисал едко-горелый запах.

Он почти привык к грохоту, – и вдруг чудовищный взрыв сшиб его с ног и проволок по грязи и сгнившим листьям. Задыхаясь и хватая ртом воздух, Уильям сел и отер с лица грязь. Что за чертовщина? Впрочем, резкая боль в руке не дала ему долго удивляться. При свете молнии он разглядел торчащий из правого предплечья кусок дерева длиной примерно шесть дюймов и обвел поляну безумным взглядом. Вокруг все было усыпано свежими щепками и обломками деревьев. Остро пахло смолой, древесиной и электричеством.

В сотне футах отсюда рос огромный кипарис – самое высокое дерево в округе; Уильям хотел использовать его в качестве ориентира. Сейчас полыхнувшая молния высветила пустоту на том месте, где он некогда возвышался.

Дрожащий и полуоглохший от грома Уильям вытащил из руки деревянное «копье» и прижал к ране кусок рубахи, чтобы остановить кровь. Затем плотнее обмотал плечи парусиной и вновь съехал среди корней эвкалипта.

В какой-то момент гроза стихла, и он забылся беспокойным сном.

А очнулся в тумане.

Промозглый утренний холод пробирал до костей. Детство Уильяма прошло в Озерном крае Англии, и он помнил, что туман на болоте опасен. Отбившиеся от стада овцы нередко терялись в нем и гибли от зубов собак и лисиц, замерзали насмерть или просто пропадали. Люди тоже. Няня Элпет говорила, что с туманом приходят мертвецы. Она стояла тогда у окна детской, бесстрашная сухопарая старуха с прямой спиной, и глядела на клубящийся внизу туман. Она произнесла это тихо, скорее для себя: вряд ли она знала, что он рядом. Потом резко задернула шторы и молча ушла заваривать для него чай.

Сейчас бы чашечку горячего чая с доброй порцией виски. Горячего чая, горячего тоста с маслом, сэндвичей с джемом, кекса...

Уильям вспомнил о ломте промокшего хлеба с сыром, осторожно достал бутерброд из кармана и, приободрившись, принялся за еду. Он ел медленно, смакуя безвкусную массу так, словно это были персики в бренди. Он сразу почувствовал себя лучше, невзирая на липкое прикосновение тумана к лицу, капающую с волос воду. Ночью он догадался выставить сковородку под дождь, и теперь у него была свежая питьевая вода с восхитительным привкусом бекона.

– Не так уж и плохо, – произнес Уильям, вытерев рот. – Пока.

Он дважды терялся в тумане – то ли наяву, то ли в ночных кошмарах. И опять брел вслепую сквозь белую пелену, такую густую, что не разглядишь ног; а вокруг звучали голоса мертвецов.

Уильям закрыл глаза, предпочитая темноту клубящейся вокруг белизне, но все равно ощущал холодное прикосновение тумана к лицу. Снова раздались голоса, однако теперь он их не слушал.

Уильям решительно поднялся. Чистой воды безумие – брести наугад по болоту, спотыкаясь о кочки и цепляющуюся за ноги траву, – и все же надо идти. Он привязал сковородку к

поясу, обернул плечи мокрой парусиной и зашарил вокруг в поисках подходящей палки. Можжеватель не годился, его древесина крошилась под ножом, а ветки были коротки. Амбровое дерево и нисса оказались немногим лучше. Вот бы найти ольху!

Он целый век шел сквозь туман, осторожно пробуя почву впереди себя ногой. Наткнувшись на дерево, Уильям прижимал его листья ко рту и носу в попытке определить, что это за вид. Наконец набрел на ольховую рощу, выбрал подходящее деревце, ухватил его обеими руками и выдернул под шорох осыпающейся земли и водопад листьев. Внезапно на ноги упало что-то тяжелое – змея. Уползла...

Невзирая на холод, Уильяма прошиб пот. Он отвязал сковородку и осторожно постучал ею по невидимой из-за тумана земле. Вокруг ничто не двигалось, а почва оказалась достаточно твердой, и Уильям перевернул сковороду и сел на нее. Вынул нож и, поднеся ольху ближе к лицу, чтобы не порезаться, укоротил деревце до шести футов и заострил один его конец.

Большое Мрачное болото опасно, но кишит дичью – именно это влечет охотников в его таинственные дебри. На медведя или оленя с этим самодельным копьем Уильям не пошел бы, однако острожить лягушек он умел хорошо, по крайней мере раньше. Научился у слуги из поместья деда и частенько практиковался, пока жил с отцом в Виргинии. Хотя в последние годы в Лондоне ему не приходилось применять это умение, он все же надеялся, что не позабыл его.

Вокруг оживленно кричали лягушки, не обращая внимания на туман.

– Брекекекс, коакс, коакс! Брекекекс, коакс! – прошептал Уильям.

Увы, цитата из комедии Аристофана на лягушек впечатления не произвела.

– Подождите-ка немного, – сказал им Уильям, пальцем пробуя остроту копыя. Правильная острога должна быть трезубой... Почему бы и нет? У него масса времени.

Прикусив язык от усердия, он заострил еще две ветки и привязал их к своему копыю. Сначала для обвязки хотел ободрать кору с можжевельника, затем передумал и оторвал полоску ткани от залохматившейся снизу рубахи.

После грозы все вокруг изрядно промокло. Уильям потерял трутницу, но вряд ли даже божьи молнии, наподобие тех, что он видел ночью, здесь что-нибудь подожгли бы. С другой стороны, к тому времени, как взойдет солнце и Уильям наконец поймает лягушку, он, быть может, уже отчаится настолько, что съест свою добычу сырой.

Как ни странно, эта мысль его успокоила. Голодать не придется, не придется и страдать от жажды – болото удерживает воду подобно губке.

Болото, хотя и огромное, все же имеет границы. И Уильям найдет их, как только появится солнце. Нужно только не ходить кругами, а выйти на твердую землю или, еще лучше, к озеру, на берегу которого стоит Дизмэл.

Все будет хорошо – если не провалиться в трясину, не стать добычей хищника, не подхватить лихорадку от грязной воды или болотных испарений.

Уильям проверил острогу, осторожно вонзив ее в грязь. Обвязка выдержала. Скоро туман рассеется...

Однако туман и не думал рассеиваться, скорее, густел. Уильям едва различал свои пальцы. Вдохнув, он плотнее укутался в мокрое пальто, поставил острогу рядом, оперся спиной на ольху и, чтобы сохранить тепло, обнял руками колени. А от окружающей белизны отгородился закрытыми глазами.

По-прежнему кричали лягушки. С закрытыми глазами Уильям начал слышать и другие болотные звуки. Большинство птиц молчали, как и он пережидая туман, зато время от времени доносился гулкий рев выпи. Невдалеке кто-то плескался – наверное, ондатра. Громко плюхнулась в воду с бревна черепаха. Простые, понятные звуки. Зато слабое шуршание нервировало – неясно, то ли шелестят листья, хотя ветра не было, то ли кто-то охотился. Какой-то маленький зверек пронзительно вскрикнул и затих. Да и само болото то кряхтело, то вздыхало...

Уильям шевельнулся и внезапно ощутил что-то под челюстью. Рука нащупала присосавшуюся к шее пиявку. Он брезгливо оторвал ее и зашвырнул подальше в туман. Ощупав себя дрожащими руками, вновь скорчился на земле, пытаясь сопротивляться нахлынувшим вместе с туманом воспоминаниям.

Он слышал, как его звала мать – его родная мать, – поэтому и пошел тогда в туман. Дедушка с бабушкой, мама Изабель и несколько друзей устроили пикник в низине. Когда сгустился туман – как всегда внезапно, – все засуетились и принялись паковать вещи, предоставив Уильяма самому себе. Он смотрел на неумолимое приближение белого вала и мог поклясться чем угодно, что слышал женский шепот. Слов было не разобрать, однако женщина звала, и Уильям знал, что зовет она его. И он пошел в туман. На какое-то время его очаровало шевеление водяного пара у земли – он вился, мерцал и казался живым. Но когда туман стал гуще, Уильям понял, что заблудился.

Он звал. Сначала женщину, которую счел матерью. «Мертвецы приходят с туманом». Чуть ли не единственное, что он знал о своей матери – она умерла, когда ей было примерно столько же лет, сколько ему сейчас. Говорили, что у него ее волосы и ее дар ладить с лошадьми.

Она отвечала ему – без слов, одним голосом. Он ощущал ласку ее прохладных пальцев на лице и зачарованно шел дальше, пока не упал в расщелину. От удара вышибло дух, и он лежал, оцепеневший, глядя, как плывущий над ним туман спешит поглотить все вокруг. Потом он услышал, как шепчутся скалы, и пополз, а затем и побежал. Снова упал, снова поднялся и побежал дальше.

Вскоре он рухнул наземь, не в силах больше двигаться, и съежился в страхе на жесткой траве, окруженный пустотой, ослепленный ею. Когда его позвали знакомые голоса, он хотел откликнуться, но лишь захрипел отчаянно – от недавних криков он практически онемел. Он снова и снова бежал навстречу голосам, спотыкался и скатывался по склону, натыкался на скальные выступы, взбирался на вершины камней, а голоса уплывали, растворялись в тумане, оставляли его в одиночестве...

Его нашел Мак. Огромная рука внезапно схватила Уильяма и подняла, исцарапанного и окровавленного, прижала к грубой рубахе шотландского слуги так, словно никогда не отпустит.

Уильям сглотнул. Когда ему снились кошмары, он часто просыпался на руках Мака. Или просыпался в холодном поту, не в состоянии больше заснуть из страха перед ждущим его туманом и голосами.

Что-то зашуршало, зашумело. Узнаваемо запахло свиным навозом, и Уильям старался не шевелиться: дикие свиньи опасны, если их потревожить. Шум усилился, раздалось сопение, массивные тела, стряхивая на себя воду, ломались сквозь кусты остролиста. Уильям выпрямился и завертел головой, пытаясь определить, откуда именно доносятся звуки. В тумане трудно не заблудиться, так что свиньи, скорее всего, шли по тропе.

Болото пересекали проложенные оленями тропы, которыми пользовались все, от опоссумов до черных медведей. Тропы эти бесцельно петляли, но неизменно вели к питьевой воде и огибали трясины.

О его матери говорили еще кое-что. «Она всегда была беспечной», – печально качала головой бабушка. Ее встревоженный взгляд останавливался на Уильяме. «Храни тебя Господь, ты такой же, как она», – говорил этот взгляд.

– Может, я и такой же, – громко сказал Уильям, сжимая в руке острогу и вызывающе выпрямляясь. – Но я не умер. Я еще жив.

Уж в этом-то он был уверен.

Глава 37. Чистилище

Через три дня, в полдень, Уильям обнаружил озеро. Он вышел к нему сквозь рощу растущих прямо из заболоченной земли высоких кипарисов, чьи огромные стволы напоминали колонны в храме. Испытывая головокружение и страдая от лихорадки, по щиколотку в воде он медленно брел к озеру.

Воздух и вода были неподвижны, лишь ноги Уильяма медленно рассекали водную гладь да звенела вьющаяся вокруг мошкара. Его глаза опухли от комариных укусов, а вошь обзавелась компанией из клещей и песчаных блох. Снующие туда-сюда стрекозы не кусались, как те маленькие мушки, что сотнями роились вокруг, но доносили его иным способом – их прозрачные крылышки и сверкающие тела отливали на солнце золотистым, голубым и красным, вызывая головокружение.

Деревья отражались в воде с невероятной четкостью – Уильям иной раз с трудом понимал, по какую сторону водной глади находится он сам. Ощущение верха и низа терялось, головокружительный вид сквозь ветви кипарисов был одинаков и вверху, и внизу. Самый большой обломок дерева Уильям из раны вынул и постарался, чтобы грязь вышла с кровью, однако под кожей все же остались мелкие занозы, и рука распухла и ныла. Голова тоже болела. Он медленно брел сквозь удушливо-жаркое оцепенение. Глаза жгло, на краю поля зрения что-то слабо мерцало.

Расходящиеся от сапог волны дробили отражение, и это помогало не упасть. Но стрекозы... Из-за них его качало из стороны в сторону, и он терял ориентиры, потому что стрекозы, казалось, не принадлежали всецело ни воздуху, ни воде, а были частью обеих стихий.

В воде на расстоянии нескольких дюймов от правой щиколотки что-то двигалось. Моргнув, Уильям заметил темную тень и ощутил колебания воды, когда тяжелое тело проплыло мимо, высунув наружу отвратительную треугольную голову.

Ахнув, Уильям остановился. Щитомордник, к счастью, нет.

Уильям смотрел ему вслед и размышлял, годится ли эта ядовитая змея в пищу. Впрочем, не важно, остроги у него уже нет. Он успел сразить ею трех лягушек, прежде чем обмотка не выдержала. Лягушки были маленькие и на вкус не так уж плохи, пусть даже их сырое мясо и тянулось, словно резина. Желудок отозвался болью и урчанием, Уильям едва поборол соблазн нырнуть за змеей.

Может, удастся поймать рыбу.

Вскоре по воде прошла рябь, и отражения деревьев и облаков сменились сотнями переливчатых маленьких волн, плещущих о серо-коричневые стволы кипарисов. Уильям поднял голову и увидел впереди озеро.

Оно оказалось широким, гораздо больше, чем он предполагал. Среди огромных кипарисов, растущих прямо в воде, белели на солнце пни их прародителей. На дальнем берегу темнели заросли нисса, ольхи и калины. Озеро простиралось на мили вокруг; настоящая на листьях и коре вода была коричневой, словно чай.

Облизнув губы, Уильям зачерпнул пригоршню этой воды и принялся пить. Она оказалась свежей и слегка горьковатой.

Он провел мокрой рукой по лицу и вздрогнул от ощущения прохладной влаги.

– Отлично, – выдохнул он и решительно двинулся вперед.

Озеро Драммонд назвали так в честь первого губернатора Северной Каролины. Уильям Драммонд и отряд охотников заблудились в болоте. Выжил только губернатор – через неделю он вернулся, полумертвый от голода и лихорадки, но с известием о большом озере в центре Великого Мрачного болота.

Уильям прерывисто вздохнул. Что ж, его никто не съел. И он вышел к озеру. Но в какой стороне город?

Он медленно обвел взглядом берег, выискивая поднимающиеся из труб струйки дыма или промежутки в зарослях деревьев, свидетельствующие о том, что рядом живут люди. Ничего.

Вздохнув, он достал из сумки шестипенсовик. Подбросил монету вверх и чуть не уронил, когда та ударилась о его неуклюжие пальцы. Решка. Значит, налево. Он решительно повернулся и...

Мелькнула белая пасть щитомордника, Уильям вовремя успел отдернуть ногу, и зубы змеи вонзились в голенище сапога.

Вскрикнув, Уильям яростно затряс ногой, избавляясь от змеи. Та сорвалась с сапога и с плеском скрылась под водой, но, ничуть не обескураженная неудачей, тут же развернулась и снова бросилась к Уильяму.

Он сорвал с пояса сковороду и изо всех сил ударил ею по воде. Змея взлетела в воздух, а Уильям развернулся и быстро побежал к берегу.

Он вломился в заросли эвкалипта и можжевельника и остановился, облегченно переводя дух. Однако передышка была короткой. Змея выбралась на берег – ее коричневая шкура блестяла, словно медь, – и заскользила сквозь заросли прямо к нему.

Вскрикнув, Уильям сорвался с места. Он бежал наугад, натываясь на деревья и ударяясь о стволы и ветки, ноги с чавканьем вязли в грязи. Он не оглядывался, но и вперед едва смотрел, вот и врезался в мужчину, оказавшегося на пути.

Мужчина вскрикнул и упал на спину, Уильям свалился на него. Приподнявшись, он увидел, что столкнулся с индейцем. Извиниться Уильям не успел – кто-то схватил его за руку и грубо дернул вверх.

Еще один индеец. Уильям попытался вспомнить те немногие индейские слова – в основном из области торговли, – что знал, но не смог, просто указал в сторону озера и выдохнул:

– Змея!

Индейцы, похоже, поняли – они настороженно посмотрели в ту сторону. И тут же в подтверждение его слов из-под корней амбрового дерева выскользнула змея.

Индейцы вскрикнули, один из них достал из-за спины дубинку и ударил змею. Промаяхнул. Змея тут же свернулась в тугое кольцо и атаковала индейца. Тоже безуспешно – он успел отшатнуться, выронив при этом дубинку.

Второй индеец, достав свою дубинку, начал осторожно обходить змею. Та, разозленная нападением, то сворачивалась в кольцо, то распрямлялась и вдруг с громким шипением кинулась на второго индейца, метя в его ногу. Он вскрикнул и отскочил, однако дубинку из рук не выпустил.

Уильям, радуясь, что змея больше не обращает на него внимания, отошел в сторону. Когда змея отвлеклась, он крепче ухватил сковороду, замахнулся и со всей силы опустил ее острым краем на змею. Отчаяние придало ему сил, и он бил снова и снова. Наконец остановился, пытаясь, словно кузнечные мехи, и осторожно поднял сковороду, ожидая обнаружить под ней кровавое месиво на разрыхленной земле.

В нос ударил запах – зловоние, напоминающее запах гнилых огурцов, – но самой змеи не было. Прищурившись, Уильям осмотрел перемешанную с листьями грязь, а потом поднял взгляд на индейцев.

Один из них пожал плечами, другой указал в сторону озера и что-то произнес. Похоже, змея благоразумно решила вернуться к своим занятиям, сочтя, что трое противников – это уже чересчур.

Уильям выпрямился, продолжая сжимать в руке сковороду. Мужчины нервно улынулись друг другу.

Обычно в обществе индейцев он чувствовал себя непринужденно. Они часто проходили через земли Уильяма, и отец относился к ним дружелюбно: ужинал и курил с ними на веранде. Уильям не мог с точностью сказать, к какому племени относились эти двое; высокими скулами и резкими чертами лица они напоминали алгонкинов, но охотничьи угодья тех, кажется, лежали гораздо северней. Индейцы, в свою очередь, внимательно оглядели Уильяма и обменялись взглядами, от которых у него пробежали мурашки по спине. Один из индейцев что-то сказал другому, искоса глядя на Уильяма, чтобы определить, понял ли он его. Другой широко улыбнулся Уильяму, обнажив бурые зубы.

– Табак? – спросил он, протянув руку ладонью вверх.

Уильям кивнул и, стараясь дышать не так часто, медленно полез в пальто правой рукой, не выпуская из нее сковороды.

Похоже, эти двое знали, как выйти из болота. Нужно расположить их к себе, а потом... Он старался рассуждать логически, но вмешалась интуиция. Она кричала, что ему следует бежать отсюда как можно быстрее.

Уильям достал упаковку табака, швырнул в ближайшего индейца, который потянулся за ней, и побежал.

Позади раздались удивленные возгласы, ворчание и глухой топот. Подстегиваемый предчувствиями, он побежал быстрее, хотя стычка со змеей лишила его сил и бег с железной сковородой в руках их не добавлял.

Лучше всего было бы оторваться от преследователей и где-нибудь спрятаться. Держа в уме эту мысль, Уильям прибавил ходу и вбежал в эвкалиптовую рощу, затем свернул в заросли можжевельника и почти сразу же наткнулся на звериную тропу. Поначалу он хотел спрятаться среди кустов можжевельника, но потребность бежать была столь сильна, что он, поколебавшись, выбрал тропу. И понесся по ней, цепляясь одеждой за выющиеся растения и ветки деревьев.

Слава богу, он вовремя услышал свиней. Встревоженно фыркая и хрюкая, животные поднялись на ноги – судя по шуршанию и чавкающим звукам. Уильям учуял исходящую от свиней вонь и запах теплой грязи – должно быть, за поворотом тропы была лужа.

– Черт, – выругался он себе под нос и свернул с тропы в кусты. Боже, что теперь делать? Залезть на дерево? Однако вокруг рос только можжевельник. Отдельные деревья были довольно большими, но густые ветки и перекрученные стволы не позволяли взобраться на них. За таким деревом он и скорчился, стараясь дышать спокойней. Сердце стучало так громко, что перекрывало звуки погони.

Вдруг что-то коснулось его руки, Уильям вскочил и непроизвольно взмахнул сковородой. Задетый вскользь пес удивленно взвизгнул, затем оскалился и зарычал.

– Черт бы тебя побрал, откуда ты взялся? – зашипел на него Уильям. Чертова псина была размером с маленькую лошадь!

Шерсть на загривке пса встала дыбом, сделав его похожим на волка, и пес залаял.

– Бога ради, заткнись!

Поздно – недалеке уже раздавались взволнованные голоса индейцев.

– Стоять! – попятившись и вытянув вперед руку, шепотом скомандовал Уильям. – Стоять. Хороший пес.

Но пес не захотел стоять, а последовал за ним, не прекращая рычать и лаять. Это еще больше встревожило свиней – они шумно побежали по тропе; один из индейцев удивленно вскрикнул.

Уильям краем глаза уловил движение и повернулся, держа наготове свое оружие. На него удивленно смотрел очень высокий индеец. Еще один!

– Хватит, – приказал индеец псу с отчетливым шотландским акцентом, и теперь уже Уильям посмотрел на него с удивлением.

Пес перестал лаять, однако продолжал с рычанием бегать вокруг Уильяма – слишком близко, как показалось последнему.

– Кто... – начал было Уильям, но ему помешали преследователи. Они внезапно выскочили из подлеска и застыли на месте, заметив другого индейца. На пса они смотрели с опаской, а тот демонстрировал им впечатляющий набор блестящих зубов.

Один из преследователей сказал что-то резкое высокому индейцу. «Слава богу, они не вместе!» – подумал Уильям. Высокий индеец ответил недружелюбно. Ответ высокого преследователям не понравился. Они помрачнели, и один из них положил руку на рукоять дубинки. У пса в горле заклокотало, и рука тут же опустилась.

Затем высокий индеец сказал что-то еще не допускающим возражений тоном и недвусмысленно махнул рукой – уходите, мол. Уильям, расправив плечи, встал с ним рядом и сердито посмотрел на своих преследователей.

Один из них бросил на него злой взгляд, но его спутник задумчиво посмотрел на высокого индейца, потом на пса и еле заметно покачал головой. Развернувшись, они молча ушли.

Ноги Уильяма тряслись, по телу прокатывались волны жара. Оказаться нос к носу с псом не хотелось, но Уильям все же сел на землю. Пальцы, казалось, одеревенели на ручке сковороды. Уильям не без труда разжал их и положил сковороду рядом.

– Спасибо, – выдохнул он и отер пот с лица. – Ты говорить английский?

– Я встречал англичан, которые делали вид, что не понимают мой английский, но ты, наверное, поймешь. – Индеец сел рядом с Уильямом, с любопытством его разглядывая.

– Боже мой, а ведь ты не индеец, – сказал Уильям.

Его спаситель лицом не походил на алгонкина. Теперь Уильям ясно видел, что он гораздо моложе, чем ему показалось на первый взгляд, – быть может, чуть старше его самого. И он определенно белый, невзирая на коричневатую от загара кожу и пересекавшую скулы татуировку в виде двойной линии точек. Через плечо мужчины был перекинут шотландский плед в красно-черную клетку, абсолютно не сочетающийся с кожаной рубахой и штанами.

– Точно, не индеец, – иронично согласился он. И указал подбородком в сторону ушедших. – Где ты встретился с этими двумя?

– У озера. Они спросили про табак, и я дал им его. А потом они почему-то решили меня схватить.

Мужчина пожал плечами.

– Они собирались отвезти тебя на запад и продать в рабство индейцам из племени шони. – Он слабо улыбнулся. – Предложили мне половину денег, которые выручат от продажи.

Уильям глубоко вздохнул.

– Спасибо. Надеюсь, ты не собираешься сделать то же самое?

Мужчина не засмеялся вслух, хотя в его голосе явственно прозвучала насмешка.

– Нет. Я иду не на запад.

Уильям ощутил облегчение, невзирая на то, что жар снова сменился ознобом.

– Как ты думаешь, они вернутся?

– Нет. Я велел им уйти, – равнодушно ответил мужчина.

Уильям уставился на него.

– Почему ты решил, что они тебя послушаются?

– Потому что они минго, – терпеливо объяснил мужчина. – А я – каньенкехака, могаvk. Они меня боятся.

Он, похоже, не шутил. Высокий, тонкий, словно хлыст, темно-каштановые волосы покрывал медвежий жир.

Мужчина разглядывал Уильяма с не меньшим интересом. Уильям кашлянул и протянул руку:

– Уильям Рэнсом, к вашим услугам.

– А ведь я тебя знаю, – сказал мужчина странным тоном и крепко пожал протянутую руку. – Йен Мюррей. Мы уже встречались. – Он скользнул взглядом по рваной одежде Уильяма, его расцарапанному потному лицу и обляпанным грязью сапогам. – В тот раз ты выглядел чуть лучше. Правда, не намного.

* * *

Мюррей снял котелок с огня и поставил на землю. На миг сунул нож в раскаленные угли и тут же опустил нагревшееся лезвие в сковороду, наполненную водой. Горячий металл зашипел, выпустив облачко пара.

– Готов? – спросил Мюррей.

– Да.

Уильям стоял на коленях у тополиной колоды, положив на нее раненую руку. Она отекала в том месте, куда вонзился обломок дерева, вздулся нарыв, кожа вокруг него натянулась и болезненно покраснела.

Могавк – Уильям не мог воспринимать его иначе, даже несмотря на имя и акцент, – посмотрел на него, насмешливо подняв брови.

– Это ты там кричал, чуть раньше?

Он взял Уильяма за запястье.

– Да. На меня змея напала, – признался Уильям.

– Вот как? Ты визжал, как девчонка. – Мюррей дернул уголком рта, перевел взгляд на руку Уильяма и коснулся ее ножом.

Уильям зарычал.

– Уже лучше, – сказал Мюррей.

Крепко сжав запястье Уильяма, он полоснул по руке ножом. Надрез получился дюймов в шесть. Отодвинув кожу кончиком ножа, Мюррей вынул из раны самый крупный обломок кипариса, а затем аккуратно извлек мелкие щепки. Удалив все, что мог, он обернул краем своего потрепанного пледа ручку котелка и плеснул горячей водой прямо на открытую рану.

Уильям утробно зарычал и выругался.

Мюррей покачал головой и укоризненно прищелкнул языком.

– Видимо, мне придется сделать все, чтобы ты не умер. Потому что если ты умрешь, то точно попадешь в ад за такие слова.

– Я не собираюсь умирать, – коротко ответил Уильям.

Тяжело дыша, он здоровой рукой отер лоб. Осторожно поднял вторую руку и стряхнул с пальцев розоватую от крови воду. От пережитого кружилась голова, и он сел на бревно.

– Если тошнит, опусти голову между коленей, – предложил Мюррей.

– Меня не тошнит.

Дождаясь, пока закипит вода в котелке, Мюррей надергал несколько пригоршней резко пахнувшей травы, растущей в воде, и теперь пережевывал ее и сплевывал зеленую кашицу на кусок ткани. Достав из своего походного мешка сморщенную луковицу, он отрезал от нее большой кусок, критически осмотрел его и решил, что тот сгодится и без пережевывания. Он добавил лук к траве и бережно завернул в ткань. Затем наложил все это на рану и закрепил полосками ткани, оторванными от рубахи Уильяма.

Мюррей задумчиво посмотрел на Уильяма.

– Ты, наверное, очень упрямый?

Уильям нахмурился, раздраженный замечанием. Друзья, родные и армейское начальство не раз говорили, что неуступчивость доведет его до могилы. У него на лице это написано, что ли?

– Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

– Я не собирался оскорблять тебя, – мягко сказал Мюррей и нагнулся, чтобы затянуть зубами узел на импровизированной повязке. Потом отвернулся и выплюнул несколько ниточек. – Надеюсь, ты очень упрям, потому что те, кто может тебе помочь, находятся далеко. И будет просто замечательно, если ты окажешься достаточно упрямым для того, чтобы не умереть у меня на руках.

– Я же сказал, что не собираюсь умирать, – заверил его Уильям. – И мне не нужна помощь. Где... Город далеко?

Мюррей поджал губы.

– Да. Ты шел в город? – Он удивленно выгнул бровь.

Уильям на миг задумался, а потом кивнул. Ничего страшного, пусть узнает.

– Зачем? – снова поднял бровь Мюррей.

– Я... У меня есть дело к некоторым джентльменам оттуда.

Под ложечкой засосало. О боже, книга! Злоключения и переживания так его захватили, что он даже не задумался о важности пропажи. Уильям ценил книгу не только за развлекательное содержание – еще он записывал на ее полях свои мысли, к тому же она была жизненно необходима для его миссии. В нескольких специальным образом отмеченных абзацах были зашифрованы имена и места проживания мужчин, которых он должен навестить, и, что еще важнее, то, что он должен им сказать. Он помнил большинство имен, но все остальное...

От смятения Уильям даже позабыл про боль в руке и резко вскочил.

– Ты хорошо себя чувствуешь, приятель? – Мюррей тоже встал и смотрел на него с удивлением и участием.

– Я... да. Я всего лишь... кое о чем подумал.

– Тогда думай об этом сидя, а не то упадешь в огонь.

– Я... хорошо, сяду. – Он сел едва ли не быстрее, чем встал, и на лице внезапно выступил обильный холодный пот. Мюррей тронул его за здоровую руку, заставляя лечь, и Уильям лег, смутно желая потерять сознание.

– Все хорошо, – не открывая глаз, пробормотал он. – Мне просто нужно немного отдохнуть.

– Хм.

Трудно сказать, выразил Мюррей таким образом согласие или беспокойство, но он отошел и вернулся с одеялом, которым молча прикрыл Уильяма. Тот слабо шевельнул рукой в знак благодарности – говорить он уже не мог: от внезапно накатившего озноба застучали зубы.

Мышцы давно болели от перенапряжения, но он не обращал на это внимания – нужно было идти вперед. Теперь же боль всецело завладела его телом, такая сильная, что хотелось стоять. Сохраняя самообладание, Уильям подождал, пока озноб отступит и позволит ему говорить, и спросил:

– Ты знаешь город на Великом Мрачном болоте? Был там?

– Захаживал иногда.

Уильям видел Мюррея – темную тень, склонившуюся у костра, и слышал звук удара металла о камень.

– С-случайно не знаком с Вашингтоном?

– Знаю пятерых или шестерых с такой фамилией. У генерала много кузенов.

– Г-г-г...

– Генерала Вашингтона. Разве ты не слышал о нем? – В голосе шотландского моговка послышался намек на изумление.

– Слышал, но... точно ли... – Уильям умолк, собираясь с мыслями, и продолжил: – Генри Вашингтон. Он тоже родственник генерала?

– Насколько мне известно, любой человек с фамилией Вашингтон в радиусе трехсот миль отсюда является родственником генерала. – Мюррей вынул из сумки что-то длинное, пушистое и с хвостом. – А что?

– Так, ничего. – Уильям немного согрелся, напряженные мышцы живота расслабились, и он облегченно вздохнул. Впрочем, невзирая на удивление и спутанность сознания, виной которому была лихорадка, осторожности он не утратил. – Говорят, Генри Вашингтон – лоялист.

Мюррей удивленно повернулся к нему.

– Кто, во имя Брайда¹⁰, тебе это сказал?

– Видимо, ложные слухи... – Уильям потер глаза тыльной стороной ладони. Раненая рука болела. – Что это? Опоссум?

– Ондатра. Не волнуйся, свежая. Убил ее перед тем, как встретил тебя.

– Хорошо.

На душе вдруг стало спокойно. Вряд ли из-за ондатры – он ел ее мясо не раз и находил его вкусным; правда, сейчас из-за лихорадки есть не хотелось. А, вот из-за чего – «не волнуйся» было произнесено с той же добродушной, уверенной интонацией, с какой конюх Мак обычно утешал маленького Уильяма, когда тот падал с пони или отец не брал его в город. «Не волнуйся, все будет хорошо».

От звука отрывающейся от мышц шкуры Уильяма затошнило, и он закрыл глаза.

– У тебя рыжая борода. – В голосе Мюррея прозвучало удивление.

– Только сейчас заметил? – сварливо поинтересовался Уильям и открыл глаза.

Цвет бороды ему не нравился. Волосы на голове, груди и прочих частях тела были приятного темно-каштанового цвета, в то время как волосы на подбородке и в паху отличались неожиданно ярким оттенком. Уильям стыдился этого и тщательно брился, даже на борту корабля или в дороге, но его бритва пропала вместе с конем.

– Раньше было как-то не до того, – миролюбиво ответил Мюррей.

Он замолчал, сосредоточившись на своем занятии, а Уильям постарался расслабиться и ни о чем не думать, чтобы хоть немного поспать. Он очень устал. Перед закрытыми глазами проплывали пейзажи болота. Похожие на петли ловушек корни, грязь, зловонная коричневая куча холодного свиного дерьма, ворох опавших листьев... Листья плывут по воде, похожей на коричневое стекло, вокруг его голени отражения колеблются... в воде страницы книги расплываются и исчезают, издевательски уходя на глубину... От неба голова кружится не меньше, чем от озера, можно упасть вниз или вверх и утонуть в вязком, словно вода, воздухе, утонуть в собственном поту... Какая-то девушка щекочуще слизывает с его щеки пот, ее тело тяжелое, горячее и настойчивое; Уильям отворачивается, но не может избежать ее назойливого внимания...

Проснулся Уильям от запаха жареной ондатры. Огромный пес лежал рядом с ним и храпел.

– О боже! – Он слабо оттолкнул пса, смущенно вспомнив о девушке из сна. – Откуда собачка?

– Его зовут Ролло, – с упреком сказал Мюррей. – Я приказал ему лечь рядом с тобой, чтобы согреть. Ты тряса от озноба, знаешь ли.

– Знаю.

Уильям заставил себя сесть и поесть что-нибудь, хотя больше всего ему хотелось снова лечь, причем подальше от пса, который теперь лежал на спине, задрав вверх лапы, и походил на дохлое лохматое насекомое.

На землю опустилась ночь, небо было чистым и безбрежным, наполненным сиянием далеких звезд. Вспомнился отец, астроном-любитель; вместе с отцом – иногда к ним присоеди-

¹⁰ Брайд – кельтская богиня, в поздние времена стала почитаться как христианская святая.

нялась и мать Уильяма – они лежали на лужайке в Хелуотере, смотрели на звезды и называли созвездия. Сейчас от вида холодной сине-черной пустоты Уильяма пробирал озноб, однако звезды почему-то действовали на него успокаивающе.

Что делать дальше? Он по-прежнему старался принять на веру то, что Генри Вашингтон, а возможно, и остальные, кому он должен был нанести визит в Дизмэле, – мятежники. Прав ли этот странный шотландец-могавк? Или по какой-то своей причине хочет ввести Уильяма в заблуждение? Хотя зачем ему это? Мюррей вряд ли знает что-то об Уильяме, кроме его имени и имени его отца. А когда они с отцом несколько лет назад приезжали во Фрэзер-Ридж, лорд Джон выступал как частное лицо. Мюррей вряд ли понял, что Уильям солдат – а уж тем более шпион – и не может ничего знать о его миссии.

А если он не собирался вводить его в заблуждение и его слова правда... Уильям сглотнул сухим горлом. Ему грозит смертельная опасность. Что случилось бы, если бы он приехал прямо в гнездо мятежников, в столь отдаленное место, как этот город на болотах, и беспечно рассказал бы о себе и своих целях? «Тебя бы вздернули на ближайшем дереве, – спокойно ответил рассудок. – И швырнули бы труп в болото».

И это подводило к еще более тревожной мысли: как мог капитан Ричардсон так ошибаться?

Уильям яростно затряс головой, желая упорядочить мысли, и тем самым привлек внимание Мюррея: он посмотрел на Уильяма, и тот вдруг спросил:

– Ты правда могавк?

– Да.

Глядя на татуировки и темные глаза, в этом трудно было усомниться.

– Как так вышло?

Мюррей поколебался, но ответил:

– Я женился на женщине из племени каньенкехака. Меня усыновил клан Волка из Снейк-тауна.

– Ясно. А твоя жена...

– Я больше не женат. – Это было сказано не враждебно, однако с той мрачной категоричностью, которая не дает продолжать расспросы.

– Прости, – для проформы извинился Уильям и замолчал.

Его снова начало знобить, он неохотно лег, натянул одеяло по самые уши и скорчился под боком у пса, который глубоко вздохнул, пустил ветры и больше не шевелился.

Согревшись, Уильям задремал, и сейчас сны были полны насилия и страха. Ему привиделись индейцы: дикари преследовали его в обличье змей. Змеи превратились в корни деревьев и сквозь отверстия на лице проникли в его мозг, разломали череп и высвободили целое гнездо змей, которые свернулись в петли арканов...

Уильям проснулся в поту, страдая от боли. Попытался приподняться, но руки не слушались. Кто-то склонился над ним. Тот шотландец, могавк... Мюррей. Вспомнив имя, Уильям испытал облегчение. И еще большим облегчением стала фляжка у губ.

В ней была вода из озера – он узнал ее странный, горьковатый привкус и жадно выпил.

– Спасибо, – вернув опустевшую фляжку, прохрипел Уильям.

Вода придала сил, и он сел. Лихорадка еще туманила рассудок, но сны хотя бы на время отступили. Уильям представил, как они выжидающе затаились в темноте, за маленьким кругом света от костра, и решил пока не спать.

Тянущая боль в руке усилилась, простреливая от кончиков пальцев до середины плеча. Было трудно не поддаваться одновременно и ей и ночи, и он сказал:

– Говорят, мужчине-могавку недостойно выказывать страх, и, когда он попадает в плен, а враг его пытается, он ничем не показывает, что ему больно. Это так?

– Лучше не оказываться в подобной ситуации, – с иронией ответил Мюррей. – А если такое все-таки произошло... прояви всю доступную тебе храбрость, вот и все. Ты поешь свою песнь смерти и надеешься умереть достойно. А у английских солдат разве не так? Ты ведь не хочешь умереть как трус?

Уильям наблюдал за огненными пятнами, вспыхивающими под закрытыми веками.

– Не хочу, – признал он. – У нас все так же, то есть я имею в виду надежду умереть достойно. Но солдата, скорее, подстрелят или ударят по голове, чем будут пытаться. Если, конечно, он не столкнется с дикарями. А ты видел когда-нибудь смерть от пыток?

Мюррей повернул вертел, и огонь осветил его непроницаемое лицо.

– Да, видел, – наконец сказал он.

– Как это было? – Уильям и сам не понимал, зачем спрашивает. Возможно, лишь для того, чтобы отвлечься от боли в руке.

– Настолько интересно?

Поначалу праздный, интерес Уильяма немедленно возрос.

– Интересно!

Мюррей поджал губы, но Уильям к этому времени уже знал, как получить информацию, и мудро хранил молчание, не сводя глаз с моговца.

– Беднягу освеживали, – наконец сказал Мюррей и поворошил костер палкой. – Один из индейцев сдирал с него кожу тонкими полосками, остальные тыкали в раны горящими сосновыми ветками. Потом они отрезали его детородные органы и развели костер под его ногами, чтобы сжечь его прежде, чем он умрет от боли. Так и случилось... только не сразу.

– Да уж. – Уильям попытался представить себе этот процесс, и воображение сработало так живо, что он поспешно отвернулся от потемневшего скелета ондатры, с которого Мюррей срезал все мясо.

Мюррей молчал. Уильям даже не слышал его дыхания, но точно знал, что тот сейчас тоже представляет эти пытки. Впрочем, «представляет» – не совсем верное слово; он снова их видит.

– Кто-нибудь – а точнее ты – думал о том, как будешь вести себя на его месте? – тихо спросил Уильям. – Смог бы ты такое вынести?

– Каждый об этом думает. – Мюррей встал и отошел на другой конец поляны. Уильям слышал, как он облегчается, но вернулся Мюррей лишь несколько минут спустя.

Пес внезапно проснулся, поднял голову и при виде хозяина завил хвостом. Мюррей тихо рассмеялся, сказал псу что-то на странном языке – то ли индейском, то ли гэльском, – затем оторвал заднюю ногу ондатры и бросил ему. Пес молниеносно подскочил, схватил подачку, улегся, довольный, по ту сторону костра и принялся ее облизывать.

Лишившись мохнатой постельной грелки, Уильям осторожно лег и подложил под голову здоровую руку. Мюррей пучком травы отчищал нож от крови и жира.

– Ты упомянул песнь смерти. Что это такое?

Мюррей пришел в замешательство.

– Я имею в виду, о чем в ней поется? – уточнил Уильям.

– Видишь ли, я слышал только одну такую песнь. Остальные двое, умершие точно так же, были белыми мужчинами и просто-напросто не знали подобных песен. Индеец – он был из племени онондага – пел о своем племени, своей семье. И немного о том, как сильно он презирает тех, кто собирается его убить. Пел и о своих деяниях: о победах, о могучих воинах, павших от его руки; они обязательно поприветствуют его после смерти. Затем о том, как он намерен пересечь... – Мюррей задумался, подбирая слово, – то, что пролегает между этим миром и тем, что будет после смерти. Пожалуй, можно сказать «границу», хотя это слово означает скорее «пропасть».

Он замолчал, но рассказ еще не был окончен, Мюррей лишь пытался вспомнить подробности. Внезапно он выпрямился, глубоко вздохнул, закрыл глаза и принялся читать стих на

языке моговков, как предположил Уильям. Чередование «н», «р» и «т» завораживало и звучало ритмично, словно барабанный бой. Резко оборвав стих, Мюррей продолжил:

– Затем он рассказал об ужасных созданиях, которых он встретит на пути в рай: например, летучих зубастых головах.

– Фу, – сказал Уильям.

Мюррей рассмеялся.

– Точно. Я не хотел бы повстречать такое.

Уильям счел уместным спросить:

– Песню смерти придумывают заранее – на случай, если она вдруг понадобится, или полагаются на, так сказать, предсмертное вдохновение?

Мюррей смутился.

– Видишь ли, об этом обычно не говорят, понимаешь? Хотя двое моих друзей немного рассказали о том, что спели бы, возникни такая необходимость.

– Хм. – Уильям лег на спину и посмотрел на звезды. – Песню смерти поют только во время пыток, которые завершаются смертью? А если ты болен и думаешь, что умрешь?

Мюррей отвлекся от своего занятия и пристально посмотрел на Уильяма.

– А ты умираешь?

– Нет, просто интересуюсь, – заверил его Уильям. Он и правда не думал, что умирает.

Мюррей с сомнением хмыкнул.

– Что ж, слушай. Песню смерти поют тогда, когда точно уверены в своей смерти, не важно, от чего.

– Наверное, тебя больше уважают, если ты поешь песню, когда в тебя втыкают горящие ветки? – предположил Уильям.

Мюррей громко рассмеялся, внезапно почти перестав походить на индейца.

– Откровенно говоря, тот онондага... по-моему, не так уж хорошо он ее спел. Впрочем, вряд ли я справился бы лучше на его месте.

Уильям тоже рассмеялся, затем они оба замолчали. Уильяму подумалось, что Мюррей сейчас так же, как и он, представляет себя на месте того индейца: привязанным к шесту, готовым вынести пытки. Он посмотрел вверх и для пробы придумал несколько строк: «Я, Уильям Кларенс Генри Джордж Рэнсом, эрл...». Не годится, перечень имен ему никогда не нравился. «Я, Уильям... Уильям... Джеймс...». «Джеймс» было его тайным именем, он годами не вспоминал о нем. Но уж лучше Джеймс, чем Кларенс. «Я, Уильям». Что еще можно сказать? Почти ничего. Нет уж, лучше повременить со смертью до тех пор, пока он не совершит что-нибудь, достойное упоминания в песне смерти.

Мюррей молчал; огонь костра отражался в его темных глазах. Наблюдая за ним, Уильям подумал, что шотландец-моговк уже сложил свою песнь смерти, – и вскоре заснул под треск пламени и тихий хруст костей, терзаемый лихорадкой, но несломленный.

* * *

Во сне ему виделись пытки: бесконечный раскачивающийся мост над бездной, где его преследуют черные змеи и стаи летающих желтых голов с разноцветными глазами. Он замахнулся, чтобы отбиться от них, – и пришел в себя от острой боли.

Свежий ветерок предвещал скорый рассвет. Прохладный поток воздуха коснулся лица Уильяма, заставив вздрогнуть и вспомнить об иной дрожи.

Кто-то что-то сказал – он не разобрал, что именно, но из-за лихорадки решил, что это одна из змей, с которыми он разговаривал до того, как они принялись на него охотиться.

На его лоб легла чья-то ладонь, большой палец приподнял веко. Лицо индейца витало перед ним в дремотном видении.

Уильям издал раздраженный возглас и, моргнув, повернул голову. Индеец что-то спросил, ему ответил знакомый голос. Кто... Мюррей. Это имя, казалось, плавало возле его локтя, и он смутно припомнил, что Мюррей был в его сне, он отчитывал змей на суровом шотландском наречии.

Сейчас Мюррей тоже говорил не на английском языке, однако и не на специфическом шотландском диалекте. Уильям с трудом повернул голову, все еще дрожа от озноба.

Вокруг костра на корточках – чтобы не намокнуть от росы – сидели индейцы. Один, два, три... шесть. Мюррей и еще один индеец сидели на бревне и разговаривали.

Нет, индейцев семь – еще один потрогал его лоб и наклонился.

– Думаешь, умрешь? – с толикой любопытства спросил он.

– Нет, – ухитрился выдать Уильям в промежутках между клацаньем зубов. – Кто ты, черт побери?

Индейцу вопрос показался забавным, и он повторил его своим друзьям. Те засмеялись, тогда Мюррей посмотрел на Уильяма, заметил, что тот проснулся, и встал.

– Каньенкехака, – сказал индеец, усмехнувшись. – А кто ты, черт побери?

– Он мой родич, – коротко сказал Мюррей, опередив Уильяма, оттер в сторону индейца и сел на корточки рядом с Уильямом. – Живой?

– Как видишь, – угрюмо отозвался он. – Не хочешь представить меня своим... друзьям?

Первый индеец разразился смехом и, видимо, перевел его слова двоим или троим индейцам, которые подошли взглянуть на Уильяма. Они тоже сочли это забавным.

Мюррей не смеялся.

– Это мои родственники. По крайней мере, некоторые. Пить хочешь?

– У тебя много родственников... кузен. Да, если тебе не трудно.

Уильям попытался сесть, помогая себе здоровой рукой. Вылезать из-под промокшего от росы, но все равно уютного одеяла не хотелось, однако какая-то глубинная потребность заставляла его принять вертикальное положение. Мюррей, похоже, неплохо знал этих индейцев; впрочем, родня они ему или нет, а в линии его рта и плеч сквозило напряжение. И становилось ясно, зачем он сказал им, что Уильям – его родственник...

«Каньенкехака», – сказал индеец. «А ведь он не имя свое назвал, а племя, к которому принадлежит», – догадался Уильям. Вчера Мюррей тоже произнес эти слова, когда выгнал тех двоих минго. «Я каньенкехака. Могавк. Они меня боятся». Это прозвучало как простая констатация факта, и Уильям так и не расспросил Мюррея, обстоятельства помешали. Увидев несколько могавков одновременно, он одобрил благоразумие минго. Могавки прямо-таки источали первобытную жестокость, помноженную на небрежную самоуверенность людей, готовых петь – не важно, насколько хорошо, – пока их оскопляют и сжигают заживо.

Мюррей протянул ему фляжку с водой, и Уильям принялся жадно пить, а после налил немного воды в ладонь и омыл лицо. Почувствовав себя лучше, он сходил в кусты, затем вернулся к костру и сел на корточки между двумя индейцами. Они разглядывали его с неприкрытым любопытством.

Похоже, по-английски говорил лишь тот индеец, который пальцем поднял его веко; остальные кивали ему, сдержанно, но вполне дружелюбно. Уильям посмотрел через огонь и отшатнулся, чуть не упав. На траве лежало длинное рыжевато-коричневое тело, и пламя золотило шерсть на его боках.

– Он мертв, – заметив удивление Уильяма, холодно сказал Мюррей.

Могавки рассмеялись.

– Я понял, – ответил Уильям не менее холодно, хотя его сердце от потрясения билось сильнее обычного. – Так ему и надо, если это тот самый, что напугал моего коня.

Присмотревшись, он увидел у костра еще несколько трупов. Маленький олень, свинья, пятнистая кошка и два или три белеющих на темной траве холмика – цапли. Понятно, зачем могавки пришли на болота: подобно остальным, они охотились.

Светало, слабый ветерок шевелил влажные волосы на затылке Уильяма, от животных резко пахло кровью и мускусом. И разум, и язык Уильяма сделались неповоротливыми и медлительными, но все же он принудил себя похвалить охотников. Переводивший его слова Мюррей неприкрыто и радостно удивился тому, что Уильям не забыл о вежливости. А у того даже сил не хватило, чтобы обидеться.

Разговор перешел на общие темы и велся по большей части на языке могавков. Индейцы больше не проявляли интереса к Уильяму; впрочем, сосед по-дружески угостил его куском холодного вареного мяса. Уильям кивнул в знак благодарности и, пересиливая себя, принялся есть, хотя с тем же результатом на месте мяса могли быть сапожные подметки. Он плохо себя чувствовал, его знобило; доев мясо, он вежливо кивнул сидящему рядом индейцу и отошел, желая снова лечь и надеясь, что его не стошнит.

Заметив состояние Уильяма, Мюррей подбородком указал на него и сказал что-то своим друзьям на языке могавков. Последнюю фразу он произнес с вопросительной интонацией.

Умеющий говорить по-английски индеец, невысокий, коренастый, в клетчатой шерстяной рубаше и кожаных штанах, в ответ пожал плечами, затем поднялся и подошел к Уильяму.

– Покажи мне руку, – сказал он и, не дожидаясь, пока Уильям послушается, взял его запястье и закатал рукав рубашки. Уильям чуть не потерял сознание.

Когда перед глазами перестали плавать темные пятна, он заметил, что к индейцу присоединились Мюррей и еще двое могавков. И все они с неприкрытым испугом смотрели на его руку. Уильям нехотя опустил взгляд. Рука чудовищно распухла, чуть ли не вдвое увеличившись в размере, а от повязки к запястью шли темно-красные полосы.

Знающий английский язык индеец – Уильям вспомнил, что Мюррей почему-то называл его Росомахой, – достал нож и срезал повязку. И только тогда Уильям понял, до чего неудобной она была. Кровь снова побежала по венам, руку закололо словно иголками, Уильям с трудом подавил желание почесать ее. Хотя какими, к черту, иголками – ощущение было такое, словно по руке ползали полчища кусачих огненных муравьев.

– Дерьмо! – выругался сквозь зубы Уильям.

Индейцы явно знали это слово, они засмеялись – все, за исключением Росомахи и Мюррея, которые искоса поглядывали на руку Уильяма.

Росомаха – почему его звали так, если он вовсе не похож на этого зверя? – осторожно потыкал руку пальцем и покачал головой. Затем сказал что-то Мюррею и махнул рукой в западном направлении. Мюррей потер лицо, словно человек, желающий избавиться от сонливости или тревоги, пожал плечами и спросил что-то у остальных индейцев. Ответом ему были кивки и пожатия плечами. Впрочем, несколько индейцев поднялись и пошли в лес.

Вопросы кружились в голове Уильяма, словно круглые и яркие металлические шары в дедовском планетарии, что стоял в библиотеке лондонского дома на Джермин-стрит. «Что они делают? Что происходит? Я умираю? Я умираю, как английский солдат? Почему он... английский солдат...» Рассудок уцепился за последний вопрос и принялся изучать его. «Английский солдат» – кто это сказал? Мюррей? Во время их ночного разговора... Что же он сказал?... «А у английских солдат разве не так? Ты ведь не хочешь умереть как трус?»

– Я вовсе не собираюсь умирать, – пробормотал Уильям, но разум не принял это во внимание, продолжая свою маленькую мистерию. Что Мюррей хотел сказать? Он сказал это просто так или с умыслом, распознав в Уильяме английского солдата? Сомнительно. А что он тогда ему ответил?..

Из-за горизонта поднималось солнце, и Уильям отвернулся от его ярких лучей, сосредоточившись на воспоминаниях.

«У нас все так же, то есть я имею в виду надежду умереть достойно». Проклятье, он ответил как английский солдат.

Сейчас его не заботило, умрет он достойно или как пес... Кстати, где... а, вот. Ролло, поскуливая, приняховался к его руке, затем принялся лизать рану. Ощущения были странными: болезненными и вместе с тем приятными, и Уильям не стал отгонять пса.

Что... ах да, он просто ответил, не обратив внимания на слова Мюррея. Но вдруг Мюррей и в самом деле знал, кто он такой? Тревожная мысль. Следил ли за ним Мюррей до того, как он въехал в болота? Может, он видел, как Уильям разговаривал с владельцем фермы, находящейся недалеко от болота, и решил перехватить его при первом же удобном случае. Если это правда... Лгал ли Мюррей, когда говорил о Генри Вашингтоне и Дизмэле?..

Коренастый индеец сел рядом, прогнав пса. Уильям с трудом сдерживался, чтобы не задать какой-нибудь из вопросов, теснившихся у него в голове.

– Почему тебя называют Росомахой? – вместо этого поинтересовался он сквозь пелену боли.

Индеец усмехнулся и распахнул рубаху, показывая исполосованную шрамами шею и грудь.

– Я убил росомаху. Руками. Теперь она мой духовный зверь. У тебя есть такой?

– Нет.

Индеец укоризненно посмотрел на него.

– Он тебе обязательно нужен. С его помощью ты сможешь выжить. Выбери себе зверя, одного, только сильного.

Пребывая в спутанном сознании, Уильям послушно принялся перебирать животных: свинья, змея, олень, пума... нет, слишком вонючая.

– Медведь, – уверенно сказал он. – Ведь нет зверя сильнее, чем медведь?

– Медведь, – повторил индеец и кивнул. – Хорошо.

Он ножом надрезал рукав Уильяма, чтобы тот не давил на отекающую руку. Внезапно его омыло солнечным светом; лезвие ножа полыхнуло серебром. Росомаха посмотрел на Уильяма и рассмеялся.

– У тебя рыжая борода, Медвежонок, ты это знаешь?

– Знаю, – сказал Уильям и зажмурился от бьющих в лицо солнечных лучей.

* * *

Росомаха хотел освежевать пуму, но Мюррей, встревоженный состоянием Уильяма, не собирался ждать. В итоге Уильяма и пуму положили буквально голова к голове на поспешно сделанную волокушу, которую одним концом привязали к лошади Мюррея. Насколько Уильям понял, направлялись они в маленькую деревушку в десяти милях отсюда, к доктору.

Росомаха и еще двое могавков пошли с ними, указывая путь. Остальные индейцы остались охотиться.

Пуму выпотрошили, что Уильям счел благом – день был теплый и обещал стать еще теплей. Правда, запах крови привлекал мух, которые устроили себе пиршество, поскольку обремененная волокушей лошадь шла медленно и не могла их обогнать. Мухи гудели и жужжали, лезли в уши; большинство мух привлекала пума, но многие все же хотели попробовать на вкус и Уильяма, тем самым успешно отвлекая его мысли от раненой руки.

Спустя какое-то время индейцы устроили привал и подняли Уильяма на ноги – приятное разнообразие, пусть Уильяма и шатало. Мюррей посмотрел на его покусанное мухами, обгоревшее на солнце лицо и достал из подсумка помятую жестянку. В ней оказалась вонючая мазь, и он щедро намазал ею Уильяма.

– Осталось еще пять-шесть миль, – заверил он его, хотя тот ни о чем его не спрашивал.

– Отлично, – ответил Уильям со всей жизнерадостностью, на которую был сейчас способен. – В конце концов, это еще не ад, а всего лишь чистилище. Что нам еще тысяча лет?

Мюррей засмеялся, Росомаха удивленно посмотрел на него.

– Точно, – хлопнув Уильяма по плечу, сказал Мюррей. – Хочешь пройтись?

– О боже, да!

У него кружилась голова, подкашивались ноги и дрожали колени, но уж лучше так, чем провести еще час в компании мух, ползающих по глазам и вываленному языку пумы. Уильяма снабдили крепкой палкой, вырезанной из молодого дубка, и он поплелся за лошадью, то потея, то трясясь от озноба, однако твердо намереваясь идти, пока не упадет.

Мазь прекрасно отгоняла мух – ею пользовались все индейцы, – а когда дрожь на время отступала, Уильям погружался в некое подобие транса, машинально переставляя ноги. Индейцы и Мюррей какое-то время приглядывали за ним и, убедившись, что он вполне способен идти, вернулись к своим разговорам. О чем говорили могавки, Уильям не понимал, зато Росомаха принялся допытываться у Мюррея о природе чистилища.

Мюррей испытывал определенные трудности с объяснением – вероятно оттого, что у могавков отсутствовало понятие греха или Бога, озабоченного порочностью людей.

– Тебе повезло стать каньенкехака, – качая головой, наконец сказал Росомаха. – Дух, которому мало, что злые люди уже мертвы, мучающий их после смерти... И христиане еще говорят, что мы жестокие!

– Верно, – согласился Мюррей, – но подумай: допустим, человек струсил и во время смерти держался недостойно. Чистилище дает ему возможность все же доказать свою храбрость, понимаешь? И когда он покажет себя достойным человеком, перед ним откроется мост, по которому он беспрепятственно пройдет до самого рая.

Росомаха хмыкнул.

– Если человек несколько сотен лет будет выносить пытки, он заслуживает рая... но как это возможно, если у него нет тела?

– Полагаешь, для пыток нужно тело? – с толикой иронии спросил Мюррей.

Росомаха буркнул что-то, выражая то ли одобрение, то ли удивление, и больше к этой теме не возвращался.

Какое-то время они шли молча, под пение птиц и жужжание мух. Стараясь не упасть и боясь свернуть случайно в сторону, Уильям сосредоточил внимание на затылке Мюррея и лишь поэтому заметил, что тот замедлил шаг.

Уильям решил, что это из-за него, и хотел сказать, что может идти, – по крайней мере, еще какое-то время. Однако Мюррей сначала глянул на идущего впереди могавка, а потом повернулся к Росомахе и тихо у него что-то спросил.

Росомаха напряг плечи, но потом расслабился.

– Я понял, она – твое чистилище, да?

Мюррей издал удивленный звук.

– Какая разница? Я спросил, как она.

Росомаха вздохнул и повел плечом.

– У нее все хорошо. Есть сын. Наверное, уже и дочь тоже. Ее муж...

– Да? – голос Мюррея стал тверже.

– Знаешь Тайенданега?

– Знаю. – Теперь в голосе Мюррея звучало любопытство. Уильяму тоже, в общем-то, хотелось узнать, кто такой этот самый Тайенданега и кем он приходится бывшей – или не совсем бывшей? – любовнице Мюррея. Хотя, нет, не любовнице. «Я больше не женат», – говорил он. Значит, жене. Уильям вспомнил Маржери и слегка посочувствовал Мюррею. Последние четыре года Уильям почти не думал о ней, и ее образ поблек с годами, разъеденный горе-

чью. Какая-то жидкость бежала по его лицу – то ли пот, то ли слезы. Должно быть, он сошел с ума. И что поделаешь?

Мухи теперь не кусали, а с жужжанием лезли в уши. Уильям сосредоточенно вслушивался в их гудение, убежденный, что они хотят сообщить ему что-то важное. Он слушал очень внимательно, но разбирал только бессмысленное сочетание звуков. «Шоша». «Ник». «Осонни». Впрочем, последнее было словом, и он его знал! Оно означало «белый человек». Значит, мухи говорили о нем?

Он неуклюже почесал ухо, разогнав мух, и снова услышал слово «чистилище».

Поначалу он не смог вспомнить значение этого слова, и оно привиделось ему, покрытое мухами. Мало-помалу он начал осознавать окружающее: блестящий на солнце лошадиный круп, две полосы в пыли, прочерченные... чем? Вещь, сделанная из... постели, ах нет, из парусины. Его спальный мешок, намотанный на два оструганных деревца, волочащихся по земле... «Волокуша» – вот как это называется. И кошка, там еще есть кошка. Она через плечо смотрит на него янтарными глазами и скалится.

Теперь с ним заговорила и кошка.

– Ты сошел с ума, понимаешь?

– Понимаю, – прошептал Уильям. Ответ кошки, произнесенный с шотландским акцентом, он уже не разобрал.

Он наклонился, чтобы лучше слышать. И словно поплыл по плотному, как вода, воздуху прямо в ее открытый рот. Внезапно стало легче: он не двигался, но его что-то поддерживало. И кошки больше не было видно... Он лежал на земле, лицом в траве и грязи.

Снова донесся раздраженный голос кошки:

– Твое чистилище? Думаешь, ты сможешь выбраться из него, идя назад?

«Нет. Незачем», – думал Уильям, ощущая покой.

Глава 38. Простые речи

Девушка задумчиво пощелкала ножницами.

– Уверен? – спросила она. – Будет жаль, друг Уильям. Удивительно яркий цвет!

– Мисс Хантер, я думал, вы сочтете его неподобающим, – улыбнулся Уильям. – Говорят, квакеры считают яркие цвета слишком вызывающими.

Единственным цветным пятном на ее кремовой и серой одежде была бронзовая брошь, скреплявшая концы платка.

Она укоризненно посмотрела на него.

– Нескромный узор на платье – совсем не то же, что дар Божий, который следует принимать с благодарностью. Разве синешейки выдергивают свои перья, а розы сбрасывают лепестки?

– Сомневаюсь, что у роз бывает зуд, – почесав подбородок, возразил Уильям.

Его борода – дар Божий? Что-то новенькое. Впрочем, это недостаточно веский аргумент, чтобы он продолжал носить бороду. Неудачного цвета, она росла быстро, но скудно. Уильям неодобрительно посмотрелся в скромное квадратное зеркальце, которое держал в руке. Он ничего не мог поделаться с обгоревшим носом и щеками, с которых облезла кожа, или с покрытыми струпами царапинами – следами его приключений на болоте. Зато отвратительные медные завитки, которые бодро топорщились и неравномерно, словно лишайник, покрывали его подбородок и челюсти, можно было убрать прямо сейчас.

– Так вы поможете мне?

Девушка скривила губы и опустилась на колени рядом с креслом. Взглянув рукой за подбородок Уильяма и повернула его голову к окну, чтобы лучше видеть.

– Что ж, попрошу Денни побрить тебя, – сказала она и коснулась ножницами его волос. – Хотя я вполне способна отстричь твою бороду. – Сузив глаза, она наклонилась к Уильяму и принялась выстригать его подбородок. – Но я брила только мертвую свинью, а из живых – никого.

– Цирюльник, цирюльник, – пробубнил Уильям, стараясь не шевелить губами, – свинью нам постриг...

Девушка нажала снизу на подбородок Уильяма, закрыв ему рот, и фыркнула – это сходило у нее за смех. Кляц, кляц, кляц. Ножницы приятно щекотали лицо, курчавые волосы невольно касались рук и падали на лежащее на коленях старое льняное полотенце. Уильяму еще не приходилось видеть ее лицо так близко, и он воспользовался представившейся возможностью. Он разглядел, что глаза у мисс Хантер карие с прозеленью. Ему внезапно захотелось поцеловать ее в кончик носа; вместо этого он закрыл глаза и глубоко вздохнул. Похоже, она недавно доила козу.

– Я могу сам побриться, – сказал он.

Девушка удивленно подняла брови и опустила взгляд на его руку.

– Я сильно удивлюсь, если ты сможешь сам поеть, не говоря уж о бритье.

Откровенно говоря, он едва мог поднять правую руку, и последние два дня его кормила именно мисс Хантер. Уильям счел разумным не говорить ей, что он левша.

– Все заживает, – сказал он и повернул руку так, чтобы на нее падал свет.

Как раз утром доктор Хантер снял повязку и остался доволен увиденным. Рана была еще красной и бугристой, а кожа вокруг нее белой и влажной, но рука, несомненно, заживала: отек спал, а зловещие красные полосы пропали.

– Хороший шрам, – рассмотрев его, сказала девушка. – Стежки ровные, и вообще красивый.

– Красивый? – эхом отозвался Уильям, скептически посмотрев на свою руку.

Он не раз слышал, как мужчины называют шрамы красивыми, однако чаще всего они имели в виду, что рубцы ровные, чистые и не уродуют своих носителей. Его шрам был неровным и длинным – до самого запястья. Ему рассказали, что он едва не лишился руки: доктор Хантер уже занес над ней ампутирующую пилу, но тут нарыв лопнул прямо под его ладонью. Доктор немедленно вычистил рану и наложил на нее чеснок и окопник, а потом еще и помоллся для усиления лечебного эффекта.

– Он похож на огромную звезду, – с одобрением в голосе сказала Рэйчел Хантер. – Очень заметную. На большую комету, быть может. Или на Вифлеемскую звезду, которая привела волхвов к яслям, где лежал Христос.

Уильям задумчиво повернул руку. Ему казалось, что шрам похож на разорвавшийся минометный снаряд. Девушке он об этом не сказал, ограничившись хмыканьем. Ему хотелось продолжить разговор – Рэйчел редко задерживалась, когда кормила его: ей хватало работы. Уильям задрал остриженный подбородок и указал на ее брошь.

– Красивая. Но не слишком ли вызывающе?

– Нет, – резко сказала она и накрыла брошь ладонью. – Сделана из волос моей матери – она умерла, рожая меня.

– Ох, простите, – извинился он и, поколебавшись, добавил: – С моей матерью случилось то же самое.

Рэйчел на миг застыла, и что-то такое промелькнуло в ее глазах, лишая взгляд равнодушия, с каким она смотрела на стельную корову или съевшую не то собаку.

– Прости и ты меня, – тихо сказала она и повернулась к выходу. – Я схожу за братом.

Девушка легко сбежала по узкой лестнице, а Уильям взял полотенце за концы и вытряхнул рыжие клочки волос в окно, отпуская на волю четырех ветров. Туда им и дорога. Будь его борода приличного темно-каштанового цвета, он, быть может, и отрастил бы ее для маскировки, а столь кричащий цвет только привлекает внимание.

Чем бы заняться? Он наверняка сможет уехать уже завтра.

Одежда его, пусть изрядно потрепанная, еще годилась для носки: мисс Хантер зашила дыры в штанах и пальто. Но у него не было коня и не было денег – кроме двух шестипенсовиков, завалившихся в кармане. К тому же он потерял книгу с перечнем людей, которым нужно передать сообщения, также зашифрованные в книге. Некоторые имена запомнились, но без правильного пароля и знака...

Внезапно Уильям подумал о Генри Вашингтоне и полузабытом уже разговоре с Йеном Мюрреем у костра, до того как они заговорили о песнях смерти. Вашингтон, Картрайт, Харрингтон и Карвер – вспомнился напевный перечень имен, наряду с загадочным ответом Мюррея в ответ на упоминание Вашингтона и города Дизмэл. У Мюррея не было причин лгать ему; значит, капитан Ричардсон получил неверные сведения от разведки? Вполне возможно. Уильям мало пробыл в Колониях, но уже слышал о том, как быстро лоялисты способны передвигаться и обмениваться новостями об угрозах и благоприятных возможностях.

А вот если капитан Ричардсон не ошибся, значит, он намеренно отправил его на смерть. От чудовищной мысли по спине пробежал холодок, а во рту пересохло, и Уильям взял чашку с травяным чаем, который утром принесла мисс Хантер. Чай был отвратительным на вкус, но Уильям даже не заметил этого. Вцепившись в чашку, словно в талисман, он пытался убедить себя, что это неправда, ведь отец знал Ричардсона, и если бы тот был предателем... Уильям отпил чай и поморщился.

– Нет, исключено. Или маловероятно, – рассудительно отметил он. – Бритва Оккама: самое простое объяснение – самое верное.

Эта мысль немного успокоила. Еще в юном возрасте Уильям изучил базовые принципы логики и счел разумным руководствоваться положениями Оккама. Что больше походит на

правду: то, что капитан Ричардсон – предатель, который преднамеренно подверг Уильяма опасности? Или то, что капитана неправильно информировали и он просто ошибся?

И если уж продолжать рассуждения, какую цель капитан преследовал? Уильям не питал иллюзий насчет своей значимости. Какая польза для Ричардсона – или кого бы то ни было – в уничтожении младшего офицера, выполняющего незначительные поручения разведки?

Слегка расслабившись, он глотнул кошмарный чай, подавился им и закашлялся. Уильям еще вытирал брызги полотенцем, когда по лестнице быстро поднялся доктор Хантер.

Дензил Хантер, узкий в кости и подвижный, словно воробей, мужчина лет тридцати, был примерно на десять лет старше сестры. При виде Уильяма он просиял, неприкрыто радуясь выздоровлению пациента, и Уильям тепло улыбнулся ему в ответ.

– Сисси сказала, что ты хочешь побриться. – Он поставил на стол кружку и помазок. – По-видимому, ты чувствуешь себя уже достаточно хорошо для того, чтобы вернуться в цивилизованное общество. Первое, что делает мужчина, освободившись от социальных условностей, – это отращивает бороду. Ты уже справлял нужду?

– Нет, как только закончим, так сразу и пойду, – заверил его Уильям. – Не хочется выходить из дома – даже в отхожее место, – выходя как бандит. Ни к чему шокировать ваших соседей.

Доктор Хантер засмеялся и достал из одного кармана бритву, а из другого – очки в серебристой оправе. Он надел очки и взял помазок.

– Сисси и я уже и так притча во языцех, – заверил он Уильяма и принялся намыливать ему лицо. – Если они увидят бандита возле нашего отхожего места, то лишь утвердятся в своем мнении.

– Правда? Почему? – спросил Уильям, размыкая губы с осторожностью, чтобы в рот не попало мыло.

Странно было слышать это. Как только он пришел в себя, то сразу же выяснил, что находится в Дубовой роще, небольшой общине квакеров. Он думал, что квакеры едины в своих религиозных мнениях. Правда, раньше он не был знаком ни с одним из них.

Глубоко вздохнув, Хантер отложил помазок и взял бритву.

– Политика, – прямо ответил он, словно желая поскорее отделаться от скучной, пусть и несложной темы разговора. – Скажи, друг Рэнсом, кому я могу написать о твоих злключениях, чтобы за тобой приехали?

– Спасибо, думаю, я смогу уехать уже завтра, – улыбнулся Уильям. – Я не забуду вашей доброты и гостеприимства, когда доберусь до своих... друзей.

Хантер слегка нахмурился и поджал губы.

– Прости за любопытство, но куда ты поедешь? – спросил он спустя какое-то время.

Уильям колебался, не зная, что сказать. Он еще не решил, куда ехать, учитывая плачевное состояние финансов. Пожалуй, лучше всего будет поехать на свою плантацию «Гора Джосайи». Если Хантеры дадут ему в дорогу еды, то он попадет туда через несколько дней, самое большее – через неделю. Затем переоденется, возьмет хорошего коня, оружие и деньги и сможет продолжить свое путешествие.

Заманчивая возможность, однако поступить так означало раскрыть свое пребывание в Виргинии и вызвать пересуды, потому что там известен не только он сам, но и тот факт, что он солдат. А уж столкнуться с соседями в таком виде, как сейчас...

– В Розмаунте есть несколько католиков, – с сомнением произнес Хантер, вытирая бритву о многострадальное полотенце. Уильям удивленно посмотрел на него.

– Да? – настороженно спросил он. Какого черта Хантер говорит ему о католиках?

– Прошу прощения, – извинился Хантер, заметив его реакцию. – Ты упомянул друзей, вот я и подумал...

– Ты решил, что я...

За удивлением последовало осознание, и Уильям схватился за грудь, но обнаружил там лишь ночную рубашку, в которую был одет.

– Вот они. – Из ящика в ногах кровати доктор достал деревянные четки. – Мы сняли их, когда раздевали тебя, но Сисси сохранила их в целостности.

– «Мы»? – переспросил Уильям, цепляясь за возможность отложить расспросы. – Меня раздевали ты и мисс Хантер?

– Да, здесь больше никого не было, – принялся оправдываться доктор. – Нам пришлось положить тебя в ручей голым, чтобы сбить жар. Разве ты не помнишь?

Он смутно помнил об охватившем тело холоде и ощущении, что тонет, но счел это горячечным бредом. И к счастью – или к несчастью, – мисс Хантер не была частью этих видений.

– Я не мог донести тебя в одиночку, – признался доктор и поспешно заверил Уильяма: – Я прикрыл тебя полотенцем, чтобы тебе потом не было стыдно перед нашими соседями.

– Почему соседи с вами не ладят? – поинтересовался Уильям и, забрав у Хантера четки, сказал небрежно: – Сам я не католик, мне подарил их на память друг.

Доктор в замешательстве провел костяшками пальцев по губам.

– Вот оно как, а я подумал...

– Так что насчет соседей? – спросил Уильям и с затаенным волнением повесил четки на шею. Возможно, причина враждебности соседей кроется в том, что его ошибочно сочли папистом?

– Уверен, они помогли бы нам нести тебя, – признался Хантер. – Просто нам некогда было звать их. Действовать пришлось срочно, а ближайший дом довольно далеко отсюда.

Это не прояснило ничего об отношениях Хантеров с соседями, но настаивать на ответе было невежливо, так что Уильям кивнул и встал.

Пол вдруг покачнулся, а на краю поля зрения полыхнуло белым. Чтобы не упасть, Уильям схватился за подоконник. В себя он пришел спустя некоторое время, весь в поту. Доктор Хантер на удивление крепко держал его, не давая выпасть в окно.

– Не спеши, друг Рэнсом, – мягко сказал он, подводя его к кровати. – Давай подождем, пока ты сможешь стоять сам. Сейчас же, боюсь, в твоём теле слишком много слизи¹¹.

Борясь с тошнотой, Уильям сел на край и позволил доктору вытереть пот полотенцем. Похоже, у него будет больше времени, чтобы решить, куда ехать.

– Как ты думаешь, когда я смогу продержаться на ногах весь день?

Хантер задумчиво посмотрел на него.

– По меньшей мере, дней через пять, возможно, четыре. Ты крепкий и сильный, иначе я бы дал тебе неделю.

Уильям кивнул и лег. Хантер стоял над ним, нахмурившись.

– Ты далеко ехал? – спросил он осторожно.

– Довольно далеко, – ответил Уильям с не меньшей осторожностью. – Я направлялся... в Канаду. – Он внезапно осознал, что чем больше он скажет о поездке, тем больше придется рассказывать о ее цели. Разумеется, можно иметь дела в Канаде, не связанные с английской армией, оккупировавшей Квебек, но доктор упомянул политику... поэтому лучше проявить благоразумие. И уж конечно, не стоит упоминать «Гору Джосайи». Какими бы натянутыми ни были отношения Хантеров с соседями, новости об их госте мигом разлетятся по округе.

– Канада, – повторил доктор себе под нос и посмотрел на Уильяма. – Да, расстояние значительное. К счастью, я этим утром забил козу, так что мясо у нас есть. Мясо поможет восстановить твои силы. Завтра я пушу тебе кровь, чтобы привести в равновесие телесные

¹¹ Согласно «теории о телесных соках» Гиппократ, в организме человека существуют четыре жидкости: кровь, черная желчь, желтая желчь и слизь. Считалось, что человек болеет из-за избытка той или иной жидкости.

соки, а там видно будет. Ну а сейчас... – он улыбнулся и протянул руку. – Идем, я помогу тебе добраться до отхожего места.

Глава 39. Вопрос совести

Приближалась буря. Уильям ощущал ее в движении воздуха, читал в тенях облаков, скользящих по старым доскам пола. Летний день, и без того жаркий и влажный, стал откровенно душным, а наэлектризованность воздуха словно передалась Уильяму. Невзирая на слабость, он просто не мог оставаться в постели и с трудом поднялся, вцепившись в умывальник и пережидая тошноту.

Предоставленный самому себе, он походил от одной стены комнаты до другой – между ними было около десяти футов, – опираясь рукой о стену, чтобы сохранить равновесие. Усталость и головокружение принуждали время от времени садиться на пол и опускать голову между коленей, чтобы перед глазами перестали мелькать пятна.

Он как раз сидел под окном, когда услышал доносящиеся со двора голоса. Удивленный голос принадлежал мисс Хантер, а низкий и хриплый – какому-то мужчине. Знакомый голос... Да это же Йен Мюррей!

Уильям встал и тут же вновь сел на пол – от резкого движения потемнело в глазах.

– Он ведь будет жить? – смог расслышать он, невзирая на расстояние и шелест листьев каштанов у дома. Уильям с трудом поднялся на колени, навалился на подоконник и прищурился – свет был слишком ярким, даже несмотря на пелену облаков.

Высокая фигура Мюррея виднелась у дальнего края двора – дылда в штанах из оленьей кожи. Рядом стоял его огромный пес. Росомахи или тех двоих индейцев видно не было, но на лужайке за спиной Мюррея щипали траву две лошади. Рэйчел Хантер махнула рукой в сторону дома, приглашая Мюррея войти, а он покачал головой, достал из подсумка что-то маленькое и вручил девушке.

– Эй! – крикнул Уильям – точнее, попытался крикнуть: ему не хватало сил – и замахал руками. Ветер все громче шелестел листьями каштанов, но движение, видимо, привлекло внимание Мюррея – он поднял взгляд и, увидев в окне Уильяма, приветливо ему махнул.

Хотя в дом он, похоже, заходить не собирался. Вместо этого поднял поводья одной из лошадей и вложил их в руку Рэйчел Хантер. Затем взмахом руки попрощался с Уильямом и, с изяществом вскочив на вторую лошадь, уехал.

Уильям вцепился в подоконник, разочарованно наблюдая, как Мюррей исчезает за деревьями. Впрочем... он оставил здесь лошадь, и Рэйчел Хантер уже повела ее за дом. Усилившийся ветер трепал фартук и юбки девушки; одной рукой она придерживала чепец, чтобы его не сдуло.

Лошадь наверняка для него! Значит, Мюррей намерен вернуться за ним? Или же Уильям должен последовать за Мюрреем? Биение сердца эхом отдавалось в ушах. Уильям натянул заштопанные штаны и новые чулки, которые связала для него Рэйчел, и с усилием надел одеревеневшие от воды сапоги. Напряжение сил отзывалось в теле дрожью, но Уильям упрямо спускался по лестнице, шатаясь, потев и поскальзываясь, и до кухни добрался целым и невредимым.

Задняя дверь открылась, впустив в дом ветер и свет, и резко захлопнулась, вырвавшись из рук Рэйчел. Она повернулась, увидела Уильяма и вскрикнула от изумления.

– Боже! Что ты здесь делаешь? – Девушка тяжело дышала от испуга и смотрела на него, заталкивая пряди темных волос под чепец.

– Я не хотел тебя напугать, – извиняющимся тоном сказал Уильям. – Я собирался... Я увидел, как уезжает Мюррей, и подумал, что успею нагнать его. Он сказал, где я должен встретиться с ним?

– Нет. Ради бога, сядь, пока не упал.

Садиться не хотелось. Бурлило желание выйти наружу, однако колени тряслись... Он неохотно опустился на табурет.

– Что сказал Мюррей? – Уильям вдруг осознал, что сидит в присутствии леди, и указал на другой табурет. – Пожалуйста, сядь и расскажи, о чем он говорил.

Девушка пристально посмотрела на него, но села и расправила смятые ветром юбки. Буря приближалась, тени облаков проносились по полу, по лицу Рэйчел, и воздух как будто колыхался, словно комната находилась под водой.

– Он спросил о твоём здоровье, а когда я сказала, что ты поправляешься, оставил для тебя лошадь.

Уильям надавил:

– Он ведь дал тебе что-то? Я видел, как он вручил какой-то сверток.

Она на миг поджала губы, затем кивнула и достала из кармана что-то маленькое, обернутое тканью.

Уильям сразу заметил отметки на ткани – глубокие линии от веревки. Которую недавно повязали по-иному. Рэйчел Хантер отвела взгляд, задрал подбородок и покраснев.

В свертке лежала маленькая пачка бумаги американского производства, потертый кошелек с монетами: гинеей, тремя шиллингами и двухпенсовиком, свернутое в несколько раз письмо – Уильям мог поклясться, что его уже разворачивали, – и еще один пакет, тоже обернутый веревкой. Отложив в сторону пакет и деньги, Уильям развернул письмо.

«Кузен,

надеюсь, тебе лучше. Если так, то я оставляю тебе лошадь и некоторое количество денег, чтобы ты продолжил поездку. В противном случае оставляю только деньги на оплату твоего лечения или похорон. Все остальное – подарок друга, которого индейцы зовут Убийцей Медведей. Он надеется, что ты будешь носить это в добром здравии. Желаю тебе удачи в твоём предприятии.

С наилучшими пожеланиями,

Йен Мюррей».

Уильям озадаченно хмыкнул. Очевидно, у Мюррея было какое-то дело и потому он не мог или не желал ждать, пока его кузен будет готов к поездке. Как ни жаль – теперь, в здравом рассудке, ему хотелось пообщаться, – Мюррей, похоже, не планировал путешествовать вместе.

Уильяма осенило, что насущный вопрос решен: теперь он может продолжить свою миссию – насколько это в его силах. По крайней мере, он может поехать в ставку генерала Хау, сделать доклад и получить новые указания. Мюррей сделал ему щедрый дар: конь выглядел здоровым, а денег было более чем достаточно, чтобы платить за достойную еду и ночлег по пути в Нью-Йорк. Интересно, где Мюррей взял их? Он казался бедным, словно церковная мышь; хотя Уильям припомнил, что ружье у него хорошее, да и какое-никакое образование он, судя по ровному почерку, все же получил. Но чем он так заинтересовал этого странного шотландского индейца?

Уильям задумчиво распаковал маленький пакет – и с улыбкой надел амулет с медвежьим когтем поверх рубахи. Рэйчел Хантер пристально смотрела на него.

– Ты прочла мое письмо, ай-яй-яй, – упрекнул ее Уильям.

Щеки девушки еще сильнее покраснели, однако смотрела она на него с той прямоотой, которую он не привык встречать у женщин, за примечательным исключением в лице бабушки со стороны отца.

– Твоя речь сильно не соответствует твоим одеждам, друг Уильям, – даже будь они новыми. И хотя последние несколько дней ты пребываешь в здравом рассудке, ты так и не

объяснил, что привело тебя в Великое Мрачное болото. Джентльмены нечасто посещают это место.

– О нет, мисс Хантер, я знаю многих джентльменов, которые считают эти места непревзойденными охотничьими угодьями. Впрочем, разумеется, никто не поедет охотиться на диких кабанов или пум, закутавшись в парусину.

– А еще никто не поедет охотиться, вооружившись лишь сковородой, друг Уильям. Но если ты и правда джентльмен, то откуда ты родом?

Он замялся, не в силах сразу припомнить легенду своего альтер эго, и назвал первое, что пришло на ум:

– Я из... Саванны. Это в Каролине.

– Я знаю, где это, – резко ответила Рэйчел. – Я слышала их речь, ты говоришь не так.

– Думаешь, я лгу? – поразился он.

– Да.

– Вот как...

Они смотрели друг на друга в преддверии надвигающейся бури, и каждый что-то обдумывал. На миг Уильяму показалось, что он играет в шахматы с бабушкой Бенедиктой.

– Прости, что прочла твое письмо, – отрывисто сказала Рэйчел. – Не из любопытства, поверь.

– А зачем? – Он слабо улыбнулся, показывая, что не сердится на нее. Она не улыбнулась в ответ, но прищурилась – не подозрительно, а будто разглядывая его внимательнее.

– Я хотела больше узнать о тебе и о том, какой ты. Твои спутники показались нам опасными. А твой кузен? Если он похож на них, то... – Девушка прикусила верхнюю губу, покачала головой и продолжила уже уверенней: – Через несколько дней мой брат и я должны будем уехать отсюда. Ты сказал Денни, что поедешь на север. Мне хотелось бы, чтобы мы путешествовали вместе, хотя бы какое-то время.

Этого он не ожидал и, удивленно заморгав, сказал первое, что пришло на ум:

– Уехать отсюда? Почему? Из-за... э-э... соседей?

– Что? – удивилась она.

– Прошу прощения, твой брат вроде бы говорил, что отношения между вами и вашими соседями несколько... напряженные.

Рэйчел прикусила губу словно в расстройстве или в изумлении.

– Вот оно что... – Она побарабанила пальцами по столу. – Кажется, мне придется все тебе рассказать. Что ты знаешь про «Общество друзей»?

Уильям знал только одну семью квакеров по фамилии Анвин. Глава семьи был богатым торговцем, знакомым его отца; Уильям как-то общался с двумя его дочерьми на приеме, хотя разговаривали они не о философии или религии.

– Должно быть, они – то есть вы – против всякой борьбы? – осторожно предположил он.

К его удивлению, Рэйчел рассмеялась. Уильям был рад, что маленькая хмурая складка между ее бровями разгладилась.

– Мы против насилия, – уточнила она. – А борьба помогает нам развиваться, если уж на то пошло. Что касается нашей веры... Денни сказал, что ты не папист, хотя, полагаю, ты ни разу не посещал собрания квакеров.

– До сих пор не представлялось возможности.

– Так я и думала. Что ж... – Она задумчиво посмотрела на него. – У нас есть священники, которые приходят читать проповеди на собраниях, но каждый присутствующий может высказаться на любую тему, если его или ее побуждает к этому дух Божий.

– Ее? Женщины тоже выступают публично?

Она бросила на него испепеляющий взгляд.

– У меня, как и у тебя, есть язык.

– Я заметил. Пожалуйста, продолжай.

Рэйчел чуть наклонилась вперед, собираясь продолжить рассказ, но ей помешал громко хлопнувший ставень и хлынувшие на подоконник потоки дождя. Она вскочила на ноги.

– Нужно загнать цыплят в сарай! А ты закрой ставни! – приказала она и выбежала из дома.

Уильям медленно подошел к окну и выполнил распоряжение. Когда он направился наверх, чтобы закрыть ставни и там, то снова ощутил головокружение. Пришлось переждать его на пороге комнаты, вцепившись в дверной косяк.

На втором этаже было две комнаты: спальня над главным входом, где поместили его, и маленькая комната в конце коридора. Теперь брат и сестра Хантер жили в ней вдвоем. Там стояла низенькая кровать, умывальник с серебряным подсвечником на нем и еще несколько вещей. На вбитых в стену крючках висели запасная рубашка и брюки доктора, шерстяная шаль и платье строгого кроя цвета индиго – похоже, Рэйчел надевала его по особым поводам.

За ставнями бушевал дождь и ветер, и утопающая в полумраке комната казалась укрытием от бури, в ней по-прежнему царили спокойствие и безмятежность. Сердце Уильяма билось реже – он успел немного отдохнуть и теперь стоял, наслаждаясь тайным вторжением. Внизу было тихо – наверное, Рэйчел еще ловила цыплят.

Кое-что показалось ему странным в обстановке, и он довольно быстро понял, что именно. Поношенные личные вещи Хантеров свидетельствовали об их бедности, тогда как некоторые предметы обстановки указывали на достаток. Канделябр был серебряным, не из олова или какого-нибудь сплава, а кувшин и миска не глиняные, а из лучшего фарфора, расписанного синими хризантемами.

Уильям с любопытством поднял подол синего платья, висящего на крючке. Скромность – это одно, а ветхость – совсем другое. Ткань на подворотах вытерлась добела, индиго выцвело так, что на юбке образовались причудливые переходы от темного оттенка к светлому. Сестры Анвин одевались скромно, но их одежда была высшего качества.

Повинуясь внезапному порыву, Уильям поднес ткань к лицу. От нее до сих пор слабо пахло индиго, а еще травой, животными и едва ощутимо – женщиной. Он наслаждался этим запахом, как бокалом хорошего вина.

Звук закрывшейся внизу двери заставил его отбросить платье, словно оно вдруг загорелось, и выйти на лестницу.

Рэйчел Хантер стояла у очага, стряхивая с одежды дождевые капли. Ее чепец намок и облепил голову. Не замечая Уильяма, она сняла чепец, отжала его и повесила на гвоздь у каминной трубы. Ее темные волосы свободно упали на спину, мокрые и блестящие, резко контрастируя со светлой тканью жакета.

– Полагаю, цыплята спасены? – спросил Уильям; наблюдать за ней исподтишка, все еще ощущая ее запах, показалось ему непозволительно интимным.

Она обернулась, посмотрела настороженно, но покрывать волосы не стала.

– Все, за исключением курицы, которую мой брат называет Великой вавилонской блудницей. Остальные цыплята не обладают даже зачатками разума, а эта распущенна сверх меры.

– Распущенна?

Рэйчел явно поняла, что он подумал об остальных значениях этого слова и нашел их забавными по отношению к курице. Девушка фыркнула, нагнулась к сундуку с вещами и пояснила:

– Она сидит на сосне, на высоте двадцати футов от земли, в самый разгар ливня. Распущенность и есть. – Рэйчел достала льняное полотенце и принялась вытирать голову.

Издаваемый дождем шум внезапно изменился: теперь ливень с силой барабанил в ставни, словно кто-то швырял в них мелкие камни.

Рэйчел хмыкнула, бросив мрачный взгляд на окно.

– Думаю, ливень сшибет ее наземь, и она, бесчувственная, станет добычей первой же пробегающей мимо лисы. Так ей и надо!

Она села и указала на табурет.

– Ты сказала, что вы собираетесь уехать отсюда на север. – Уильям тоже сел. – Полагаю, цыплята с вами не поедут?

– Нет, боже упаси. Мы их уже продали, и дом тоже. – Отложив в сторону помятое полотенце, Рэйчел достала из кармана маленький гребешок, вырезанный из рога. – Я хотела тебе все объяснить. – Она глубоко вздохнула. – Я упоминала, что, когда человека побуждает дух Божий, он высказывается на собрании? Мой брат высказался, и нам пришлось уехать из Филадельфии.

Рэйчел пояснила, что, когда в округе живут несколько квакеров, они устраивают собрания. На ежеквартальных и ежегодных собраниях обсуждаются различные важные события и решаются вопросы, касающиеся всех квакеров в целом.

– Ежегодное Филадельфийское собрание – самое большое и влиятельное, – сказала Рэйчел. – Ты прав: квакеры не сторонники насилия и стараются либо избежать его, либо прекратить. По поводу отделения Америки... собрание помолилось и выбрало путь мудрости и мира, который лежит в примирении с Англией.

– Неужели? – заинтересовался Уильям. – Значит, все квакеры в Колониях теперь лоялисты?

Рэйчел на миг поджала губы.

– Таков был совет ежегодного собрания. Но, как я уже говорила, квакеры прислушиваются к своей душе и должны вести себя так, как советует она.

– Твой брат поддержал восстание? – недоверчиво спросил удивленный Уильям: доктор Хантер не походил на бунтаря.

– Он был за независимость, – уточнила Рэйчел.

– Не вижу логики, – выгнув бровь, заметил Уильям. – Как можно добиться независимости, не прибегая к насилию?

– Если ты полагаешь, что дух Божий всегда следует логике, то ты знаешь его лучше, чем я. – Девушка провела рукой по влажным волосам и раздраженно перекинула их за спину. – Денни заявил, что свобода – не важно, отдельного человека или всей страны – это Божий дар, и надо биться, дабы обрести ее и сохранить. Поэтому нас выгнали с собрания...

Из-за закрытых ставен в комнате было темно, но на лице Рэйчел лежал слабый отсвет пламени очага. Последние слова ее сильно взволновали: губы сжались в нить, глаза заблестели, свидетельствуя, что она может вот-вот заплакать.

– Видимо, это серьезно – когда выгоняют с собрания? – осторожно осведомился Уильям.

Рэйчел кивнула, не глядя на него. Она подняла упавшее полотенце, свернула его и заговорила, тщательно подбирая слова:

– Я уже упоминала, что моя мать умерла при родах. Отец умер три года спустя – утонул в ручье. Мы с братом остались одни. Местные квакеры позаботились о том, чтобы мы не голодали и у нас была крыша над головой, пусть и дырявая. Позднее на собрании подняли вопрос, на кого учить Денни. Он боялся, что его сделают погонщиком скота или сапожником. – Невзирая на серьезный тон, Рэйчел слабо улыбнулась. – Он и слова против не сказал бы – лишь бы я не голодала. Однако нам повезло. Один из квакеров взялся отыскать наших родственников, и его поиски увенчались успехом – нашелся кузен из Шотландии, тогда живший в Лондоне. Джон Хантер, благослови его Господь. Он известный доктор, а его брат – акушер самой королевы! – Невзирая на то что мисс Хантер была поборницей равноправия, в ее голосе прозвучало благоговение.

Уильям вежливо кивнул.

Рэйчел продолжила:

– Он справился о Денни и, услышав хорошие отзывы, устроил так, чтобы Денни переехал в Филадельфию, поселился в семье квакеров и поступил в медицинский колледж. А после даже пригласил Денни в Лондон обучаться у него!

– Действительно редкостное везение, – согласился Уильям. – А что было с тобой?

– Меня приняла одна женщина из деревни. – Рэйчел ответила непринужденно, но Уильям не обманулся ее показной беззаботностью. – Впрочем, когда Дензил вернулся, я переехала сюда и собираюсь вести дом, пока брат не женится.

Опустив взгляд, она пропускала складки полотенца между пальцами. В свете очага ее темные кудри отсвечивали бронзой.

– Та женщина... она была хорошей. Я научилась вести хозяйство, готовить и шить... Вряд ли ты поймешь, что значит быть выгнанным с собрания.

– Наверное, то же самое, что быть уволенным из полка. Позорно и мучительно.

Ее глаза на миг прищурились, но Уильям не шутил.

– Собрание квакеров – не просто братство верующих. Это... общность мыслей, чувств... в некотором смысле, большая семья. Каково девушке лишиться семьи?

– И когда тебя оттуда выгоняют... Да, понимаю, – тихо произнес он.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом дождя за окном.

– Ты говорил, твоя мать тоже умерла, – промолвила Рэйчел, участливо глядя на него темными глазами. – А отец жив?

Уильям покачал головой.

– Мой отец тоже умер в день моего рождения.

Рэйчел заморгала от неожиданности.

– Это правда. Он был на пятьдесят лет старше моей матери. Когда он услышал, что она умерла ро... родами, его хва... хватил удар. – Уильям рассердился – он почти перестал заикаться, и вот опять. Однако Рэйчел не обратила на это внимания.

– Значит, ты тоже сирота. Сочувствую.

Он пожал плечами, испытывая неловкость.

– И все-таки родители у меня были. Сестра моей матери заменила мне мать. Она тоже уже умерла. А ее мужа я всегда считал своим отцом, хотя он не родной мне по крови. – Уильяму пришлось на ум, что опасно так много рассказывать о себе. Он откашлялся и перевел разговор на менее личную тему: – А как твой брат собирался... э-э... претворить в жизнь свои намерения?

Рэйчел вздохнула.

– Этот дом принадлежал кузену нашей матери, бездетному вдовцу. Он завещал дом Дензилу. Когда нас выгнали с собрания, он заявил, что изменит завещание, однако заболел болотной лихорадкой и умер прежде, чем исполнил свое намерение. Тем не менее все его соседи, разумеется, знали о Денни, поэтому...

– Понимаю.

Быть может, Бог и нелогичен, но, похоже, Он имеет на Дензила Хантера особые планы.

– Ты сказала, что дом продан. Значит, твой брат...

– Он уехал в город, в суд, чтобы подписать документы о продаже дома и договориться насчет коз, свиней и цыплят. Потом мы сразу уедем. – Девушка сглотнула. – Денни намерен присоединиться к Континентальной армии в качестве хирурга.

– И ты поедешь с ним? Будешь сопровождать его?

Многие солдатские жены – или любовницы – фактически вступали в армию вместе с мужьями. Уильям не видел подобных женщин, потому что во время лонг-айлендской кампании их не было, зато слышал, как о них отзывался отец – чаще всего с жалостью.

Рэйчел вздернула подбородок.

– Итак, ты поедешь с нами? – спросила она, свернув влажные волосы в узел и решительно заколов их деревянной шпилькой. И быстро добавила: – Ну, хотя бы до тех пор, пока тебе по пути.

Мысли об этом не оставляли его на протяжении всего разговора. Конечно, чем больше людей в отряде, тем безопасней. Невзирая на снисходящие на него откровения, доктор вряд ли умеет сражаться. Впрочем, Уильяму это тоже выгодно: Хантерам знакома местность, а ему нет. К тому же мужчина, путешествующий не в одиночку – а уж тем более с женщиной, – привлекает гораздо меньше внимания и вызывает гораздо меньше подозрений.

Внезапно Уильям осознал: если Хантеры намерены присоединиться к Континентальной армии, то ему представляется отличная возможность подобраться вплотную к войскам Вашингтона и узнать полезную информацию, что-нибудь равноценно важное потерянной книге.

– Да, конечно. Отличная мысль! – сказал он и улыбнулся мисс Хантер.

Снаружи сверкнула молния – из щели ставен полыхнуло белым, и почти одновременно ударил гром. Уильям и Рэйчел вздрогнули.

Уильям сглотнул. В ушах до сих пор звенело, а после разряда молнии в воздухе повис острый запах.

– Искренне надеюсь, что это знак одобрения, – сказал он.

Рэйчел даже не улыбнулась.

Глава 40. Благословление Брайд и святого Михаила

Могавки звали его Тайенданега – Дважды Метнувший Жребий, англичане – Джозеф Брант. Йен много слышал о нем, когда жил с могавками, и не уставал удивляться той ловкости, с которой Тайенданега ладил с обеими сторонами. Сейчас он ехал в дом Бранта. По словам Росомахи, Солнечный Лось уехал из Снейктауна, желая присоединиться к Бранту, и его жена последовала за ним.

– Они в Унадилле, – сказал Росомаха. – Ты ведь знаешь, что Тайенданега сражается вместе с англичанами. Он разговаривает с лоялистами, убеждает их присоединиться к нему и его людям – зовет их «волонтерами Бранта». – Росомаха говорил равнодушно – политика его не интересовала, хотя время от времени он сражался, когда требовала душа.

– Правда? Хорошо, – так же равнодушно произнес Йен.

На следующее утро он вышел в путь, придерживаясь северного направления. Сопровождали его лишь пес да мысли. На летней стоянке могавков, куда он зашел по пути, его встретили радушно. Он сел среди мужчин, завязалась беседа. Вскоре девушка принесла ему миску с тушеным мясом и овощами. Он ел, почти не замечая вкуса; главное, желудок обрадовался теплой еде и перестал сжиматься от голода.

Трудно сказать, что его отвлекло; он вдруг поднял взгляд и увидел ту девушку, которая принесла ему еду. Она сидела за костром и смотрела на него, едва заметно улыбаясь.

Он начал жевать медленней, и внезапно ощутил вкус еды: медвежье мясо, щедро политое жиром, кукуруза и бобы, сдобренные луком и чесноком. Объеденье. Девушка склонила голову набок, подняла тонкую бровь и внезапно удалилась.

Йен поставил наземь миску и рыгнул, проявляя вежливость. Затем встал и пошел следом, не обращая внимания на понимающие переглядывания мужчин, с которыми делил еду.

Бледное пятно в тени березы – она ждала. Они разговорились. Его губы произносили слова, ее речь щекотала его уши, но Йен почти не осознавал, о чем они говорили. Его гнев мерцал, словно уголь на ладони, сердце еще курилось дымом. Вряд ли она станет той водой, что погасит это пламя. И ее он не собирался воспламенить. Йен ощущал себя таким же бездумным, как пламя, – разгорался, если было топливо, и угасал, когда топлива не хватало.

Она пахла едой, выделанной кожей и землей, нагретой солнцем; ни грана дерева или крови. Высокая, она ткнулась в него мягкой грудью, и он положил руки на ее бедра. Она отстранилась – и прохладный воздух коснулся его кожи там, где только что было тепло, – взяла его за руку и повела в свой дом. Никто на них не смотрел. Она подвела его к постели и в темноте прильнула к нему, уже нагая.

Темнота... Пусть для нее это станет быстрым случайным удовольствием. А для него – передышкой, хотя бы на тот миг, когда он забудется от страсти.

Но в темноте она стала для него Эмили, и Йен в стыде и гневe сбежал от недоумевающей девушки.

* * *

Следующие двенадцать дней он шел в компании пса и ни с кем не разговаривал.

* * *

Дом Тайенданеги стоял особняком. Деревня почти ничем не отличалась от других таких же, вот только у входа в каждый дом стояли два-три жернова: женщины предпочитали сами молотить муку для семьи, а не носить зерно на мельницу.

На улице, в тени повозок и стен дремали собаки. Учувяв Ролло, каждая из них удивленно поднималась. Некоторые рычали или лаяли, но ни одна не решилась на схватку.

Несколько мужчин, прислонившись к забору, наблюдали за идущим по полю человеком с лошадей. Одного из наблюдателей – Едока Черепах – Йен знал по Снейктауну; другим был Солнечный Лось.

Прищурившись, он посмотрел на Йена и удивился – точь-в-точь как один из псов, – а затем шагнул к нему.

– Что ты здесь делаешь?

На долю секунды Йен задумался – не сказать ли правду? Но правда была такова, что ее не расскажешь быстро, тем более перед чужаками.

– Не твое дело, – спокойно ответил он.

Солнечный Лось говорил с ним на языке моговков, и Йен отвечал ему на том же языке. Остальные мужчины удивленно подняли брови, а Черепаха поспешно его приветствовал. Похоже, он хотел предотвратить грядущие неприятности, дав понять всем, что Йен тоже каньенкехака. Йен поздоровался с Черепахой; остальные мужчины ничего не предпринимали, лишь смотрели на него озадаченно и заинтересованно.

Зато Солнечный Лось... Ладно, Йен не ждал, что тот радостно бросится ему на шею. Он надеялся – когда изредка вспоминал о нем, – что его здесь не будет. Однако надежды не оправдались, и Йен криво улыбнулся самому себе, вспомнив, как однажды старая бабушка Уилсон сказала о своем зяте Хираме, что он «выглядит так, словно не уступит дороги даже медведю».

Сейчас это описание было уместно, как никогда: ответ Йена и его улыбка отнюдь не улучшили настроение Солнечного Лося.

– Чего ты хочешь? – требовательно спросил он.

– Из того, что принадлежит тебе, – ничего, – ответил Йен со всей возможной кротостью.

Солнечный Лось сузил глаза, но прежде чем он успел что-нибудь сказать, вмешался Черепах и пригласил Йена отобедать у него дома.

Йен согласился. Отказывать было невежливо. К тому же он мог спросить у него позже, когда они останутся вдвоем, где Эмили. Однако нужда, погнавшая его через триста миль по диким землям, не признавала культурных условностей и не терпела отлагательств.

«Кроме того, – думал Йен, собираясь с духом, – я знал, что все так и будет. Нет смысла оттягивать неизбежное».

– Я хочу поговорить с женщиной, которая когда-то была моей женой. Где она?

Кое-кто из мужчин прищурился, заинтересованно или смущенно, но Йен заметил, что взгляд Черепахи метнулся к воротам большого дома в конце улицы.

Солнечный Лось, к его чести, лишь выпрямился и расставил шире ноги, готовясь при необходимости противостоять даже двум медведям. Для Ролло это не имело значения, он ощерился и зарычал; некоторые из мужчин отшатнулись. Солнечный Лось, которому лучше всех было известно, на что способен Ролло, не сдвинулся ни на дюйм.

– Ты хочешь награвить на меня своего демона? – спросил он.

– Конечно, нет. *Sheas, a cù*¹², – тихо приказал Йен Ролло.

¹² Стоять, пес (гэльск.).

Ролло послушался не сразу: показывая, что это он так решил, еще немного порычал – и лишь потом отвернулся и лег.

– Я пришел не для того, чтобы забрать ее у тебя, – сказал Йен.

Он не верил, что его попытка примирения окажется удачной. Так и вышло.

– Думаешь, у тебя бы это получилось?

– Какая разница, раз мне это не нужно? – запальчиво воскликнул Йен, переходя на английский.

– Она не пойдет с тобой, даже если ты убьешь меня!

– Сколько раз повторить, что я не собираюсь ее уводить?

Солнечный Лось какое-то время хмуро смотрел на него в упор.

– Столько раз, чтобы на твоем лице отразилось то же самое, – сжимая кулаки, прошептал он.

Остальные мужчины принялись заинтересованно перешептываться и неосознанно подались назад. Они не вмешаются в схватку за женщину. Йен счел, что это хорошо, и посмотрел на руки Солнечного Лося. Он помнил, что тот был правой. На поясе Солнечного Лося висел нож.

Йен примирительно выставил руки ладонями вперед.

– Я хочу всего лишь поговорить с ней.

– Зачем? – гаркнул Солнечный Лось.

Йен стоял близко, и на его лицо попали брызги слюны, но он не стер их. Отступить и опускать руки он тоже не стал.

– Дело касается только ее и меня. Скорее всего, она потом тебе расскажет.

При мысли об этом ему стало больно.

Он не переубедил Солнечного Лося, и тот без предупреждения ударил Йена в нос.

Хрустнуло, боль пронзила верхние зубы Йена, а Солнечный Лось ударил его в скулу. Йен тряхнул головой, сквозь слезы увидел смазанное движение и пнул Солнечного Лося в пах. Попал, но скорее по счастливой случайности, а не благодаря ловкости.

Он тяжело дышал, роняя кровь на дорогу. Шесть пар глаз перевели взгляды с него на Солнечного Лося, скорчившегося в пыли и тихо стонавшего. Ролло поднялся, подошел к лежащему мужчине и заинтересованно его обнюхал. Все снова посмотрели на Йена.

Кратким движением руки Йен приказал Ролло идти с ним к дому Бранта. Шесть пар глаз смотрели ему в спину.

* * *

Дверь открыла молоденькая белая девушка. Круглыми, словно пенни, глазами она смотрела, как Йен подолом рубахи вытирает бегущую из носа кровь. Покончив с этим, он вежливо произнес:

– Будь любезна, спроси у Вакьотейхсонса, согласится ли она поговорить с Йеном Мюрреем?

Девушка пару раз моргнула, затем кивнула и закрыла дверь, успев еще раз глянуть в щель на Йена, чтобы удостовериться – он ей не привиделся.

Испытывая странное ощущение, Йен вошел в сад – типичный английский сад с кустами роз, лавандой и вымощенными камнем дорожками. Царивший здесь запах напомнил ему о тете Клэр, и Йен мимолетно удивился – неужели Тайенданега привез из Лондона английского садовника?

В саду на некотором расстоянии друг от друга работали две женщины. Одна из них была белой – судя по цвету выбившихся из-под косынки волос – и уже немолодой, о чем свидетельствовала сутулая спина. Жена Бранта? Быть может, та девушка, что открыла ему дверь, – их

дочь? Другая женщина была индеанкой, в ее косе, спускавшейся на спину, уже белела седина. Ни одна из работниц не обернулась.

Услышав щелчок дверной задвижки, он повернулся не сразу, подготавливая себя к разочарованию, – ее могло не быть здесь или, что хуже, она могла отказаться встречаться с ним. Но это оказалась она, Эмили, маленькая и стройная. Ее груди округлились в вырезе голубого ситцевого платья, длинные волосы были забраны в пучок на затылке и ничем не прикрыты. На лице застыл страх – и надежда. Ее глаза радостно заблестели, и Эмили шагнула к нему.

Он бы сжал ее в объятьях, подойди она и потянись к нему. «И что тогда?» – мелькнула мысль. Не важно, ведь после первого порывистого движения она остановилась. Стиснула ладони перед собой и спрятала их в складках юбки.

– Брат Волка, – сказала она на языке моговков. – При виде тебя у меня на сердце становится тепло.

– У меня тоже, – ответил он ей на том же языке.

– Ты пришел поговорить с Тайенданегой? – кивнув в сторону дома, спросила она.

– Позже, быть может.

Никто из них не упомянул о его носе, хотя он уже, похоже, распух вдвое, а кровь запачкала весь перед рубахи. Йен огляделся. От дома вглубь сада вела тропинка, он кивнул на нее и спросил:

– Пройдешься со мной?

Она колебалась. Радость в ее глазах не потухла, но приугасла; ее заслонили другие чувства – настороженность, легкая тревога и то, что он назвал бы гордостью.

– Я... дети... – полуобернувшись к двери, промолвила она.

– Не важно. Я всего лишь... – Из носа опять хлынула кровь, Йен умолк и провел тыльной стороной ладони по верхней губе. Он сделал два шага вперед и оказался так близко к Эмили, что мог бы коснуться ее, однако постарался, чтобы этого не случилось. – Я хотел сказать тебе, что сожалею. О том, что не дал тебе детей. И я рад, что теперь они у тебя есть.

Ее щеки мило зарумянились, гордость одолела тревогу.

– Можно мне посмотреть на них? – спросил Йен, удивив этим вопросом не только ее, но и себя.

Мгновение поколебавшись, она повернулась и вошла в дом. Он сел на каменную стену и принялся ждать. Вскоре она вернулась с маленьким мальчиком лет пяти и девочкой лет трех или около того с коротенькими косичками. Девочка мрачно посмотрела на него и принялась сосать кулак.

Йен сглатывал кровь, она была терпкой и на вкус как железо.

Когда он шел сюда, то время от времени вспоминал объяснения тети Клэр. Не для того, чтобы пересказать их Эмили, – для нее они ничего не значили, да он и сам их едва понимал. А скорее, чтобы обрести в них поддержку в тот миг, когда он увидит ее с детьми, которых не смог ей дать.

«Назови это судьбой – или неудачей. Но ты не виноват. И она не виновата», – сказала тогда тетя Клэр, глядя на него, словно ястреб, что смотрит свысока, – с такой высоты, с которой, быть может, то, что видится безжалостностью, на самом деле оказывается искренним состраданием.

– Подойди ко мне, – попросил Йен на языке моговков и протянул мальчику руку.

Тот глянул на мать, но все-таки подошел к Йену и с любопытством уставился на него.

– Он похож на тебя лицом, – сказал Йен по-английски. – И руками, – добавил он, беря удивительно маленькие ручки ребенка в свои ладони.

Это было правдой: ручки мальчика походили на руки Эмили – изящные и тонкие, они лежали в его ладонях, словно спящие мышки, затем пальцы вдруг распрямились, словно пау-

чьи ноги, и мальчик захихикал. Йен тоже засмеялся и быстро накрыл руки мальчика своей ладонью – словно медведь, схвативший пару форелей. Мальчик вскрикнул, и Йен отпустил его.

– Ты счастлива? – спросил он Эмили.

– Да, – ответила она. И пусть она не смотрела на него, опустила взгляд, отвечая, он знал: она ответила честно, просто не хотела видеть, ранил его ее ответ или нет. Он коснулся подбородка Эмили – какая мягкая у нее кожа! – и приподнял ее голову.

– Ты счастлива? – снова спросил он и слабо улыбнулся.

– Да, – снова ответила она, однако после тихо вздохнула и наконец коснулась его лица нежными, словно крылья мотылька, пальцами. – Иногда я скучаю по тебе, Йен.

Горло перехватило, но Йен продолжал улыбаться.

– Ты даже не спросишь, счастлив ли я?

Она быстро глянула на него – словно ножом кольнула.

– У меня есть глаза, – сказала она просто.

Они молчали. Глядя в сторону, он ощущал ее присутствие, слышал ее дыхание. Она проявила мудрость, не пойдя с ним в сад, – здесь, когда у ее ног играл сын, было безопасней. Для нее, по крайней мере.

– Ты останешься? – спросила она наконец.

Он покачал головой.

– Я возвращаюсь в Шотландию.

– Ты возьмешь жену из своего рода. – В ее голосе звучало облегчение и в то же время – сожаление.

– Разве люди твоего племени больше мне не родня? – вспыхнул Йен. – Они вымыли белую кровь из моего тела в реке – ты тоже была там.

– Да, я была там.

Эмили смотрела на него ищущим взглядом. Хорошо, что они больше не увидятся. Интересно, она хочет запомнить его – или высматривает что-то в его лице?

Похоже, последнее. Она отвернулась, подняла руку, жестом прося его подождать, и ушла в дом.

Маленькая девочка убежала за ней, не желая оставаться с незнакомцем, но мальчик остался.

– Ты Брат Волка? – поинтересовался он.

– Да. А ты?

– Меня зовут Диггер.

Детским именем пользовались для удобства, до тех пор, пока истинное имя как-нибудь не проявит себя. Йен кивнул. Они молча, с интересом разглядывали друг друга, не испытывая неловкости.

– Мать матери моей матери говорила о тебе, – внезапно сказал Диггер.

– Правда? – удивился Йен.

Похоже, мальчик говорит о Тевактеньон. Великая женщина, глава Совета женщин Снейктауна. Именно она изгнала его.

– Неужели Тевактеньон до сих пор жива?

– Да. Она старше, чем горы, – серьезно ответил мальчик. – У нее осталось только два зуба, но она до сих пор ест сама.

Йен улыбнулся.

– Хорошо. И что же она рассказала обо мне?

Мальчик нахмурился, вспоминая слова.

– Она сказала, что я ребенок твоего духа, но не должен рассказывать об этом своему отцу.

Это известие ударило Йена сильнее, чем отец мальчика; какое-то время он просто не мог говорить.

– Знаешь, я тоже считаю, что ты не должен об этом рассказывать, – сказал Йен, когда к нему вернулся дар речи, и повторил еще раз на языке могавков, на случай, если мальчик не поймет по-английски.

Мальчик спокойно кивнул.

– Я буду жить с тобой, ну, иногда? – спросил он, мало интересуясь ответом. Его глаза были прикованы к ящерице, что взобралась на камень и грелась на солнце.

– Если я буду жив, – как можно спокойнее заверил Йен.

Мальчик прищурился, наблюдая за ящерицей, его правая рука слегка шевельнулась. Понимая, что расстояние слишком велико, он посмотрел на Йена, который был к ней ближе. Йен, не шевелясь, искоса глянул на ящерицу и посмотрел на мальчика. «Не двигайся», – говорил его взгляд, и мальчик понимающе затаил дыхание.

В подобных случаях не раздумывают. Йен рванулся вперед – и в его руке оказалась извивающаяся удивленная ящерица.

Мальчик ликующе засмеялся, запрыгал на одном месте, хлопая в ладоши. Затем протянул руки за ящеркой и взял так, чтобы она не убежала.

– Что ты будешь с ней делать? – улыбаясь, спросил Йен.

Мальчик поднес ящерицу к своему лицу, задумчиво посмотрел на нее и слегка нахмурился.

– Я дам ей имя. Тогда она станет моей и поздоровается при встрече. – Он поднял ящерицу чуть выше, и они, не мигая, уставились друг на друга. – Тебя зовут Боб, – по-английски сказал мальчик и торжественно опустил руки к земле. Боб соскочил с его ладони и исчез под бревном.

– Очень хорошее имя, – серьезно произнес Йен. Его ушибленные ребра болели от усилий сдержать смех, но он тут же забыл об этом, когда услышал звук открывшейся двери. Из дома вышла Эмили с каким-то свертком в руках.

Она подошла к нему и показала ребенка. Он был спеленут и привязан к заспинной доске¹³, неподвижностью напомнив Йену ящерку, которую он вручил Диггеру.

– Это моя вторая дочь. Ты выберешь для нее имя? – спросила Эмили с застенчивой гордостью.

Он был тронут просьбой и слабо коснулся руки Эмили, прежде чем взять девочку и всмотреться в ее лицо. Эмили не могла оказать ему большей чести; возможно, она до сих пор испытывала к нему какие-то чувства.

Но когда он посмотрел на девочку, на него снизошло понимание.

Йен положил руку – огромную, мозолистую, испещренную порезами, – на крошечную, покрытую мягкими волосками головку девочки.

– Я призываю благословение Брайда и святого Михаила на всех твоих детей. – Он притянул к себе Диггера. – Однако дать имя я должен ему.

Эмили изумленно перевела взгляд с него на сына и обратно и нервно сглотнула. Она колебалась, зато Йен был уверен.

– Твое имя – Быстрейший Из Ящериц, – сказал он на языке могавков.

Быстрейший Из Ящериц задумался на миг, затем довольно кивнул и убежал, восторженно смеясь.

¹³ Индеанки привязывали младенцев к доске, надевали ее на спину и так носили.

Глава 41. Укрытие от бури

Уже не в первый раз Уильям поразился, сколько у его отца знакомых. В разговоре с Дензилом Хантером он как-то упомянул, что отец знал доктора Джона Хантера. История их знакомства включала в себя электрического угря, спонтанную дуэль и похищение трупа и стала одной из причин, приведших лорда Джона в Канаду и втянувших в битву на Равнине Авраама. Уильям поинтересовался, не мог ли этот Джон Хантер быть тем самым родственником-благотелем, о котором говорила мисс Рэйчел?

Денни Хантер просветлел.

– Наверняка! Тем более ты упомянул о похищении тела. – От волнения он даже раскашлялся. – Это знакомство вышло крайне... познавательным. Хотя и обескураживающим. – Денни оглянулся на сестру, но Рэйчел ехала довольно далеко от них, ее мул семенил неторопливо, и она дремала в седле, покачивая головой, словно подсолнух. – Понимаешь, друг Уильям, – понизив голос, продолжил Хантер, – для того, чтобы хорошо изучить хирургию, нужно понять, как устроено человеческое тело, как оно действует. Не все можно узнать из книг – а книги, которыми руководствуются большинство докторов... откровенно говоря, они неверны.

– Правда?

Уильям практически не слушал, поглощенный надеждой достичь обитаемого места и поужинать, а также разглядыванием стройной шейки Рэйчел Хантер – в тех редких случаях, когда она ехала впереди. Он хотел обернуться и снова посмотреть на нее, но не мог – слишком мало времени прошло с прошлого раза, а это неприлично. Вот через несколько минут...

– ...Гален и Эскулап. Считается – и уже давно, – что древние греки записали все известное о человеческом теле, и потому нет нужды сомневаться в их книгах и искать тайну там, где ее нет.

– Слышал бы ты мнение моего дяди о древних книгах по войне! – проворчал Уильям. – Он целиком и полностью поддерживает Цезаря, который, как он говорит, был довольно хорошим генералом, а вот Геродот, по его мнению, никогда не видел сражения.

Хантер заинтересованно посмотрел на него.

– То же самое – разумеется, в иных терминах – Джон Хантер говорил об Авиценне! «Он никогда не видел *uterus*¹⁴ беременной женщины». – От избытка чувств Денни ударил кулаком по луке седла, и его лошадь, испугавшись, дернула головой.

Уильям потянулся и аккуратно взял поводья из рук Дензила, ослабив их натяжение.

Он обрадовался помехе, которая не дала Хантеру и дальше распространяться на тему *uterus*. Уильям не знал, что это такое, но раз оно имело отношение к беременной женщине, то, возможно, являлось частью женских половых органов, и мисс Хантер лучше не слышать разговоров на подобную тему.

– Ты сказал, что твое знакомство с доктором Джоном Хантером было обескураживающим. Почему? – сменил он тему и вернул поводья доктору.

– Видишь ли... мы, его студенты, познавали тайны человеческого тела... на человеческом теле.

Желудок Уильяма слабо дернулся.

– Ты имеешь в виду вскрытие?

– Да. – Хантер посмотрел на него с интересом. – Знаю, тема для обсуждения неприятная, но все же стоило увидеть, до чего замечательно Господь нас сотворил! Сложное устройство

¹⁴ Матка (лат.).

почек, удивительное внутреннее строение легких... Уильям, я просто не могу передать, каким откровением это стало!

– Кхм... понимаю, – сдержанно согласился Уильям. Теперь он мог вполне оправданно глянуть назад, что и сделал. Рэйчел сидела в седле прямо, расправив плечи. Она подставила лицо солнцу, ее соломенная шляпка сползла на спину, и Уильям улыбнулся. – Вы... э-э... где вы брали тела для вскрытия?

Доктор Хантер вздохнул.

– Приходилось нелегко. Брали тела бедняков, умерших по весьма прискорбным причинам. Частенько нам доставались тела казненных преступников. И, хотя мне нравилось, что после смерти они послужили добром делу, их смерть меня расстраивала.

– Почему?

– Почему? – Хантер удивленно моргнул, но потом качнул головой, словно отгоняя мух. – Прости, я забыл, что ты не один из нас. Мы не одобряем насилие, друг Уильям, и уж тем более не убиваем.

– Даже преступников? Убийц?

Дензил поджал губы.

– Нет. Пусть они сидят в тюрьме или трудятся на благо общества. Ведь если государство, в свою очередь, совершает убийство, то это чудовищное нарушение Божьих заветов, и грех ляжет на всех нас, понимаешь?

– Я понимаю, что государство несет ответственность за своих граждан, – раздраженно ответил Уильям. – Ты ждешь, что констебли и судьи будут следить за безопасностью твоего имущества, ведь так? И если государство несет ответственность, то оно обязано иметь возможность поддерживать порядок.

– Не спорю: посадите преступников в тюрьму, если нужно. Но государство не имеет права убивать людей в моих интересах!

– Разве? – сухо спросил Уильям. – Ты хоть что-нибудь знаешь о том, какими были некоторые из казненных преступников? Знаешь об их преступлениях?

– А ты? – выгнул бровь Хантер.

– Я – да. Начальник Ньюгейтской тюрьмы – еще один знакомый моего отца. Я не раз обедал с ним и слышал такие истории, от которых распрямились бы завитки твоего парика – если бы ты его носил.

Хантер мимолетно улыбнулся.

– Зови меня по имени, – сказал он. – Ты ведь знаешь, что мы не используем звания и титулы. Признаюсь, ты прав. Я слышал – и видел – и более чудовищные преступления, чем те, о которых ты мог слышать у своего отца за обедом. Однако справедливость в руках Бога. Учинить насилие – отнять чью-то жизнь – значит нарушить Божью волю и совершить тяжкий грех.

– А если на вас напали, вы не станете отбиваться? – требовательно спросил Уильям. – Не станете защищать себя? Свои семьи?

– Мы полагаемся на доброту и милосердие Господа. И если нас убьют, то мы умрем с твердой верой в обещанную Богом жизнь и воскрешение.

Помолчав, Уильям произнес:

– Или же вы полагаетесь на желание кого-то другого совершать насилие за вас.

Дензил глубоко вздохнул. Какое-то время они ехали в молчании, а последовавший затем разговор был о птицах.

* * *

Наутро пошел дождь. Не ливень с грозой, который проходит быстро, а нудный затяжной дождь, который, похоже, зарядил на весь день. Переждать его под скалистым навесом, где они ночевали, было бессмысленно: ветер сдувал воду прямо в костер, и тот больше чадил, чем грел.

Кашляя, Уильям и Дензил нагрузили пожитками вьючного мула, а Рэйчел завернула в парусину охапку более-менее сухого хвороста. Если удастся найти укрытие на ночь, они хотя бы смогут развести огонь и приготовить ужин, даже если дождь к тому времени не прекратится.

Промокшие, путники медленно ехали на северо-восток. На перекрестке Дензил тревожно сверился с компасом.

– Что скажешь, друг Уильям? – Он снял очки и протер их полрой пальто. – Ни одна из дорог не ведет именно туда, куда нам нужно, а друг Локет не упоминает об этом перекрестке в своих записях. Та дорога ведет на север, а та – на восток. По крайней мере, в данный момент.

Три дня назад они общались с фермером по фамилии Локет и его женой. Фермерша угостила их ужином, продала хлеб, яйца и сыр, а ее муж рассказал о дороге, которая вела в Олбани, – где-то на ней они должны были столкнуться с Континентальной армией. Но перекресток он не упоминал!

Перекресток лежал в низине и теперь представлял собой маленькое озеро. Тем не менее дорога, по которой они ехали, вроде бы была шире той, что пересекала ее.

– Эта, – решительно сказал Уильям и ударил пятками по бокам лошади, заставляя ее перейти озеро.

Позже, к вечеру, он начал подозревать, что ошибся. Будь они на правильной дороге, то к концу дня должны были, со слов Локета, доехать до маленького поселения под названием Джонсонс-Форд. Конечно, из-за дождя они ехали медленней, убеждал себя Уильям. И, хотя местность вокруг выглядела как всегда нежилой и раздражающе зеленой, деревеньки и фермы обычно предстают перед глазами внезапно, словно грибы после проливного дождя. И потому они могут увидеть Джонсонс-Форд в любой момент.

– Может, селение затопило! – наклонившись вперед, крикнула Рэйчел. Она и сама вымокла так, словно побывала под водой, и Уильям, невзирая на тревогу, усмехнулся. Края соломенной шляпки намокли и обвисли; Рэйчел, которой приходилось их приподнимать, чтобы хоть что-то увидеть, напоминала ему подозрительно выглядывающую из-под листа лягушку. Ее одежда тоже промокла насквозь, а поскольку она была одета в три слоя ткани, то походила сейчас на бесформенный ком постиранного белья, вынутого из исходящего паром котелка.

Прежде чем он успел ответить, ее брат выпрямился в седле, осыпав все вокруг брызгами воды, и театральным жестом вытянул руку.

– Смотрите!

Уильям начал оглядываться, решив, что они недалеко от селения. Ничего подобного. Зато дорога уже не была пустой. К ним торопливо брел по грязи какой-то мужчина, укрывший голову и плечи от дождя разрезанным мешком. Встретить в этой пустынной местности человека – уже повод для радости, и Уильям слегка прищипорил лошадь, чтобы побыстрее поздороваться с незнакомцем.

– Рад встрече, юноша, – сказал мужчина, глядя на Уильяма из-под мешка. – Куда вы направляетесь в этот непогожий день? – Он заискивающе улыбнулся, показав сломанный клык, пожелтевший от табака.

– В Джонсонс-Форд. Мы правильно едем?

Мужчина подался назад, словно в удивлении.

– Джонсонс-Форд?

– Да. Далеко еще? – раздраженно спросил Уильям. Он понимал, что в сельской местности людей мало и ее жители имеют склонность задерживать путешественников, но сегодня ему было не до общения.

Мужчина удивленно покачал головой.

– Боюсь, вы пропустили поворот. На перекрестке нужно было сворачивать налево.

Рэйчел жалобно вздохнула. Темнело, тени у лошадиных ног сгущались, а до перекрестка было несколько часов езды. Они не успеют вернуться туда до наступления темноты и уж тем более не доедут до Джонсонс-Форда.

Мужчина тоже это понял и радостно улыбнулся Уильяму, обнажив коричневые десны.

– Если джентльмены помогут поймать мою корову и отвести домой, то жена с радостью предложит вам ужин и ночлег.

Выбирать не приходилось, и Уильям принял предложение со всей любезностью, на какую был сейчас способен. Оставив Рэйчел и животных под деревом, Уильям и Денни Хантер пошли помогать новому знакомому.

Корова – костлявая, всклокоченная тварь с безумным взглядом – оказалась изворотливой и упрямой, и троем мужчинам пришлось изрядно постараться, чтобы поймать ее и отвести к дороге. Промокшие до нитки и выпачканные грязью путешественники сквозь сгущающиеся сумерки последовали за Антиохом Джонсоном – так звали хозяина – к маленькой, обветшалой ферме.

Дождь и не думал заканчиваться, так что сейчас сгодилась бы любая крыша, даже прохудившаяся.

Жена Джонсона, неряшливо одетая женщина неопределенного возраста, мрачно посмотрела на вымокших гостей и невежливо повернулась к ним спиной. Впрочем, деревянные миски с холодным, жутко пахнущим тушеным мясом с овощами и свежее молоко она им все же подала. Уильям заметил, как Рэйчел, положив в рот первую порцию еды, побледнела, выплюнула что-то, отложила ложку в сторону и взяла молоко. Сам он был слишком голоден и потому не обращал внимания на вкус еды и не интересовался, из чего она сварена. По счастью, в темноте он не мог рассмотреть содержимое своей миски.

Доктор Хантер старался проявить дружелюбие, хотя изнемогал от нескончаемых расспросов Джонсона о том, откуда они, куда едут и с какой целью, кто их друзья, что нового в мире и что они думают о войне. Рэйчел время от времени пыталась улыбаться, окидывая их пристанище беспокойным взглядом. Фермерша сидела в углу, пряча лицо в тени, и попыхивала глиняной трубкой, свисавшей с вялой нижней губы.

На сытого и переодевшегося в сухое Уильяма навалилась усталость. В камине горел огонь, и танцующие языки пламени погрузили его в своеобразный транс, голоса Денни и Джонсона слились в убаюкивающее бормотание. Заснуть ему не дала внезапно поднявшаяся Рэйчел – она собралась в отхожее место. Уильям вспомнил, что нужно посмотреть, как там лошади и мулы. Он накормил их купленным у Джонсона сеном, но здесь не было сарая, животных устроили под навесом из веток, опиравшимся на хлипкие шесты. Не хотелось, чтобы они всю ночь простояли в грязи, если их укрытие подтопит.

Воздух был свеж и чист, напоен ночными запахами деревьев, трав и падающей с неба воды. Наслаждаясь каждым вдохом и стараясь, чтобы не погас маленький факел, Уильям под дождем пошел к стойлу.

Факел шипел, но продолжал гореть; стойло не затопило, лошади, мулы и корова с безумным взглядом стояли не по бабки в грязи, а на сырой соломе.

Скрипнула дверь отхожего места, и Уильям увидел тонкий темный силуэт Рэйчел. Она заметила факел и подошла к нему, кутаясь от дождя в шаль.

– С животными все в порядке?

В ее влажных волосах сверкали капли воды, и Уильям улыбнулся.

– Уверен, что их ужин был лучше нашего.

Рэйчел поежилась, вспомнив содержимое миски.

– Я бы предпочла съесть сено. Видел, что было в...

– Нет, – прервал он ее, – и буду просто счастлив, если ты не станешь мне об этом рассказывать.

Она фыркнула, но умолкла. Уильяму не хотелось возвращаться в вонючий дом, Рэйчел, видимо, тоже – она подошла к своему мулу и принялась почесывать его обвислые уши.

– Не нравится мне что-то та женщина, – промолвила Рэйчел. – Она глазеет на мои ботинки так, словно раздумывает, подойдут ли они ей.

Уильям тоже посмотрел на ботинки Рэйчел – немодные, поношенные, в пятнах засохшей грязи, однако крепкие и прочные.

– Если хотите, мы уедем, не дожидаясь завтрака, – заверил ее Уильям.

Он прислонился спиной к одному из столбов, поддерживающих крышу навеса. Капли дождя холодили шею. Дремота прошла, усталость – нет, но теперь ему передалось еще и беспокойство Рэйчел.

Дружелюбный Джонсон вел себя слишком уж беспокойно. Во время разговора он жадно наклонялся вперед, его глаза горели, а грязные руки нетерпеливо елозили на коленях. Возможно, просто истосковался по общению – мрачная миссис Джонсон вряд ли была хорошей собеседницей. Но отец учил Уильяма обращать внимание на предчувствия, и до сих пор они его не подводили. Он молча достал из седельной сумки маленький кинжал, который во время езды держал в сапоге.

Рэйчел смотрела, как Уильям засовывает кинжал за пояс штанов и прикрывает его рубашкой. Факел уже почти прогорел и мог вот-вот погаснуть. Уильям протянул руку, и Рэйчел без слов взяла ее и подошла ближе. Хотя ему хотелось обнять девушку, он удовольствовался тем, что прижал к себе плотнее локоть, чтобы ощущать тепло ее тела.

Волосы мокли под дождем, ноги вязли в раскисшей земле, и лишь тонкая полоска света из щели в ставнях указывала на то, что рядом есть жилье и люди. Рэйчел тяжело сглотнула, и Уильям коснулся ее руки, отворяя перед ней дверь.

– Спи спокойно, – шепнул он Рэйчел, – рассвет не заставит себя ждать.

* * *

Тушеные овощи спасли ему жизнь. От усталости Уильям заснул почти сразу, но ему приснился дурной сон: он шел по покрытому турецким ковром коридору и вдруг осознал, что восточные орнаменты у него под ногами – это на самом деле змеи. Они подняли головы и начали покачиваться. Змеи двигались медленно, он мог перепрыгнуть через них, но почему-то стал метаться из стороны в сторону, ударяясь о стены, которые принялись сдвигаться и сужать ему путь. Стена позади царапала его спину, а другая стена оказалась так близко, что он не мог даже наклонить голову и посмотреть вниз. Уильям с ужасом ощутил, как одна из змей обвилась вокруг его ноги, скользнула вверх и принялась больно тыкаться мордой в его живот, выбирая, куда укусить.

Он сразу же проснулся, мокрый от пота, тяжело дыша. Боль в животе была настоящей. Кишки свело судорогой, и он вытянул ноги и повернулся на бок. Мгновением позже в то место, где только что лежала его голова, вонзился топор, проломив доски.

Громко пустив ветры, Уильям откатился в сторону темной фигуры, пытавшейся вытащить топор из пола. Ударившись о ноги Джонсона, Уильям схватил их и дернул. Мужчина с руганью упал и вцепился ему в горло. Уильям толкал его и бил кулаками, однако хватка на горле была крепкой. Перед глазами потемнело, поплыли разноцветные круги...

Где-то рядом закричали. Уильям инстинктивно подался вперед и случайно ударил Джонсона лбом в лицо. Было больно, но хватка на горле ослабла. Вывернувшись, Уильям откатился в сторону и вскочил.

Огонь в очаге погас, и комнату озарял лишь слабый отсвет тлеющих углей. В углу кто-то боролся, крики доносились именно оттуда.

Джонсон выдернул топор из пола, тускло блеснуло лезвие. Уильям пригнулся и крепко схватил его за запястье. Топорище больно ударило по колену, и Уильям начал падать, увлекая за собой противника, а упав, ощутил жар и увидел мерцание искр. Очаг! Он зачерпнул горсть углей и, не обращая внимания на жгучую боль в руке, швырнул их в лицо Джонсону. Тот несколько раз коротко ахнул, словно ему не хватало сил вздохнуть и закричать; услышав, что Уильям поднялся, вслепую отмахнулся топором.

Уильям вырвал топорище и, ухватив его обеими руками, замахнулся. Лезвие вошло в голову Джонсона с глухим стуком, словно в тыкву. От удара заболели руки, и, выпустив топор, Уильям шагнул назад.

Рот был полон желчи и слюны, и Уильям утерся рукавом. Он дышал тяжело и часто, легкие работали словно кузнечные мехи, но он никак не мог вздохнуть глубоко.

Джонсон шел на него, шатаясь и вытянув руки вперед; топор так и торчал у него в голове, и топорище ходило туда-сюда, словно усик у насекомого. Уильям, не в силах закричать, в ужасе попятился и почувствовал пальцами влажное пятно на штанах. Он посмотрел вниз, ожидая худшего, однако это оказалась кровь. Бедро ожгло болью. Выругавшись, Уильям схватился за пояс. Он ухитрился ранить себя своим же кинжалом; слава богу, тот все еще был на месте. Джонсон наступал, подвывая и нащупывая рукой рукоять топора, и Уильям выхватил кинжал.

Топор вышел; кровь потекла по голове Джонсона, забрызгала лицо, руки и грудь Уильяма. Джонсон с трудом замахнулся, однако двигался он медленно и неуклюже. Уильям уклонился; к нему вернулось самообладание. Он крепче сжал рукоять кинжала и задумался, куда ударить. Джонсон свободной рукой пытался стереть с глаз кровь, но лишь размазывал ее.

– Уильям!

Удивившись, он оглянулся и чуть было не попал под удар топора.

– Заткнись, я занят!

– Да уж, вижу, как ты занят. Сейчас помогу, – ответил Денни Хантер.

Бледный и тоже дрожащий, доктор шагнул вперед и внезапно вырвал топор из руки Джонсона.

– Спасибо, – сказал Уильям.

Шагнув вперед, он всадил кинжал меж ребер Джонсона, прямо в сердце. От боли глаза Джонсона широко распахнулись – серо-голубые, с золотистыми и желтыми искорками у зрачка. Таких красивых глаз Уильям еще не видел и замороженно замер. В чувство его привела стекающая по руке кровь.

Он выдернул кинжал и отошел, дав телу упасть. Уильяма трясло, он чуть не наделал в штаны и машинально направился к выходу. Денни что-то сказал ему вслед.

Уже в отхожем месте он понял, что доктор сказал: «Тебе не нужно было этого делать».

«А я это сделал», – подумал Уильям и уткнулся головой в колени, ожидая, пока из него все выйдет.

* * *

Из отхожего места Уильям вышел в холодном поту, ощущая слабость, зато живот перестал содрогаться в спазмах. Уборную тут же занял Денни Хантер.

До рассвета было уже недалеко, и черный абрис дома резко выделялся на фоне сереющего неба. Смертельно бледная Рэйчел стояла с метлой над женой Джонсона. Та шипела и пле-

вალასь, плотнo обмотанная грязной простыней. Джонсон лежал у камина лицом вниз в луже остывающей крови. Кто-то из Хантеров разжег очаг и подбросил дров.

– Он мертв, – бесцветным голосом сказала Рэйчел.

– Да.

Уильям не знал, какие чувства должен испытывать в подобной ситуации, и не понимал, что чувствует вообще.

– Она тоже?..

– Она хотела перерезать Денни горло, но наступила мне на руку и разбудила. Я увидела нож и закричала. Денни схватил ее и...

Рэйчел потеряла чепец, волосы рассыпались по плечам и спутались.

– Я села на нее, а Денни замотал ее в простыню. Вряд ли она умеет говорить, – добавила Рэйчел, когда Уильям подошел ближе к женщине, – у нее язык посредине разрезан.

Услышав это, женщина мстительно показала ему язык – его половинки шевелились независимо друг от друга. Вспомнив сон о змеях, Уильям с невольным отвращением попятился. Женщина злобно усмехнулась.

– Если она может вытворять подобное своим мерзким языком, значит, говорить она тоже умеет, – сказал Уильям и, нагнувшись, схватил женщину за тощую шею. – Скажи, с чего бы мне не убить и тебя?

– Я с-десь ни при чем, – тут же прошипела она скрипучим голосом, напугав Уильяма так, что он чуть не разжал руку. – Он с-составлял меня помогать ему.

– Больше не заставит. – Уильям крепче сжал ее горло, ощущая сильное биение пульса под пальцами. – Скольких путников вы убили?

Вместо ответа она сладострастно облизнула верхнюю губу сначала одной половинкой языка, а потом другой. Уильям убрал руку с горла и отвесил женщине пощечину. Рэйчел ахнула.

– Нельзя...

– Можно.

Он отер ладонь о штаны, пытаясь избавиться от ощущения потной дряблой кожи и костистого горла женщины. Руки так и чесались взять топор и обрушить на нее – отсечь голову, разрубить на куски. Он едва сдерживался; Рэйчел поняла это по его взгляду, и ее потемневшие глаза сверкнули.

– Не убивай, – прошептала она и медленно потянулась к его обожженной руке.

Уильяма мутило, в ушах стоял звон.

– Ты ранен, – тихо сказала Рэйчел. – Давай выйдем.

Она вывела его, полуослепшего и спотыкающегося, наружу, помогла сесть на колоду для рубки дров и принесла в ведре воды из корыта. Хотя дождь стих, с крыш и деревьев по-прежнему капало. Рассветный воздух был влажен, свеж и легко вливался в грудь.

Рэйчел промыла обожженную руку холодной водой, затем коснулась его бедра, где виднелась длинная полоса засохшей крови, но он покачал головой, и девушка отступилась.

– Я принесу виски, у Денни в сумке есть немного. – Она встала, но Уильям схватил ее за запястье здоровой рукой.

– Рэйчел. – Собственный голос показался ему странным, доносившимся издалека, словно говорил кто-то другой. – Я никогда не убивал. Я не знаю... не понимаю, что с этим делать. Я думал, что если когда-нибудь убью, то на поле боя. Тогда, наверное, я бы понимал. Понимал, что чувствовать, я имею в виду. Если бы в бою.

Их глаза встретились. Солнечный луч упал на Рэйчел, окрасив щеки бледно-розовым, словно перламутр. Много времени прошло, прежде чем она нежно коснулась его лица.

– Нет. Не понимал бы.

Часть пятая. На краю пропасти

Глава 42. Перекресток

Уильям расстался с Хантерами на безымянном перекрестке недалеко от Нью-Джерси. Ехать с ними дальше было недальновидно – расспросы о том, где найти Континентальную армию, порождали в местных жителях враждебность, а это значило, что они подобрались к ней слишком близко. Ни сочувствовавшие повстанцам, ни лоялисты, опасавшиеся расправы военных, не хотели разговаривать с загадочными путниками, которые могли оказаться шпионами или кем похуже.

Квакерам будет проще без него. Скрывать им ничего не приходилось, а искреннее желание Дензила записаться в армию хирургом вызывало восхищение; если Хантеры будут одни, люди им обязательно помогут. Или хотя бы воспримут их расспросы с большей доброжелательностью. Что же до него...

В начале путешествия достаточно было сказать, что он друг Хантеров. Их маленький отряд вызывал интерес, а не подозрения. Но чем дальше они ехали по земле Нью-Джерси, тем заметней становилось бедственное положение фермеров. В поисках продовольствия на фермы приезжали как отряды гессенцев¹⁵ из армии Хау, пытавшейся выманить Вашингтона из укрытия в горах Ватчунг и вовлечь в битву, так и солдаты Континентальной армии, отчаянно нуждавшиеся в припасах.

Фермеры, которые прежде привечали путников ради новостей, теперь отпугивали их или пугались сами. Добывать еду стало трудней. Только благодаря Рэйчел кое-как удавалось приблизиться к людям и предложить им деньги в обмен на пищу. Небольшой запас золота и серебра, который вез с собой Уильям, оказался как нельзя кстати, потому что большую часть денег, полученных от продажи дома, Дензил положил в Филадельфийский банк на имя Рэйчел, а бумажные деньги Конгресса не принимались почти нигде.

Уильям не смог бы выдать себя за квакера. Мало того что он не был способен говорить просто, его рост и манера держаться заставляли людей нервничать. Да и сам он, помня об участии капитана Натана Хейла, предпочитал молчать о том, что хочет вступить в Континентальную армию, и не расспрашивать о ней – все это потом могло быть расценено как шпионаж. Однако молчание тоже тревожило людей, воспринималось как угроза.

Он не говорил с Хантерами о расставании, а Дензил и Рэйчел из вежливости не спрашивали о его планах. Однако все знали, что скоро их пути разойдутся. Уильям однажды ощутил это, проснувшись. За завтраком Рэйчел передала ему кусок хлеба и задела ладонью его руку. Он едва удержался, чтобы не пожать ее пальцы. Она ощутила этот потаенный порыв и удивленно посмотрела на него. Их взгляды встретились; ее глаза сегодня казались больше зелеными, чем карими. Он послал бы сдержанность к черту и поцеловал Рэйчел – скорее всего, она была бы не против, – не выйди в этот миг из кустов, застегивая ширинку, ее брат.

Место и время для расставания Уильям выбрал наобум: просто остановил лошадь посреди дороги.

– Здесь я вас оставляю. – Прозвучало резко, чем он хотел. – Мой путь лежит на север. А вы, если продолжите ехать на восток, встретите кого-нибудь из армии Вашингтона. Если... – Он умолк, колеблясь. Однако их надо было предупредить – со слов фермеров становилось ясно,

¹⁵ Отборные немецкие солдаты-наемники, воевавшие на стороне Англии в период Войны за независимость.

что Хау послал войска в этот район. – Если вы встретите английских солдат или гессенских наемников... Кстати, ты говоришь по-немецки?

Дензил покачал головой, его глаза за стеклами очков широко распахнулись.

– Только немного по-французски.

– Хорошо. Большинство гессенских офицеров хорошо говорят по-французски. Если вы встретите гессенцев, которые не говорят по-французски, и они начнут цепляться к вам, скажи им: «*Ich verlange, Euren Vorgesetzten zu sehen; ich bin mit seinem Freund bekannt*». Это означает: «Я требую, чтобы меня проводили к вашему офицеру, я знаком с его другом». Скажи то же самое при встрече с английскими солдатами. По-английски, разумеется.

Дензил слабо улыбнулся.

– Спасибо. А если они проводят нас к офицеру и тот захочет узнать имя этого гипотетического друга?

Уильям улыбнулся.

– Не важно. Как только вы окажетесь у офицера, вы спасены. А имя друга – Гарольд Грей, герцог Пардлоу, командир сорок шестого пехотного полка.

Дядя Хэл не знал всех офицеров, подобно его отцу, но все военные знали его – или хотя бы о нем.

Дензил зашевелил губами, запоминая.

– А кем друг Гарольд приходится тебе? – Во время разговора Рэйчел коротко поглядывала на него из-под обвисших полей шляпы, а теперь откинула ее на спину и посмотрела на Уильяма прямо.

В конце концов, какое это имеет значение?.. Вряд ли ему доведется когда-нибудь вновь встретить Хантеров. И хотя он знал, что квакеров не впечатлит выставляемая напоказ пышность титула, Уильям все же расправил плечи.

– Мой родственник, – небрежно сказал он и, порывшись в кармане, вытащил маленький кошелек, который дал ему Мюррей. – Возьми, вам пригодится.

– Мы обойдемся и без него, – сказал Дензил, отводя руку Уильяма в сторону.

– Я тоже, – сказал Уильям и бросил кошелек Рэйчел. Она машинально его поймала.

– До свидания, – угрюмо попрощался Уильям и погнал лошадь быстрой рысью, не оглядываясь.

* * *

– Ты знаешь, что он английский солдат? – провожая взглядом Уильяма, тихо сказал Денни Хантер сестре. – Дезертир, скорее всего.

– Ну и что?

– Быть рядом с таким человеком опасно – не только для тела, но и для души.

Рэйчел тронула поводья своего мула и какое-то время ехала в молчании, глядя на пустую дорогу. В кронах деревьев гудели насекомые.

– Ты лицемер, Дензил. Он спас мою жизнь – и твою тоже. Или ты предпочел бы, чтобы в том ужасном месте он не поднял руку на разбойника и позволил ему убить меня? – Она поежилась, хотя день был теплый.

– Нет, и я не устаю благодарить Бога за то, что Уильям оказался рядом и спас нас. Я грешен, раз твоя жизнь мне дороже жизни другого человека, но не настолько лицемерен, чтобы отрицать это.

Она фыркнула и, сняв шляпу, принялась отгонять насекомых.

– Я польщена. А что касается людей, творящих насилие, и опасности быть с ними рядом... Разве не ты везешь меня с собой, чтобы я присоединилась к армии?

Денни печально рассмеялся.

– Я. Возможно, ты права и я лицемер. Но, Рэйчел... – Он наклонился и схватил поводья мула, не давая повернуть его. – Ты ведь знаешь, я не допущу, чтобы тебе причинили вред. Не важно, телу или душе. Лишь пожелай – и я найду тебе местечко среди собратьев, где ты будешь в безопасности. Я верю в то, что со мной говорил Господь, и я должен исполнить веление совести. Но тебе нет необходимости идти за мной.

Она пристально посмотрела на брата.

– Откуда тебе знать, может, Господь говорил и со мной?

Его глаза заблестели.

– Я рад за тебя. Что Он сказал?

– Он сказал: «Удержи своего глупого брата от самоубийства, потому что кровь его взыщу я от руки твоей»¹⁶. – Рэйчел убрала его пальцы с поводьев мула. – Если мы собираемся присоединиться к армии, Денни, то давай уже поедem поскорее и найдем ее.

Она яростно ткнула мула пятками под ребра. Поставив торчком уши, тот помчался по дороге, словно выпущенное из пушки ядро, вызвав у всадницы удивленный вскрик.

* * *

Уильям скакал с прямой спиной, выказывая отличные навыки верховой езды. После того как дорога повернула и с перекрестка его больше не могли увидеть, он придержал коня и немного расслабился. Расставаться с Хантерами было грустно, но думать приходилось уже о другом.

Бергойн. Он однажды встречался с генералом Бергойном в театре, причем пьесу, ни много ни мало, написал сам генерал. Спектакль Уильяму не запомнился – он увлеченно обменивался взглядами с девушкой из соседней ложи, однако после они с отцом подошли поздравить удачливого сценариста, раскрасневшегося и похорошевшего от триумфа и шампанского.

«Джентльмен Джонни» – так звали его в Лондоне. Звезда лондонских сливок общества – невзирая на то что он и его жена несколько лет назад были вынуждены уплыть во Францию, чтобы избежать ареста за долги. Впрочем, дело обычное, никто и не ждал возврата долга. Уильяма больше озадачивало, что дяде Хэлу, казалось, нравился Джон Бергойн. У дяди Хэла не было времени ни на театры, ни на тех, кто писал пьесы. С другой стороны, у него на полке стояло полное собрание сочинений Афры Бен¹⁷, а отец однажды по секрету шепнул Уильяму, что его брат Хэл после смерти первой своей жены и до женитьбы на тете Минни страстно увлекся миссис Бен.

– Теперь-то безопасно, она мертва, – пояснил отец.

Уильям кивнул с понимающим видом, хотя на самом деле не понял, что отец имел в виду. Что значит – безопасно?

Уильям покачал головой. Он и не надеялся однажды понять дядю Хэла; впрочем, дядю, наверное, понимала только бабушка Бенедикта... С дяди мысль перепрыгнула на кузена Генри, и Уильям поджал губы. Адам, конечно, уже все знает, но вряд ли он что-то сможет сделать для своего брата. Как и Уильям – долг ведет его на север. Хотя между его отцом и дядей Хэлом обязательно...

Лошадь вскинула голову и зафыркала – на дороге стоял мужчина, привлекая к себе внимание поднятой рукой.

¹⁶ Ветхий Завет, книга пророка Иезекииля, глава 33, строка 8.

¹⁷ Афра Бен (1640–1689) – английская романистка и драматург, считается первой профессиональной писательницей в истории Англии.

Уильям поехал медленней, зорко глядя в сторону леса – вдруг там прячутся сообщники незнакомца, устроив засаду на беспечных путников. Однако лес просматривался насквозь, молодые деревья росли редко, и никто среди них не прятался.

– Добрый день, – сказал Уильям, натягивая поводья и останавливая лошадь на значительном расстоянии от старика. А мужчина действительно был стар: он опирался на посох, его лицо избородили глубокие морщины, похожие на отвалы пустой породы на оловянном руднике, заплетенные в косу волосы были совсем седыми.

– Добрый день, – ответил пожилой джентльмен. Да, именно джентльмен – гордая осанка, одет прилично, недалеко щиплет траву стреноженный конь.

Уильям немного расслабился.

– Куда вы направляетесь? – вежливо спросил он.

Старик пожал плечами.

– А это зависит от того, что вы мне скажете, молодой человек. – Явно шотландец, хотя по-английски говорил очень хорошо. – Я ишу Йена Мюррея, которого, как полагаю, вы знаете.

Уильям пришел в замешательство: откуда старику известно?

– Я знаю его, но не знаю, где он сейчас, – осторожно ответил Уильям.

– В самом деле? – Старик посмотрел на него пронзительным взглядом.

Будто бы он солгал ему! Недоверчивый старый хрыч!

– В самом деле, – твердо повторил Уильям. – Несколько недель назад я встретил его в Великом Мрачном болоте в компании могавков. Но я не знаю, куда он поехал потом.

– Могавки, могавки, – задумчиво повторил старик, и его ввалившиеся глаза уставились на грудь Уильяма, где поверх рубахи висел медвежий коготь. – Они и дали тебе этот маленький *bawbee*?¹⁸

– Нет, – натянуто произнес Уильям – он не понял значения слова, но прозвучало оно пренебрежительно. – Мне его через Мюррея передал один... друг.

– Друг. – Старик разглядывал его лицо так неприкрыто, что Уильям сначала испытал неловкость, а потом разозлился. – Как вас зовут, молодой человек?

– Вам это ни к чему. Хорошего дня! – как можно вежливей ответил Уильям и подобрал поводья.

Лицо старика отвердело, рука на посохе напряглась, и Уильям резко повернул лошадь, опасаясь, как бы старый козел не попытался ударить его. Однако тот не двигался, и стало заметно, что на руке, держащей посох, не хватает двух пальцев.

Мелькнула мысль, что старик может догнать его верхом. Впрочем, обернувшись, Уильям увидел, что тот стоит на дороге и смотрит ему вслед.

И, хотя лично ему было все равно, движимый смутным нежеланием привлечь лишнее внимание, Уильям заправил коготь под рубашку, к четкам.

¹⁸ Безделушка (*шотл.*).

Глава 43. Обратный отсчет

18 июня 1777 года, форт Тикондерога

«Дорогие Бри и Роджер!»

Прошло уже двадцать три дня. Надеюсь, мы уедем тогда, когда намеревались. Твой кузен Йен месяц назад ушел из форта по некоему незначительному делу, которое ему нужно уладить, и обещал вернуться к тому времени, как выйдет срок службы Джейми в ополчении. Сам Йен отказался вступить в ополчение и стал добровольным сборщиком продовольствия, так что формально он не дезертир. Впрочем, командир форта ничего не предпринимает в отношении дезертиров – разве что повесит, если они сгруппят и вернуться. Но пока ни один дезертир не возвращался.

*Что до командира форта – он опять сменился. Потрясающе! Полковник Уэйн уехал несколько недель назад – несомненно, аж вспотев от облегчения. Нам это только на руку. Новый командир – генерал-майор, ни больше ни меньше: некий Артур Сент-Клер, доброжелательный и очень красивый шотландец, который становится еще привлекательней, когда надевает на официальные мероприятия розовый кушак (одно из преимуществ *ad hoc*¹⁹ армии состоит в том, что можно выбрать собственный фасон обмундирования, не обращая внимания на прежние чопорные английские уложения о форменной одежде).*

Генерал Сент-Клер приехал со свитой – целых три менее значимых генерала, один из них француз (твой отец сомневается в боевых достоинствах генерала Фермо) и около трех тысяч новобранцев. Последнее всех нас особенно порадовало (хотя нагрузка на отхожие места безбожно возросла; по утрам к каждому умывальнику выстраивается очередь из пятнадцати человек, а «громовых кружек» сильно не хватает). Сент-Клер произнес речь, заверив нас, что уж теперь-то форт, скорее всего, не возьмут. Твой отец, стоявший рядом с ним, сказал что-то на гэльском себе под нос; генерал родом из шотландского городка Терсо явно притворился, что не понял.

Мост от форта до холма Независимости строится быстро, а Непрístupный от нас по-прежнему отделяет вода. Посмотреть со стороны – безобидный маленький холм, но он гораздо выше форта. Джейми приказал Марсдену установить мишень – сколоченный из досок и выкрашенный в белый цвет четырехфутовый квадрат – недалеко от вершины холма; с места, где расположена артиллерия форта, его прекрасно видно. Джейми предложил генералу Фермо (он француз, но розовый кушак почему-то не носит) пострелять по мишени из новой винтовки (он беззастенчиво изъясил несколько штук из груза «Чирка», прежде чем патристически передать остальные на благо Америки). Они разбили мишень в щепу, что не осталось без внимания генерала Сент-Клера, который наблюдал за их упражнениями. Полагаю, генерал будет рад не меньше, чем я, когда срок службы твоего отца закончится.

Конечно, из-за пополнения у меня прибавилось дел. Как ни странно, большинство новобранцев вполне здоровы, хотя не обходится без неприятностей в виде венерических заболеваний и летней лихорадки. Этого

¹⁹ Сформированной для определенной цели (лат.).

достаточно, чтобы майор Тэчер – главный военный врач – закрыл глаза на то, что я втайне перевязываю раны. К острым инструментам он меня не подпускает. К счастью, у меня есть маленький нож, которым я вскрываю нарывы.

С уходом Йена очень быстро истощается запас трав. Он привозил мне их из поездок за продовольствием, а сейчас выходить из форта безопасно только большим отрядом. Двоих мужчин, которые несколько дней назад ушли на охоту, нашли убитыми и оскальпированными.

Моя аптечка оскудела, и в качестве компенсации я получила вампиришу. Это некая миссис Рэйвен из Нью-Гемпшира, ее муж – офицер ополчения. Она довольно молода – ей около тридцати, но бездетна, и у нее накопилось много нерастраченных эмоций. Миссис Рэйвен кормится на больных и умирающих, хотя, полагаю, считает себя исключительно сострадательной. Она упивается ужасающими подробностями. Впрочем, это даже делает из нее неплохую помощницу, поскольку из боязни что-либо пропустить она не теряет сознание, когда я совмещаю сложный перелом или ампутацию гангренозного палец (в спешке, пока не заметил майор Тэчер или его правая рука, лейтенант Стэктоу). Правда, миссис Рэйвен вскрикивает и ведет себя несдержанно, а потом, описывая эти события другим людям, то и дело кладет руку на свою плоскую грудь и округляет глаза (однажды принесли скальпированного мужчину, так она чуть не довела себя до гипервентиляции легких), но когда нет других помощников, приходится обходиться тем, что есть.

На другом конце шкалы врачебной компетенции находится молодой квакер, доктор Дензил Хантер. Он и его сестра Рэйчел прибыли вместе с новобранцами. Я с ним еще не общалась лично, но у меня уже сложилось впечатление, что Хантер – настоящий доктор. Он даже имеет смутное представление о микробах, благодаря обучению у Джона Хантера, одного из величайших врачей (если это читает Роджер, я воздержусь от описания того, как Джон Хантер обнаружил способ заражения гонореей... Хотя нет, все же упомяну: он уколол себя в пенис ланцетом, покрытым гноем зараженного больного, и был глубоко удовлетворен полученным результатом. Денни Хантер рассказал это твоему отцу, когда бинтовал его палец, попавший между двумя бревнами. Не беспокойся, он его не сломал, всего лишь сильно оцарапал). Хотела бы я увидеть, как миссис Рэйвен воспримет эту историю, хотя уверена, что юный доктор Хантер из приличия не расскажет ей об этом.

Вы, разумеется, не забываете о графике вакцинации детей?

С любовью, мама».

* * *

Брианна закрыла книгу, однако то и дело невольно притрагивалась к обложке, словно хотела снова открыть и посмотреть, не написано ли там иное.

– Какой будет день, если к восемнадцатому июня прибавить двадцать три? – Брианна могла и сама высчитать дату – она быстро считала в уме, – но нервничала так сильно, что пребывала в растерянности.

– В сентябре тридцать дней, – посмотрев вверх, пробормотал Роджер себе под нос, – в апреле и июне – тоже. Да, верно, в июне тридцать дней, от восемнадцатого до тридцатого числа пройдет двенадцать дней, и еще десять оставшихся приходится на июль... Десятое июля.

– Боже мой!

Она снова открыла книгу на странице с портретом Джона Бергойна. Красивый мужчина...

– Уж конечно он знает об этом! – сказала Брианна вслух. Роджер изумленно посмотрел на нее.

Джошуа Рейнольдс изобразил генерала в мундире, на фоне тревожных грозовых туч. Рука Бергойна покоилась на эфесе меча. А на соседней странице черным по белому было написано: «Шестого июля генерал Бергойн напал на форт Тикондерога с армией в количестве восьми тысяч солдат, несколькими немецкими полками под командованием барона Ридизеля и индейцами».

* * *

Уильяму оказалось проще найти генерала Бергойна и его армию, чем Хантерам – генерала Вашингтона. Правда, генерал Бергойн не прятался.

По военным стандартам, лагерь был великолепен. Ровные ряды белых палаток занимали три поля и доходили до леса. У палатки генерала, к которому Уильям пришел отчитаться, громоздилась куча пустых бутылок из-под вина. Поскольку генерал не слыл горьким пьяницей, Уильям счел это проявлением широты души и любовью к дружеским посиделкам. Неплохое качество для командира.

Зевающий слуга собирал в банку обломки свинцовых пломб – по-видимому, их потом переплавят в пули. Он сонно посмотрел на Уильяма.

– Явился с докладом для генерала Бергойна, – расправив плечи, сказал Уильям.

Слуга неспешно смерил его взглядом, с ленивым любопытством задержавшись на лице. Уильям засомневался – тщательно ли он побрился сегодня утром?

– Генерал вчера ужинал с бригадиром и полковником Сент-Леджером, – наконец сказал слуга и негромко рыгнул. – Приходи днем. – Он медленно поднялся, морщась, будто движения вызывали у него головную боль, и махнул рукой. – Если что, походная кухня там.

Глава 44. Друзья

22 июня 1777 года, форт Тикондерога

К немалому моему удивлению, капитан Стеббингс сидел. Бледный, словно полотно, в поту и покачивающийся, словно маятник, – но сидел. Дик квохтал над ним, как несущка над единственным птенцом.

– Вижу, вам лучше, капитан. Вскоре начнете вставать, – улыбнулась я ему.

– Уже... вставал. Думал, помру, – прохрипел он.

– Что?

– Он ходить! С моей рукой, но ходить, да! – заверил меня Дик, одновременно гордясь и тревожась.

Стоя на коленях, я слушала дыхание и пульс Стеббингса через деревянный стетоскоп, который сделал для меня Джейми. Сердце стучало, словно мотор восьмицилиндрового гоночного автомобиля, дышал он с присвистом и клокотанием, однако ничего криминального я не обнаружила.

– Поздравляю, капитан Стеббингс! – опустив стетоскоп и улыбнувшись, сказала я ему. Выглядел он по-прежнему ужасно, но дыхание мало-помалу выравнивалось. – Скорее всего, сегодня вы не умрете. Только скажите, чем вызван этот приступ активности?

– Мой... боцман, – выдавил он и раскашлялся.

– Джо Ормистон, – пояснил Дик. – Его нога воняет. Капитан ходить видеть его.

– Ормистон, значит. Его нога воняет?

Я насторожилась. Плохо, когда рана в подобном месте начинает пахнуть так, что привлекает внимание других людей. Я встала, собираясь выйти, но Стеббингс ухватил меня за юбку и, тяжело дыша, прихрипел:

– Позаботьтесь о нем. – Он обнажил в ухмылке пожелтевшие зубы и добавил: – Это приказ, мадам.

– Ладно, ладно, кэп, – раздраженно сказала я и направилась в здание, где лежали большинство больных и раненых.

– Миссис Фрэзер! Случилось что-то? – крикнула высокая худощавая брюнетка с порога лавки интенданта, мимо которой я прошла. Миссис Рэйвен. Ее волосы постоянно выбивались из-под чепца.

– Пока не знаю, дело может оказаться серьезным, – не останавливаясь, коротко ответила я.

– О! – воскликнула она, едва не выпалив «замечательно!». Затем решительно повесила корзинку на сгиб локтя и пошла за мной, твердо намереваясь Сотворить Добро.

Больные английские пленники лежали вместе с американскими пациентами в длинном каменном здании. Узкие окна без стекол пропускали мало света, а внутри было то холодно, то душно – в зависимости от погоды. Сейчас, в жаркий влажный полдень, войти в здание было все равно что получить по лицу горячим мокрым полотенцем, да к тому же еще и грязным.

Найти Ормистона оказалось нетрудно – вокруг его койки толпились люди. Лейтенант Стэктоу, чье присутствие меня не обрадовало, спорил с невысоким доктором Хантером – хорошо, что он тоже здесь. Еще двое хирургов пытались высказать свое мнение.

Я не глядя на больного могла сказать, что они обсуждают: видимо, рана Ормистона загнила, и они собрались ампутировать ему ногу. Скорее всего, на то имелись все основания. А спорят о том, в каком месте отрезать или кто это будет делать.

При виде хирургов миссис Рэйвен занервничала и отстала, а я набрала в грудь воздуха и устремилась вперед.

– Добрый день, доктор Хантер, – протолкавшись между двумя военными хирургами, сказала я юному квакеру. И добавила, чтобы присутствующие не сочли меня грубой: – И вам, лейтенант Стэктоу.

Я опустила на колени у койки больного, вытерла о юбку влажную ладонь и взяла мужчину за запястье.

– Как вы себя чувствуете? Капитан Стеббингс прислал меня, чтобы я позаботилась о вашей ноге.

– Что-что он сделал? – раздраженно спросил лейтенант Стэктоу. – Миссис Фрэзер, вы и в самом деле...

– Все хорошо, мадам, – прервал его Ормистон. – Капитан говорил, что пришлет вас. Я как раз объяснял этим джентльменам, что им нет нужды беспокоиться, поскольку я уверен: вы лучше знаете, что делать.

«Да уж, им очень приятно это слышать». Улыбнувшись, я сжала его запястье. Пульс был учащенным и слегка поверхностным. Учитывая, какой горячей оказалась его рука, я ничуть не удивилась красным полосам на его раненой ноге – признаку заражения крови.

Повязку с ноги уже сняли. Дик был прав – от ноги воняло.

– Боже мой! – ахнула за моей спиной миссис Рэйвен.

Гангрена уже проявилась: помимо запаха и похрустывания газов под кожей, пальцы на ноге начали чернеть. Я не злилась на Стэктоу – я тоже не смогла бы спасти ногу, учитывая ее первоначальное состояние и то, как ее лечили. Неплохо, что гангрена так недвусмысленно проявила себя – никто не сомневался в необходимости ампутации. О чем же они тогда спорили?

– Полагаю, миссис Фрэзер, вы видите, что ампутация неизбежна? – с вежливым сарказмом поинтересовался лейтенант.

Он уже разложил свои инструменты на ткани – неплохие, только вряд ли стерилизованные.

– Разумеется, – кивнула я. – Сожалею, мистер Ормистон. После ампутации вы почувствуете себя лучше. Миссис Рэйвен, не могли бы вы принести мне миску с кипятком? – Я повернулась к Денни Хантеру, который держал другую руку Ормистона и считал его пульс. – Вы согласны со мной, доктор Хантер?

– Да, – негромко сказал он. – Мы не сошлись во мнении насчет того, в каком месте ампутировать, а не насчет самой операции. А для чего нужен кипяток, друг... Фрэзер, так он вас назвал?

– Клэр, – коротко сказала я. – Кипяток нужен для стерилизации инструментов. Чтобы предотвратить послеоперационное заражение крови. – Стэктоу презрительно фыркнул, но я не обратила на него внимания. – А как вы рекомендуете ампутировать, доктор Хантер?

– Дензил, – мимолетно улыбнувшись, сказал он. – Друг Стэктоу хочет ампутировать под коленом...

– Разумеется! – запальчиво произнес Стэктоу. – Я хочу сохранить коленный сустав, к тому же необходимости отрезать выше нет!

– Как ни странно, я склонна согласиться с вами, – сказала я ему и повернулась к Дензилу Хантеру. – У вас иное мнение?

Он покачал головой и пальцем вернул сползшие очки на переносицу.

– Нужно удалять до середины бедра. У этого мужчины подколенная аневризма. Это...

– Я знаю, что это такое, – сказала я, нащупывая аневризму под коленом Ормистона. Он хихикнул, резко умолк и покраснел от смущения. Аневризма – большая плотная опухоль в подколенной впадине – мягко пульсировала под моими пальцами. Удивительно, что сосуды не лопнули во время морского боя или тяжелого переезда в Тикондерогу. В современной операционной можно было бы ампутировать ногу до колена и удалить аневризму, но не здесь.

– Ты прав, друг Дензил, – выпрямившись, сказала я. – Как только миссис Рэйвен принесет кипяток, мы...

Мужчины не слушали – смотрели на что-то позади меня. Я обернулась. По проходу шел Гвинейский Дик, из-за жары раздетый до набедренной повязки. Украшенная татуировками кожа блестела от пота. Он торжественно нес бутылку черного стекла, держа ее между ладонями.

– Капитан послать тебе грог, Джо.

– Боже, благослови капитана за его щедрость! – искренне воскликнул Ормистон.

Взяв бутылку, он зубами вынул пробку и принялся жадно пить.

Плеск воды возвестил о приходе миссис Рэйвен – найти кипяток оказалось легко: чуть ли не у каждого очага стоял чайник. По счастью, она принесли и холодной воды, так что я смогла помыть руки, не рискуя обварить их.

Я взяла один из коротких и широких ампутационных ножей и хотела уже опустить его в кипяток, но раздраженный лейтенант Стэктоу вырвал его у меня.

– Что вы делаете, мадам! Это мой лучший нож!

– Именно поэтому я и собираюсь им воспользоваться. Только сперва обмою.

На голове у Стэктоу топорщилась седая щетина; он был худощав и невысок, на два-три дюйма ниже меня – это выяснилось, когда я выпрямилась и посмотрела ему в глаза. Его лицо покраснело.

– Если вы опустите его в кипяток, то нарушите характер закалки металла!

– Нет, горячая вода всего лишь очистит его, – возразила я, до поры не проявляя своего характера. – Я не стану оперировать грязным ножом.

– Вот как? – Глаза Стэктоу радостно сверкнули, он прижал нож к груди. – Значит, оперировать придется не вам, правда?

Гвинейский Дик, с интересом прислушивавшийся к нашей перепалке, вдруг наклонился и вырвал нож из руки Стэктоу.

– Капитан говорит – она делает это для Джо. Она делает.

Грубое неповиновение разозлило Стэктоу – скривив губы, доктор бросился на Дика и попытался отобрать нож. Но у Дика была отличная реакция, натренированная межплеменными стычками и годами плавания под английским флагом, – он замахнулся на Стэктоу, похоже, намереваясь отрезать тому голову. У Дензила Хантера реакция была немногим хуже – он лишь чуточку промахнулся и не успел перехватить руку Дика, зато от толчка гвинеец врезался в Стэктоу и выронил нож. Мужчины вцепились друг в друга и какое-то время боролись, затем, потеряв равновесие, упали на койку Ормистона. Больной, бутылка грога, миска с кипятком, Дензил Хантер и хирургические инструменты полетели на каменный пол с грохотом, перебившим голоса всех присутствующих.

– О-о-о! – восторженно застонала потрясенная миссис Рэйвен. На подобное она не смела и надеяться.

– Денни, что ты делаешь? – раздался не менее потрясенный голос из-за моей спины.

– Помогаю оперировать другу Клэр, – сев, с достоинством ответил Дензил. В поисках очков он руками хлопал по полу вокруг себя.

Рэйчел Хантер нагнулась, подняла с каменного пола очки и водрузила их на нос брата. При этом она не сводила настороженного взгляда с лейтенанта Стэктоу. Распираемый злостью, тот медленно, словно воздушный шар, который надувают горячим воздухом, поднимался с пола.

– Ты, – хрипло сказал он и ткнул дрожащим пальцем в Дика. – Я повешу тебя за оскорбление офицера! – Обвиняющий перст указал на Дензила Хантера. – Вас предадут военному суду и уволят! А что до вас, мадам, – он выплюнул последнее слово и умолк, не в силах сразу придумать достаточно ужасную кару для меня. – Я попрошу вашего мужа вас побить!

– Пошекочи меня, дорогая, – невнятно произнес кто-то с пола. Посмотрев вниз, я увидела ухмыляющегося Ормистона. Падая, он ухитрился поймать бутылку с грогом и еще выпить.

Лейтенант Стэктоу издал звук, свидетельствующий о том, что чаша его терпения переполнена. Он торопливо собрал свои инструменты и ушел, звякая ножами и пилами и роняя некоторые из них на пол.

– Ты искала меня, Сисси? – спросил Дензил Хантер. Поднявшись с пола, он принялся расправлять пострадавшую койку.

– Не столько я, сколько миссис Браун. Она утверждает, что вот-вот родит, и хочет видеть тебя. Без промедления, – сухо ответила его сестра.

Доктор Хантер коротко фыркнул и посмотрел на меня.

– Миссис Браун – истеричка, в буквальном смысле этого слова, – пожал он плечами.

– Я знаю ее, – стараюсь не улыбаться, сказала я. – Лучше вам ею заняться, коллега.

Миссис Браун и в самом деле была истеричкой. А также женой командира ополчения – и потому считала, что наблюдать ее должна не простая повитуха, а доктор. Она услышала, что доктор Дензил Хантер работал с доктором Джоном Хантером, акушером самой королевы... Полагаю, мои услуги были бы отвергнуты.

– У нее не течет кровь и воды еще не отошли? – смирившись с неизбежным, спросил Дензил у сестры.

Гвинейский Дик, на которого недавний конфликт не произвел впечатления, поднял с пола матрас и уложил его на койку. Затем, присев, поднял Ормистона с той же легкостью, что и перьевой матрас, и уложил его на койку вместе с бутылкой.

– Чутьочку ниже, дорогая, да, вот так... – довольно прошептал Ормистон.

– Он готовый, – заявил Дик.

Дензил беспомощно посмотрел на сестру, потом на меня.

– Я пойду к миссис Браун, хотя срочности никакой. Не могла бы ты подождать, пока я вернусь и проведу операцию?

– Она делает это, – пристально глядя на Дензила, сказал Дик.

– Да-да, она, – заверила я его, приглаживая волосы. – Другое дело, чем она будет это делать. Ты можешь одолжить мне инструменты, док... друг Дензил?

– У меня есть неплохая пила. – Он мимолетно улыбнулся. – И я не буду против, если ты захочешь ошпарить ее кипятком. Только ножа у меня подходящего нет. Рэйчел может попросить его у других хирургов.

Рэйчел нахмурилась. Должно быть, другие хирурги недолюбливали доктора Хантера.

Я посмотрела на ногу Ормистона, оценила ее толщину, сунула руку в прорезь на юбке и коснулась ножен с ножом – хорошим, крепким, который Джейми недавно наточил. Изогнутый нож подошел бы больше, зато у моего подходящая длина...

– Не беспокойся, обойдусь своим. Пожалуйста, мисс... Рэйчел, найдите пилу брата. – Я улыбнулась ей. – Миссис Рэйвен, воды у нас больше нет, не могли бы вы...

– Разумеется! – воскликнула она и ушла, подобрав миску и по дороге пнув один из вырванных лейтенантом Стэктоу инструментов.

Многие заворожено наблюдали за скандалом вокруг ноги Ормистона, да и сейчас с опаской поглядывали на Гвинейского Дика.

– Миссис Браун может подождать четверть часа? – спросила я Дензила. – Мне будет легче оперировать с теми, кто понимает, что происходит, и может подержать ногу, пока я ее отпиливаю. А Дик будет держать больного.

– Четверть часа?

– Сама ампутация продлится меньше минуты, если не возникнет внезапных осложнений. Но подготовка к ней займет какое-то время, а еще мне потребуется ваша помощь в перевязывании перерезанных кровеносных сосудов. Кстати, куда подевалась бутылка с выпивкой?

Темные брови Дензила едва ли не коснулись линии роста волос, однако он все же указал рукой на Ормистона, который заснул в обнимку с бутылкой и уже начал похрапывать.

– Нет, я не собираюсь его поить, – сухо сказала я в ответ на выражение лица Дензила.

Взяв бутылку, я плеснула немного грога на чистую тряпицу и принялась протирать волосатое бедро Ормистона. К счастью, лейтенант забыл здесь хирургические нитки, а инструмент, который пнула миссис Рэйвен, оказался зажимом. Он пригодится, когда настанет пора зажимать концы перерезанных артерий, которые имеют неприятное свойство втягиваться в плоть, не переставая при этом кровоточить.

– Помочь? – спросил пребывающий в растерянности Дензил.

– Могу я взять твой пояс, чтобы перетянуть ногу?

– Конечно, – пробормотал он и без колебаний расстегнул пряжку. – Вижу, тебе уже приходилось делать это раньше, – добавил Дензил, глядя на меня с интересом.

– И не раз, к сожалению.

Я нагнулась к Ормистону. Дыхание у него было хриплым, но не затрудненным. За каких-то пять минут он выпил чуть ли не половину бутылки. Такая доза убила бы непривычного к грогу человека, но только не английского моряка. Невзирая на жар, пульс и дыхание Ормистона были в пределах нормы. Опыянение – не анестезия, больной в оглушенном состоянии, однако придет в себя, когда я начну резать его ногу. Хотя выпивка изгоняет страх и немного приглушает боль. Интересно, смогу ли я когда-нибудь – и где-нибудь – снова использовать эфир при анестезии?

В длинной зале было два или три небольших стола, на них лежали биндажи, корпия и прочие перевязочные материалы. Я выбрала что почище и вернулась к кровати больного. Как раз подошла миссис Рэйвен с миской воды, покрасневшая и запыхавшаяся, – видимо, боялась пропустить что-нибудь интересное. Вскоре вернулась и Рэйчел Хантер с пилой брата.

– Друг Дензил, не мог бы ты окунуть лезвие пилы в кипяток? – спросила я, обвязывая вокруг талии мешок, – он послужит мне фартуком. Капельки пота сбегали по спине и щекотали ягодицы; чтобы во время операции пот не затекал в глаза, я повязала на лоб полоску ткани. – Еще нужно соскрести грязь у рукояти. Мой нож и этот зажим тоже опусти в кипяток.

Он повиновался с озадаченным видом. Из толпы донеслись заинтересованные шепотки – людям никогда не доводилось видеть столь удивительного зрелища, хотя присутствие Дика заставляло их держаться на почтительном расстоянии.

– Как ты думаешь, лейтенант в самом деле собирается повесить нашего друга? – кивнув на Дика, шепотом спросил у меня Дензил.

– Уверена, ему бы хотелось его повесить, но вряд ли удастся. Дик – пленник-англичанин. А вот тебя лейтенант может привлечь к военному суду.

– По-моему, в армии не так уж много хирургов, чтобы начальство могло позволить себе их вешать. А если меня понизят в звании, это вряд ли отразится на моей компетенции. – Он весело улыбнулся. – У тебя вообще нет звания, а я верю, что ты справишься с операцией.

– Если будет на то воля Божия, – ответила я.

– Если будет на то воля Божия, – серьезно кивнув, повторил Дензил и дал мне нож, еще горячий после кипятка.

– Вам лучше отойти, – сказала я зрителям. – Здесь будет грязно.

– Боже мой, Боже мой, – дрожащим от предвкушения голосом пробормотала миссис Рэйвен. – Какой ужас!

Глава 45. Три стрелы

10 июня 1777 года, Мотвиль, Пенсильвания

Грей внезапно сел, едва не ударившись о нависающую над головой балку и какое-то время не осознавая, где находится. Сердце учащенно билось, на шее и висках выступил пот.

– Третья стрела, – произнес он вслух и тряхнул головой, пытаясь сопоставить эти слова с необычайно ярким сновидением, которое так внезапно оборвалось.

Сон, воспоминание или нечто схожее по природе с ними обоими?.. Он стоял в главной гостиной «Трех стрел» и смотрел на картину Стаббса, висящую справа от камина в стиле барокко. Стены были увешаны картинами – сверху, снизу, безо всякой последовательности. Было ли так на самом деле? Он смутно помнил давящее ощущение от обилия орнамента, но правда ли картины висели так тесно, сверху донизу, и с каждой на него смотрели лица? В этом сне барон Амандин стоял рядом с ним, мощное плечо касалось его плеча, они были одного роста. Барон рассказывал что-то об одной из картин; Грей не помнил, что именно – возможно, о приемах художника. Сесиль Бошан, сестра барона, стояла с другой стороны от Грея; ее обнаженное плечо касалось его плеча. Она благоухала жасмином, ее волосы были напудрены. Он барона пахло бергамотом и цибетом. Разве может присниться запах? В душной комнате тяжелый аромат парфюма мешался с горьким запахом пепла, вызывая дурноту. Чья-то рука легла на его зад, сжала, а потом принялась поглаживать.

Это было не во сне.

Грей медленно лег на кровать, закрыл глаза, стараясь вспомнить привидевшиеся образы. Затем сон стал эротическим: ему пригрезился чей-то рот на его исключительно чуткой плоти; собственно, именно связанные с этим видением ощущения и разбудили его. Кому принадлежал рот, он тоже не знал. Во сне присутствовал и доктор Франклин. Вспомнились его белые ягодицы, когда он шел по коридору впереди Грея, – слегка обвисшие, но еще довольно крепкие, его седые волосы, елозящие по костлявой спине, складки кожи на талии. Франклин с полнейшим равнодушием обсуждал висевшие на стенах картины. Воспоминание было ярким, окрашенным эмоциями. Разумеется, они с Франклином не... даже во сне. Но картины имели к этому какое-то отношение.

Грей попытался вспомнить что-то из картин, вот только реальность мешалась с порождением сна. Пейзажи... Нечто с египетскими мотивами, хотя вряд ли художник когда-либо бывал южнее Бретани. Традиционные семейные портреты...

– Да! – Он резко сел и на этот раз все-таки ударился головой о потолочный брус, причем сильно – до звезд в глазах, до невольного возгласа боли.

– Дядя Джон, что случилось? – донесся удивленный голос Дотти с соседней кровати; судя по шелесту покрывала на полу, ее служанка тоже проснулась.

– Ничего, ничего. Спи дальше. Я всего лишь иду... в отхожее место. – Он спустил ноги с кровати.

– Ох.

С пола донеслось шуршание, шепот, оборвавшийся после строгого шиканья Дотти. Входную дверь Грей нашел на ощупь – из-за закрытых ставней в комнате было темно, как в душе грешника. По лестнице он спустился благодаря слабому отсвету фонаря из главной залы трактира.

Свежий прохладный воздух снаружи пах чем-то знакомым; Грей не помнил, как это называется, но оно прочно засело в памяти. После сладострастных снов он почти с облегчением предался воспоминаниям. Долгие поездки в Виргинии, грязные дороги, свежие листья, отдача выстрелившего ружья, текущая по руке оленья кровь... Разумеется, они тогда охотились с Уильямом.

Внезапно он ощутил, что вокруг дикая природа – странное, острое чувство, свойственное Америке: словно где-то рядом среди деревьев таится нечто, не враждебное, но и не дружелюбное.

Ему нравились годы, проведенные в Виргинии, вдали от европейских интриг и лондонского общества. Он особо ценил их за то, что они способствовали сближению с сыном.

Грей всматривался в густую траву, однако, наверное, было уже слишком поздно: светлячки появляются в основном ранним вечером. Он хотел показать их Дотти. Когда они с сыном поселились в Виргинии, Уильям был очарован светлячками: он ловил их, осторожно накрывал другой рукой и вскрикивал от восторга, глядя, как в темноте меж ладоней зажигается свет. Каждое их летнее появление он встречал с радостью.

Облегчившись и, как ни странно, успокоившись, Грей медленно сел на колоду для рубки дров, что стояла во дворе трактира. Возвращаться в душную комнату не хотелось.

Интересно, где Генри? Где он ночует сегодня? В каком-нибудь карцере? Впрочем, в Колониях карцеров, как таковых, нет. Здесь даже обычные дома уютны и просторны. Наверное, его племянника держали в казарме, сарае, каком-нибудь подполе, – и все же он, насколько известно, пережил зиму, невзирая на довольно серьезные ранения. У него наверняка были какие-то деньги, он мог заплатить, чтобы его разместили в лучшем месте. Может, ему хватило денег даже на лечение.

Через два дня они уже будут в Филадельфии. К тому же у него есть рекомендательные письма, которые дал Франклин. Опять Франклин! Черт бы побрал этого мужчину с его воздушными ваннами. Хотя Грей из любопытства однажды присоединился к нему и нашел этот процесс приятным, но сидеть в чем мать родила в изысканно обставленной комнате с растениями в горшках на подоконниках и картинами на...

Нет-нет, в той комнате на верхнем этаже поместья «Три стрелы», разумеется, не было картин.

Снова нахлынули, мучительно дразня, смутные видения. Он закрыл глаза, глубоко вдохнул душистый воздух летней ночи и усилием воли отогнал их.

«Три стрелы». Кто же третья?.. Словно наяву он увидел слова из письма Хэла и от удивления открыл глаза. Он давно уже привык к туманным рассуждениям Хэла, но в тот раз ничего не понял. Однако их смысл, похоже, пустил корни в его подсознании – и все для того, чтобы проявиться посредством бредовых снов в разгаре ночи, посреди дикой природы. Зачем?

Грей осторожно потер макушку, которая болела от удара о балку. Пальцы машинально скользнули вниз, нащупав место, где жена Джейми Фрэзера после трепанации прикрыла дырку в его черепе сплюснутым серебряным шестипенсовиком. Она умело натянула кожу на рану, там теперь даже волосы росли. Грей редко замечал его или думал о нем, кроме тех случаев, когда в холодную погоду металл леденел, иной раз вызывая головную боль и насморк.

Промелькнула мысль, что, когда он приехал в «Три стрелы», было холодно, очень холодно.

За трактиром раздался шум. Стук копыт по засохшей грязи, чьи-то перешептывания.

Какие могут быть дела в такой час? Разве что темные...

Незнакомцы приближались. Грей не мог уйти – заметят, и затаил дыхание.

В двух шагах от него куда-то неторопливо проехали трое всадников, один из них держал поводья навьюченного мула. Грей не двигался, и всадники свернули на дорогу в Филадельфию. К чему такая таинственность? Впрочем, неудивительно. Он еще в прошлом году после возвращения в Северную Каролину заметил: вокруг царило нездоровое волнение, смутная тревога витала в воздухе. Люди стали подозрительными на новый лад: они не знали, кому верить. И не верили никому.

Мысль о доверии тут же вызвала в памяти образ Перси Уэйнрайта.

«Есть ли на земле тот, кому я верю еще меньше?» – подумал Грей.

И внезапно осознал, что есть. Перси предстал перед ним, как наяву: темноглазый, улыбающийся, он водил пальцем по бокалу с вином так, словно это был член Грея, а затем произнес: «Я женился на одной из сестер барона Амандина...»

– Одной из сестер, – прошептал Грей, вспомнив сон. Источаемый камнями «Трех стрел» холод казался таким реальным, что он пожегся, невзирая на теплую ночь. Два теплых похотливых тела, как наяву, сжали его с двух сторон. А на стене, незаметный среди множества картин, висел портрет троих детей: две девочки и мальчик с собакой на фоне узнаваемой стены «Трех стрел».

Вторая сестра. Третья стрела, которую Хэл, с его безошибочным чутьем на странное, никогда не видел, но все равно распознал.

Бошаны – знатный древний род, они очень любили говорить о себе. Во время визита Грей слышал о деяниях кузенов, дядьев, тетей, дальних родственников... и только о второй сестре ни слова.

Разумеется, она могла умереть в детстве, подобное случается нередко. Но почему тогда Перси сказал...

Заболела голова. Грей со вздохом поднялся и вошел в трактир. Однажды он поговорит с Перси – неизвестно, когда и где, но поговорит. Как ни странно, эта перспектива его больше не тревожила.

Глава 46. Леи

Брианна остановилась у домика, откуда можно было наблюдать за рыбой. Сезон нереста, когда косяки лосося плыли вверх по желобу специальной лестницы, чтобы преодолеть дамбу Питлохри, еще не настал, но сердце замирало, когда то здесь, то там внезапно вспыхивала серебром чешуя.

Глупо волноваться о том, что уже случилось. Брианна знала, что у родителей все хорошо, – ну, по крайней мере, они выбрались из форта Тикондерога: в коробке оставалось еще много писем. В любой момент можно прочитать эти письма и все выяснить. Вот потому-то она и чувствовала себя странно. Похоже, она не беспокоилась по-настоящему. Так, слегка волновалась. И в то же время Бри слишком хорошо знала, сколько подробностей опускается даже в самом подробном письме. Согласно книге Роджера, генерал Бергойн покинул Канаду в начале июня и пошел на юг, намереваясь соединиться с войсками генерала Хау, что разделило бы Колонии на две части. А шестого июля он остановился, чтобы напасть на Тикондерогу...

– *Coimhead air sin!*²⁰ – раздалось позади.

Брианна удивленно обернулась. Роб Кэмерон восторженно указывал на окно. Повернувшись в ту сторону, она увидела, как огромная серебристая, с темными пятнами на боках, рыба выпрыгнула из воды и скрылась в желобе.

– *Nach e sin an rud as brèagha a chunnaic thu riamh?*²¹ – спросил Роб, с чьего лица так и не сошло изумленное выражение.

– *Cha mhór!*²² – ответила она и, невзирая на беспокойство, слабо улыбнулась. Почти улыбнулась.

На лице Роба тоже цвела улыбка, но теперь он улыбался уже ей.

– А, так ты все-таки говоришь на гэльском! Я не поверил кузену – это с твоим-то боу-стоу-нским акцентом! – сказал он, растягивая звуки, словно бостонец, – так, по крайней мере, ему казалось.

– Оставь а-авто в па-арке Гарва-арда, – сказала она с настоящим – пусть и слегка преувеличенным – бостонским акцентом.

Роб рассмеялся.

– Как это у тебя получается? На гэльском-то ты говоришь без акцента. То есть он у тебя есть, но не такой. Скорее, как на острове Барра, может, или Юст.

– Мой отец – шотландец. Я переняла акцент у него.

– Правда? А откуда он? Как его зовут?

– Джеймс Фрэзер, – ответила она. Называть имя не опасно – Джеймсов Фрэзеров десятки. – Но его... уже нет в живых.

– Соболезную тебе. Мой отец погиб в прошлом году. Вот ведь как бывает, да? – Роб сочувственно коснулся ее руки.

– Да, – кратко ответила Брианна и прошла мимо.

Он тут же повернулся и последовал за ней.

– Роджер говорил, у вас детишки есть? – Роб улыбнулся уголком рта, уловив ее удивление. – Встретил его в ложе. Хороший парень.

– Хороший, – настороженно согласилась Брианна.

Роджер не говорил, что встретил Роба. Интересно почему? Они, похоже, общались довольно долго, раз уж Роб выяснил, что Роджер ее муж и у них есть дети.

²⁰ Только погляди!

²¹ Разве это не самое прекрасное зрелище?

²² Почти (гэльск.).

– Как жаль проводить такой чудесный день на дамбе. Сейчас бы побыть у воды... – Роб кивнул в сторону потока, где на мелководе стояли, словно цапли, шестеро рыбаков. – Вы с Роджером умеете рыбачить?

– Я умею, – сказала она и вспомнила подергивание удочки в руках, отзывающееся нетерпеливой дрожью в теле. – А ты, значит, любишь рыбачить?

– Да, у меня есть разрешение на рыбалку в национальном парке Ротимерчус. Скажи, если когда-нибудь захочешь съездить, босс.

Он обогнал ее и, насвистывая, первым вошел в офис дамбы.

* * *

«Лей – это невидимая линия между двумя значимыми географическими объектами, обычно древними сооружениями или мегалитами. Существует несколько теорий, объясняющих существование леев; ведутся споры на тему, феномен это или всего лишь объект человеческой культуры.»

Я имею в виду следующее: если выбрать два значимых для людей объекта, то от одного до другого, скорее всего, будет проложен путь, и не важно, что это за объекты. Например, Лондон и Эдинбург соединяет широкая дорога, потому что люди хотят часто ездить из одного города в другой. А леем называют древний путь, ведущий, скажем, от мегалита к старому аббатству, построенному на месте языческого святилища.

Поскольку иных материальных свидетельств, помимо очевидного существования подобных линий, нет, о леях ведется много пустых разговоров. Некоторые придают им магическое или мистическое значение. Я не вижу причин для этого, и такого же мнения придерживалась и твоя мать, а она все-таки ученый. С другой стороны, наука порой меняет точку зрения, и то, что кажется магией, может обрести научное обоснование. (Примечание: сделать сноску о Клэр и заготовке трав.)

Тем не менее одну из теорий о леях можно объяснить физическими законами. Возможно, ко времени, когда тебе в руки попадет этот текст, ты уже будешь знать, кто такие лозоходцы. Если получится, я постараюсь познакомить тебя с одним из них. На всякий случай поясню: лозоходец может обнаружить под землей воду, а иной раз залежи руды. Некоторые из лозоходцев для обнаружения воды используют раздвоенную на конце ветку, металлический прут или иной предмет, другие же просто чувствуют ее. У этого умения нет обоснования; твоя мать говорит, если следовать принципу Оккама, подобные люди просто знают геологию и признаки мест, под которыми залегают подземные воды. Я видел, как работают лозоходцы, и могу сказать, что это не совсем так, – особенно учитывая теории, о которых я тебе рассказываю.

Одна из теорий гласит, что вода или металл имеют некое магнитное излучение, которое и чувствует лозоходец. Твоя мать полагает, что первая часть утверждения верна и в земной коре существуют геомагнитные полосы, которые опутывают весь земной шар. Более того, она сказала, что эти полосы можно определить специальными приборами, но они непостоянны – меняют свое направление. Считается, что в этом виноваты пятна на солнце и смена полюсов.

Еще один интересный факт: почтовые голуби (возможно, другие виды птиц тоже), похоже, чувствуют геомагнитные линии и с их помощью определяют, куда лететь.

Мы с твоей мамой подозреваем, что леи – если они существуют – проходят по геомагнитным линиям (или вдоль них). Там, где они пересекаются или сливаются, возникает место, где магнитные излучения становятся... другими (я использую это слово за неимением лучшего определения). Мы полагаем, что эти слияния – или некоторые из них – вполне могут быть теми самыми местами, в которых люди, чувствительные к подобному излуче-

нию (словно голуби), в состоянии перемещаться из одного времени в другое (как твоя мать, я, ты, Джем и Мэнди). Если же мой текст сейчас читает родившийся после моей смерти ребенок (или внуки), то я не знаю, есть ли у тебя эта чувствительность или способность – назови как хочешь, – но заверяю тебя, она действительно существует. Твоя бабушка подозревает, что она генетическая, похожая на умение сворачивать в трубочку язык. Если у тебя нет такой способности, ты просто не поймешь, что нужно сделать, даже если несколько раз увидишь, как это делают другие. Но если ты обладаешь ею, то я даже не знаю, поздравить тебя или поздравить, хотя она вряд ли хуже всего остального, что родители, сами не зная, передают своим детям: кривых зубов, например, или близорукости.

Весь смысл в том, что умение путешествовать во времени может зависеть от врожденной чувствительности к этим... точкам слияния? завихрениям времени?.. или леям.

Из-за особой геологической истории Британских островов на них можно обнаружить немало леев, или, что одно и то же, множество археологических объектов, которые как будто связаны этими линиями. Мы с твоей матерью собираемся описать их, насколько это возможно сделать, не подвергая себя опасности. Главное, не ошибиться, ибо объект может оказаться порталом.

Если моя гипотеза верна, то «открытость» данных мест в дни, соответствующие древним праздникам Солнца и Огня (по крайней мере, большая, чем в иное время), зависит от силы притяжения Солнца и Луны. Логично: раз уж небесные тела влияют на Землю, создавая приливы и меняя погоду, то почему бы им, в конце концов, не сотворить и временные завихрения?

Примечание: твоя мать говорит... вообще-то она много чего говорит, но я уловил лишь слова «Единая теория поля». Насколько мне известно, «Единая теория поля» еще не существует, но когда ее откроют, она объяснит чертову тучу всего и, помимо прочего, даст ответ, почему точка слияния геомагнитных линий влияет на время. Из объяснений твоей матери я понял, что пространство и время под влиянием притяжения иногда становятся единым целым. Хотя понял ли? Это столь же необъяснимо для меня, как и все остальное, что касается данного явления.

Примечание второе...

– Ты какой-то смысл здесь видишь? – спросил Роджер. – По крайней мере, сейчас?

– Сейчас все, что относится к этой теме, имеет смысл.

Его серьезный вид вызвал у нее улыбку. На щеке Рождера было чернильное пятно, черные волосы растрепались.

– Преподавание должно быть в крови. – Вынув из кармана платок, Брианна лизнула его и поднесла к лицу мужа. – Знаешь, есть такое замечательное современное изобретение – шариковая ручка...

– Мне они не нравятся, – ответил он и закрыл глаза, принимая ее заботу. – Даже авто-ручка уже роскошь по сравнению с птичьим пером.

– Так и есть. Когда отец писал ей письма, он вечно выглядел, как после взрыва на чернильной фабрике.

Ее взгляд вернулся к первому примечанию, и она коротко фыркнула, заставив Роджера улыбнуться.

– Стоящее объяснение?

– Учитывая, что оно для детей, звучит более чем убедительно, – заверила Брианна. – А что во втором примечании?

– Ах, это... – Он смущенно откинулся на спинку стула и сцепил руки.

– В нем будет что-то наподобие Самого Веского Довода в пользу того, чтобы идти туда?

– Вообще-то, да, – неохотно ответил Роджер и посмотрел ей в глаза. – Записи Гейлис Дункан. Книга миссис Грэм будет третьим примечанием. Пояснения твоей матери о насаждении суеверий – четвертым.

У Брианны зашумело в ушах, и она на всякий случай села.

– Уверен, что стоит об этом писать?

Она не знала, где находятся записи Гейлис Дункан, – и не хотела знать. Маленькая книжица, которую Фиона Грэм, внучка миссис Грэм, дала им, хранилась в Эдинбурге, в сейфовой ячейке Королевского банка Шотландии.

Роджер со вздохом покачал головой.

– Не уверен. Но сама подумай – мы не знаем, сколько лет будет детям, когда они это прочтут; нам обязательно следует дать хоть какие-то указания. На тот случай, если с нами что-нибудь случится прежде, чем они достаточно повзрослеют и мы сможем рассказать им... все.

Спину обдало холодом, словно по ней скользнул кубик льда. Роджер прав. Вдруг они оба погибнут в автомобильной аварии, как родители ее матери. Или дом загорится...

– Нет, вряд ли этот дом сгорит, – сказала она вслух, глядя на окно за спиной Роджера, проделанное в каменной стене толщиной восемнадцать дюймов.

Роджер улыбнулся.

– Да уж, пожар нам не грозит. Но записи... Я понимаю, что ты имеешь в виду. Надо будет просмотреть их и отфильтровать информацию: у нее там немало написано о том, какой из каменных кругов активен в то или иное время – это может пригодиться. Потому что читать все остальное... – Он замялся в поисках верного слова.

– Противно, – предложила Бри.

– Словно наблюдаешь, как кто-то у тебя на глазах медленно сходит с ума. Но «противно» тоже подходит. – Роджер взял у нее листы и сложил в одну стопку. – Как истинный ученый, я считаю неправильным урезать оригинальный источник.

Бри фыркнула, выразив тем самым свое отношение к Гейлис Дункан как к источнику чего-либо еще, помимо неприятностей. Хотя...

– Пожалуй, ты прав, – неохотно признала она. – Можно сделать резюме и просто упомянуть, где находятся сами записи, – на случай, если кто-нибудь из потомков ими сильно заинтересуется.

– Дельная мысль. – Он положил листы в ноутбук, закрыл крышку и встал. – Я схожу за ними, скорее всего, после уроков. Может, возьму с собой Джема и покажу ему город; он уже достаточно взрослый, чтобы пройти Королевскую Милю²³, да и замок ему наверняка понравится.

– Только не води его в подземелья!

Роджер усмехнулся.

– Так познавательно – восковые фигуры людей, которых некогда пытали. Настоящая история!

– Не будь это историей, было бы не так ужасно... – Повернувшись, Брианна случайно взглянула на часы. – Роджер! У тебя ведь урок гэльского языка в школе!

Он в ужасе тоже глянул на часы, подхватил со стола стопку книг и бумаг и выскочил из комнаты, витиевато высказавшись на гэльском.

Бри вышла из комнаты и увидела, как Роджер торопливо поцеловал Мэнди и бросился к двери. Мэнди встала в дверном проеме и принялась воодушевленно махать вслед отцу.

– Пока, папа! Пвинеси мне мороженое!

– Если он забудет купить тебе мороженое, то мы сами после ужина сходим за ним в деревню, – пообещала Брианна и подхватила дочь.

²³ Королевская Миля – главная улица Эдинбурга, длиной 1,8 км, ведет от Эдинбургского замка к королевской резиденции.

Она стояла в дверном проеме с Мэнди на руках и наблюдала, как старый оранжевый «Моррис» чихнул, поперхнулся, вздрогнул и тронулся с места, выпустив голубоватое облако дыма. Нахмурившись, Бри подумала, что нужно поменять свечи зажигания. У поворота Роджер обернулся и улыбнулся им, и она помахала ему рукой, а потом притянула ближе к себе головку Мэнди, вдыхая сладкий запах шампуня «Джонсонс бэби» и потного ребенка. Она до сих пор слегка нервничала – скорее всего, из-за упоминания о Гейлис Дункан. Эта женщина давно умерла – и все же она была прапрабабушкой Роджера. Врожденной может оказаться не только способность путешествовать через каменные круги.

Хотя кое-что со временем ослабевает. Например, Роджер не имеет ничего общего с Уильямом Баккли Маккензи – сыном Гейлис Дункан от Дугала Маккензи, который повесил Роджера.

– Сукин сын, гореть тебе в аду! – тихонько выругалась Брианна.

– Это пвохое свово, мама, – укоризненно сказала Мэнди.

* * *

Класс был заполнен детьми, пришли также некоторые из родителей, и даже несколько бабушек и дедушек расположились у стен. Роджер испытывал легкое головокружение – не полноценную панику или испуг, а то ощущение, которое возникает, когда заглядываешь в широкий каньон и не видишь его дна. Он ощущал подобное, когда выходил на сцену. Он глубоко вздохнул, положил книги и бумаги, улыбнулся присутствующим и произнес:

– *Feasgar math!*²⁴

Как всегда, этого оказалось достаточно: первое слово сказано – или спето, – и он ощущает себя проводом, по которому течет ток. Устанавливается связь между ним и публикой, и следующие слова приходят будто из ниоткуда, текут сквозь него, как водный поток через гигантскую турбину на работе Бри.

Коротко представившись, Роджер заговорил о смысле гэльских ругательств – ведь именно из-за них пришли большинство детей. Родители недоуменно подняли брови, однако дедушки и бабушки понимающе улыбнулись.

– В гэльском нет таких плохих слов, как в английском. Извини, Джимми, – усмехнулся он взъерошенному блондину во втором ряду, который, скорее всего, был сыном мерзавца Гласкока, сказавшего Джемми, что тот попадет в ад.

Когда смех утих, он продолжил:

– Впрочем, это не означает, что нам не удастся высказать свое негативное мнение. Однако гэльские ругательства – это искусство, а не грубость.

Теперь уже засмеялось старшее поколение, и несколько детей удивленно посмотрели на своих дедушек и бабушек.

– Например, я однажды слышал, как фермер сказал свинье, залезшей в кормушку с едой: «Чтоб твои кишки вылезли наружу и их склевали вороны!»

– О-о-о! – восхищенно вздохнули дети.

Роджер улыбнулся и произнес несколько отредактированных версий самых изобретательных ругательств, которые время от времени произносил его тесть. Вряд ли стоило упоминать, что даже невзирая на отсутствие в гэльском грязной брани, при желании всегда можно выразиться по-настоящему грубо, назвав кого-либо «дочерью суки». Если же дети хотят узнать, что Джем на самом деле сказал мисс Гленденнинг, им придется спросить его самого. Может, они уже спросили.

²⁴ Добрый день! (гэльск.)

Затем он перешел к более серьезной теме и вкратце описал гэльтахт – области Шотландии, где издавна говорили на гэльском. Потом рассказал несколько анекдотов про то, как подросток изучал гэльский на судне для ловли сельди в проливе Минч, – включая полную версию речи капитана Тейлора, которую он произнес, когда шторм вымел из нор всех омаров и расколотил все его кружки (этот образчик красноречия вместе со сжатым кулаком адресовался морю, небесам, команде и омарам). Слушатели снова засмеялись, а два старикана на заднем ряду с усмешкой принялись перешептываться – должно быть, тоже попадали в подобную ситуацию.

– Но гэльский – все-таки язык, – сказал Роджер, когда смех утих. – А значит, что изначально он предназначен для общения, а не для ругани, чтобы люди разговаривали друг с другом. Кто из вас когда-нибудь слышал построчное пение? А «песни прачек»?

Многие заинтересованно зашептались. Роджер объяснил, что такое «песни прачек»: женщины работают вместе, отбивают, трут и мнут влажную шерсть, чтобы сделать ее плотной и непромокаемой. Ведь в старину не существовало макинтошей и резиновых сапог, а людям все равно нужно было выходить из дома днем и ночью, в любую погоду, скот и земля требовали постоянного внимания. Во время работы женщины поют...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.